Н. Кравченко.

Д 900
М 474

На войну!

98

ЭБ

БИБЛІОТЕКА
А. П.
АЛЕНИТСКАГО.

5473

Рус.-Литов-на

ВИДЪ СЪ ЗОЛОТОЙ ГОРЫ НА ВНѢШНІЙ РЕЙДЪ.

Лаотешанскія горы.

Тигровый полуостровъ.

„Баянъ". „Гилякъ". Брандеры. Проходъ въ гавань.

Брандеры.

Этюдъ *Н. Кравченко.*

900/474
801-11
1327
ВО
14. М

Н. КРАВЧЕНКО.

НА ВОЙНУ!

18. ОКТ. 1909

ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНІЯ, ОЧЕРКИ
ВОЕННАГО КОРРЕСПОНДЕНТА.

БИБЛІОТЕКА А. П. АМЕНИТСКАГО.
ЭБ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ.
1905.

Государственная
БИБЛИОТ ..А
СССР
им. В. И. Ленина

12775-65

2007241119

Памяти

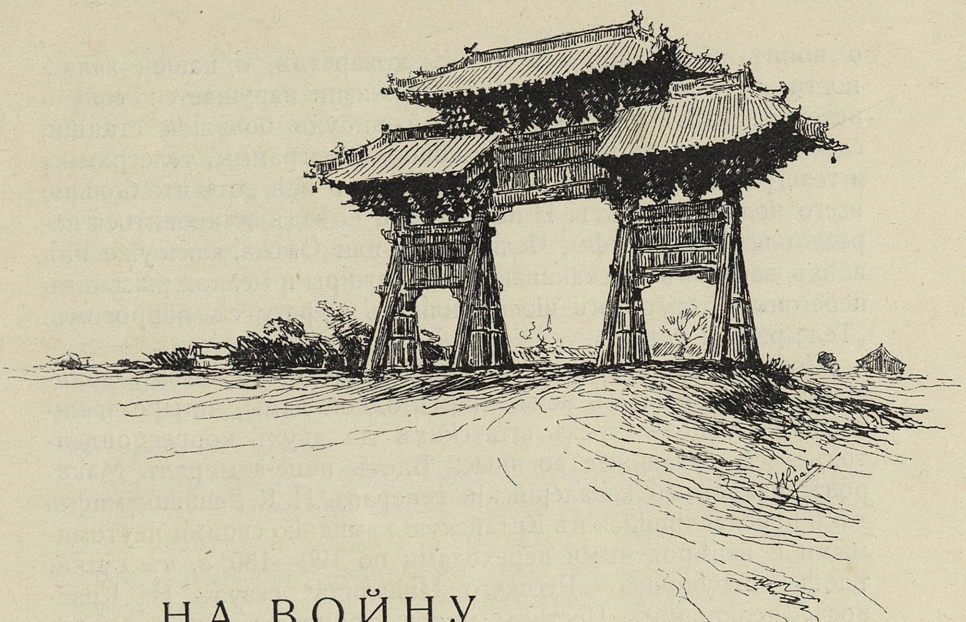
Василія Васильевича

Верещагина.

„.....правду, только правду!“

И я писалъ правду. Писалъ не фантазируя, не измышляя, писалъ только то, что видѣлъ и слышалъ.

Н. Кравченко.

НА ВОЙНУ.

Съ дороги.

ПИСЬМО I.

Ст. Маріинская, 11 февраля.

Вотъ ужъ пять дней, какъ я ѣду въ сибирскомъ поѣздѣ. Давно мы перевалили за Уралъ, проѣхали Челябинскъ, оставили позади себя Омскъ, а до конца пути все еще далеко.

Въ дорогѣ узнаешь мало новаго. Въ Петербургѣ получаются телеграммы и корреспонденціи со всего свѣта; тамъ знаютъ не только то, гдѣ, кто и что дѣлаетъ въ данное время, но даже и что собираются дѣлать, а здѣсь въ мѣрно покачивающемся и однообразно поскрипывающемъ вагонѣ мы знаемъ только то, что дѣлается вокругъ насъ.

Сибирскій поѣздъ почти полонъ. Какъ всегда, въ первый день пассажиры молча оглядывали другъ друга, но потомъ скоро перезнакомились, освоились со своимъ положеніемъ и установили довольно регулярный образъ жизни. По утрамъ собираются въ вагонъ-ресторанъ пить кофе и чай, потомъ отправляются по своимъ купэ почитать, поиграть въ карты, въ шахматы или продолжать безконечные разговоры

о войнѣ, о японцахъ, объ ихъ коварствѣ, о нашей халатности и т. п. Однообразіе такой жизни нарушается только нетерпѣливымъ ожиданіемъ какой-нибудь большой станціи, гдѣ можно узнать что-нибудь новое. Телеграммы, телеграммы и телеграммы—вотъ чѣмъ живутъ теперь всѣ, вотъ что больше всего волнуетъ всѣхъ. И не успѣетъ поѣздъ остановиться передъ платформой Уфы, Челябинска или Омска, какъ уже изъ всѣхъ вагоновъ выскакиваютъ пассажиры и мелкой рысью въ перегонку бѣгутъ къ кіоску или къ буфету съ вопросомъ: „Телеграммы есть?“

Поѣздъ, въ которомъ я теперь ѣду, можно назвать воинскимъ поѣздомъ. Въ немъ, кромѣ одной дамы, четырехъ китайцевъ-купцовъ, трехъ штатскихъ да двухъ корреспондентовъ—всѣ остальные военные. Ѣдетъ вице-адмиралъ Макаровъ, извѣстный кавалерійскій генералъ П. К. Ренненкампфъ, такъ прославившійся въ Китайскую кампанію своими неутомимыми и невѣроятными переходами по 120—130 в. въ сутки, ѣдетъ сотрудникъ „Русскаго Инвалида“ есаулъ Н. Красновъ, полковникъ Пестичъ, много офицеровъ Генеральнаго штаба, артиллеристы, кавалеристы и нѣсколько офицеровъ Гвардейскаго экипажа. Всѣ ѣдутъ на войну, туда, гдѣ на равнинахъ Манчжуріи или въ ея поросшихъ лѣсомъ горахъ они встрѣтятся со своимъ ехиднымъ и безпощаднымъ врагомъ, не останавливающимся ни передъ чѣмъ. Очень мало кто изъ нихъ отправляется по назначенію: большинство по собственному желанію. Къ будущему относятся серьезно, ожидаютъ всякихъ неожиданностей, но всѣ въ то же время вѣрятъ, что въ концѣ концовъ мы сломимъ врага и какъ слѣдуетъ разсчитаемся за то вѣроломство, съ которымъ онъ началъ войну. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что, подстрекаемые и подкупаемые японцами, опять проявятъ свою дѣятельность хунхузы, только теперь съ ними, какъ уже съ знакомымъ врагомъ, нашимъ охранникамъ и казакамъ будетъ не трудно управиться.

Само собою разумѣется, что шайки этихъ воинственныхъ грабителей нерѣдко будутъ изрядной помѣхой и съ ними придется считаться, такъ какъ, находясь постоянно въ боевой обстановкѣ и въ вѣчной войнѣ съ китайскими войсками, они закалились, прекрасно ознакомились съ мѣстностью и приспособились къ ней. Впрочемъ, если умѣли управляться съ ними до сихъ поръ, сумѣютъ управиться и теперь.

Гораздо больше всѣхъ занимаютъ японцы, прекрасно знакомые съ Манчжуріей, которую они, подъ видомъ куп-

цовъ и комиссіонеровъ, исходили вдоль и поперекъ,—японцы, знающіе насъ, наше войско, наши силы и готовые на все, когда имъ нужно добыть какое-нибудь свѣдѣніе. Шпіонство въ крови у японцевъ, и вся ихъ исторія полна кровавыхъ страницъ, на которыхъ шпіоны и убійцы изъ-за угла играютъ главную роль. Зная, что для успѣшной борьбы съ ними намъ прежде всего нужна Сибирская дорога, благодаря которой наша армія всегда можетъ получать и питаніе и подкрѣпленія, они разослали повсюду множество офицеровъ, задача которыхъ взрывать гдѣ можно мосты.

Въ виду этого съ начала кампаніи всѣ большіе мосты Сибирской дороги, а въ послѣдніе дни и маленькіе, охраняются часовыми, разъѣздами и брандвахтами.

Дорогой мы перегнали множество поѣздовъ съ запасными чинами, отправляющимися въ Манчжурію. Въ своихъ огромныхъ черныхъ мѣховыхъ шапкахъ, въ шинеляхъ, большей частью нараспашку, они выглядятъ молодцами. Всюду, гдѣ стоятъ ихъ поѣзда, раздается залихватское пѣніе, жалобно пиликаетъ скрипка, надрывается гармоника, а на одной стан-

Провожатые. Изъ дорожнаго альбома художника.

ціи между рельсами какой-то бравый унтеръ лихо откалывалъ трепака. Перегнали мы и одинъ санитарный поѣздъ съ сестрами и братьями Краснаго Креста, изъ котораго къ намъ въ столовую пришли два врача и просили дать имъ послѣдніе нумера газетъ. Ихъ просьбу охотно исполнили и предложили, пока стоимъ, выпить съ нами по бокалу вина. Движеніе всѣхъ поѣздовъ идетъ значительно скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, хотя все-таки остановки на станціяхъ довольно продолжительны.

Шестидневный переѣздъ въ одномъ и томъ же поѣздѣ, въ кругу однихъ и тѣхъ же лицъ начинаетъ утомлять и надоѣдать. Не хочется ни говорить, ни читать и только игра въ карты да шахматы еще немного развлекаетъ. Впрочемъ, не всѣхъ одинаково. Есть такіе, которыхъ игра совсѣмъ не интересуетъ, и такіе, которые отдаются ей со всей страстью, не думая ни о проигрышѣ, ни о томъ, что будетъ потомъ; такимъ, между прочимъ, оказался одинъ корреспондентъ, сначала обыгравшій двухъ только что выпущенныхъ молодыхъ врачей, а затѣмъ и самъ попавшій въ руки болѣе опытнаго игрока, какого-то подозрительнаго пѣхотнаго капитана, обобравшаго своего партнера такъ, что послѣднему пришлось остановиться въ Иркутскѣ. Подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ тамъ же остался и капитанъ. Вся эта исторія, вмѣстѣ съ обильнымъ возліяніемъ, послѣ котораго корреспондентъ нерѣдко начиналъ безобразничать и однажды даже былъ вынесенъ изъ столовой, раздражала всѣхъ, но прекратить ее мы не могли.

Отъ скуки я какъ-то заглянулъ въ одинъ воинскій поѣздъ и спросилъ стрѣлковъ, каково имъ ѣхать. Говорятъ, что хорошо, тепло, да и по ихъ здоровымъ, веселымъ лицамъ видно, что не дурно.

Повсюду на станціяхъ невиданное оживленіе. Встрѣчать воинскіе поѣзда выходитъ много народу; солдатамъ собираютъ на дорогу, даютъ булки, молока, даже водки, словомъ снабжаютъ и угощаютъ кто чѣмъ можетъ. Провожаютъ такъ, какъ только можетъ провожать свой человѣкъ родного на трудное, отвѣтственное дѣло.

Не помню теперь на какой именно станціи, мы получили телеграмму о назначеніи А. Н. Куропаткина командующимъ арміей; эта вѣсть была встрѣчена всѣми съ восторгомъ, и веселыя застольныя рѣчи моихъ спутниковъ, подогрѣтыя лишнимъ стаканомъ вина, полились еще живѣе.

Спутники.

Лейт. Ладыгинъ. Н. Красновъ. Ген. Ренненкампфъ. Н. Цедербергъ.

Запасные.

ПИСЬМО II.

Иркутскъ, 11 февраля.

Зима, кругомъ зима. Море снѣга, несчастныя деревушки, занесенныя по самыя крыши, куцыя мохнатыя лошаденки, то шагомъ, то рысью влекущія за собой примитивныя дровни, да порой хорошіе лѣса въ чудномъ зимнемъ уборѣ — вотъ что мелькало передо мной почти въ теченіе девяти сутокъ — время нашего переѣзда отъ Москвы до Иркутска въ „ско-

ромъ“ сибирскомъ поѣздѣ. „Скорый поѣздъ“ только одна кличка, на самомъ же дѣлѣ онъ ходитъ здѣсь очень медленно и даже медленнѣе нашихъ почтовыхъ. Но теперь, когда вся Сибирь на военномъ положенiи, когда все и вся здѣсь принесено въ жертву интересамъ передвиженія нашихъ солдатъ, идущихъ на пополненіе сибирскихъ полковъ, и эта скорость кажется чрезвычайной. Да и не все ли равно, на день, на два раньше или позже мы прiѣдемъ къ Байкалу, когда тамъ дальше, быть можетъ, придется ѣхать съ воинскими поѣздами, идущими еще медленнѣе и съ обязательными двухчасовыми остановками.

Мы еще далеки, даже очень далеки отъ мѣста военныхъ дѣйствiй, а уже война чувствуется и здѣсь, въ этой странной обстановкѣ. Всюду необычное движенiе, много военныхъ, непривычная для русскихъ торопливость и усталыя, озабоченныя лица. Безконечной цѣпью тянутся воинскiе поѣзда, на станцiяхъ раздается громкiй говоръ, крики и пѣсни запасныхъ. Въ здоровомъ морозномъ воздухѣ какъ-то торжественнѣе и значительнѣе звучатъ свистки паровозовъ и звонъ колоколовъ сосѣднихъ церквей, зовущихъ на молитву. Невольно во всемъ чувствуется торжественность и важность переживаемаго времени. Зашевелилась, видно, проснулась могучая Русь и, медленно потягиваясь, расправляетъ свои члены. Забѣгала горячая кровь, сердито засверкали добродушные глаза и потянулась безконечная рать „въ чужу-дальнюю сторонку“ бить назойливаго врага.

За девятидневный переѣздъ я много разъ ходилъ около воинскихъ поѣздовъ, разговаривалъ съ солдатами, любовался ихъ здоровыми, веселыми лицами, и не могу не подивиться той безконечной мощи, добродушiю и спокойствiю, съ которыми эта сѣрая масса идетъ на край свѣта подставлять свою грудь подъ вражескiе удары. Многiе ли изъ нихъ вернутся домой, многимъ ли придется разсказать о томъ, что они видѣли и перечувствовали на чужой сторонѣ?

Кажется, что никто изъ нихъ объ этомъ не думаетъ и во всякомъ случаѣ не говоритъ. На каждой станцiи они выскакиваютъ изъ вагоновъ, бѣгаютъ по полотну, заглядываютъ въ окна другихъ проходящихъ поѣздовъ и веселятся какъ дѣти. Многихъ смущаетъ то, что запасные отстали, успѣли отвыкнуть отъ военной службы, что они избаловались въ деревенской обстановкѣ, забыли дисциплину, и не умѣютъ обращаться съ новымъ ружьемъ. Но эти страхи напрасны. П. К. Ренненкампфъ говорилъ, что запасные въ Китайскую кампанiю

оказались на должной высотѣ. Недѣля, двѣ работы—и почти всѣ они уже старые, опытные служаки. Его знаменитый кавалерійскій отрядъ почти цѣликомъ состоялъ изъ однихъ запасныхъ.

Пріѣхали мы въ Иркутскъ поздно, въ 3 ч. ночи, и, думая, что сейчасъ же намъ, вѣроятно, придется пересаживаться въ другой поѣздъ, чтобы слѣдовать дальше, выскочили на платформу, а затѣмъ вошли, вѣрнѣе втиснулись въ вокзалъ—въ залъ перваго и второго классовъ. Первое, что поразило насъ — былъ дѣтскій плачъ, потомъ какая-то грязная полутьма и сплошная толпа народу, которая тамъ стояла, сидѣла и полулежала. Негдѣ яблоку упасть. Всѣ углы, проходы, уборныя—все было занято чемоданами, тюками, корзинами, одѣялами, взрослыми и дѣтьми, которыя валялись повсюду. Бѣдныя дѣти! Съ блѣдными, восковыми лицами, усталыми, вялыми движеніями, съ опухшими, отуманенными глазками, они имѣли такой измученный, жалкій видъ, что, право, и у черстваго человѣка шевельнулось бы чувство состраданія къ этимъ невиннымъ и самымъ несчастнымъ жертвамъ войны.

Напуганная надвигающейся грозой и зная по разсказамъ ужасы минувшихъ возстаній въ Манчжуріи, вся эта безконечная толпа матерей съ дѣтьми бросилась въ безпорядочное бѣгство. Торопливо, какъ на пожарѣ, похвативъ все, что попалось подъ руку, онѣ кинулись на станціи. Не хватило вагоновъ пассажирскихъ и женщины съ дѣтьми, часто грудными, повлѣзали въ багажные, иногда вовсе не отопляемые, и потянулись въ Россію. Что было тамъ, въ Манчжуріи, я не знаю, но представить себѣ не трудно.

Здѣсь же теперь скопилось столько народа, что поѣзда, отходящіе въ Россію, не могутъ всѣхъ вмѣстить. Съ каждымъ

днемъ этихъ несчастныхъ является все больше и больше, и сегодня намъ пришлось слышать, что есть такіе, которые сидятъ уже *недѣлю*. Да, недѣля жизни на вокзалѣ, въ душномъ, тѣсномъ помѣщеніи, гдѣ дѣтямъ не только негдѣ погулять, побѣгать, но даже и походить. На дворѣ морозъ въ 20 градусовъ, иногда и вѣтеръ, а впереди еще долгій, долгій путь въ биткомъ набитыхъ вагонахъ. Тяжело этимъ несчастнымъ дѣтямъ, очень тяжело, и переносить все это имъ приходится тогда, когда ихъ отцы остались въ чужой странѣ, на своемъ опасномъ посту, каждый день подвергая свою жизнь всякимъ случайностямъ войны, оставляя на произволъ жизнь и будущность дѣтей.

Одинъ семейный офицеръ съ грустью сказалъ мнѣ надняхъ: „Знаете, въ жизни и смерти никто не воленъ и, конечно, пріятнѣе и лучше умереть на войнѣ, борясь за то, что стало теперь такъ дорого намъ всѣмъ, чѣмъ подъ колесами зазѣвавшагося извозчика или отъ катарра желудка; только больно сознавать, что нельзя поручиться за то, что дѣти, оставшись безъ отца, смогутъ пробиться и стать людьми“.

Теперь, когда въ нашемъ обществѣ назрѣло сознаніе, что прежде всего намъ нужно заботиться о здоровьи, обезпеченіи и охранѣ дѣтей, слѣдовало бы прежде всего подумать о тѣхъ изъ нихъ, отцы которыхъ умрутъ, сложивъ свои головы за родину, за насъ, за нашу честь.

Солдатскій ли сынъ, офицерскій ли—все равно, они всѣ должны быть равны и всѣ имѣютъ право на нашу помощь и заботу.

Видъ Иркутска.

Черезъ Байкалъ.

ПИСЬМО III.

Забайкалье. Вагонъ. 16 февраля.

Мы тронулись со станціи Иркутскъ дальше въ 12 часовъ дня и часа черезъ три прибыли къ берегу Байкала. Справа высокимъ обрывомъ поднималась гора, а слѣва изъ - подъ толстаго слоя льда, покрывшаго все озеро, широкой полосой вырывалась многоводная и не замерзающая здѣсь рѣка Ангара. Толпа народа стояла на станціи. Ходили путейцы, казаки и жандармы, на платформѣ опять лежали въ груду сваленные чемоданы, корзины, сундуки и проч. дорожныя вещи.

Когда остановился нашъ поѣздъ, изъ него первымъ вышелъ вице-адмиралъ Макаровъ, котораго встрѣтилъ министръ путей сообщенія кн. Хилковъ, потомъ въ своей красивой енотовой папахѣ появился генералъ Ренненкампфъ, а за нимъ повылѣзали и всѣ мы. Офицерскіе тулупы, бурки и шинели смѣшались съ ватными пальто сестеръ и съ дохами немногихъ штатскихъ, отправляющихся тоже туда, на войну.

Въ концѣ платформы, внизу широкой и большой лѣстницы, на льду стояла сотня, а можетъ и больше, различныхъ кибитокъ и саней, запряженныхъ тройками, парами и въ одиночку мохнатыхъ лошадокъ въ допотопной сбруѣ.

Нашъ ручной багажъ живо спрятали подъ облучокъ, потомъ усадили и насъ, подложили подъ ноги сѣна и закрыли тулупами, которые полагаются на каждаго пассажира. Ямщикъ взобрался на передокъ и, стегнувъ по всѣмъ по тремъ, помчалъ по гладкому, безконечному снѣжному полю. Длинной цѣпью впереди тянулись безчисленныя сани, однообразно и монотонно звенѣли колокольчики, иногда покрякивалъ или посвистывалъ ямщикъ и подстегивалъ своихъ съ виду неказистыхъ, но шустрыхъ коней.

Справа поднимались крутыми обрывами горы, чернѣла какая-то деревушка, отъ которой тянулись рельсы желѣзной дороги, проложенной черезъ Байкалъ, а слѣва былъ виденъ длинный рядъ телефонныхъ столбовъ съ фонарями, идущихъ до станціи Забайкальской дороги Танхой.

Навстрѣчу попадались обозы съ зерномъ, съ пассажирскими вещами, наконецъ сани съ пассажирами, почти совсѣмъ скрытыми подъ цѣлымъ ворохомъ войлоковъ, полушубковъ и одѣялъ. Было 25 град. мороза. Зимнее холодное солнце точно ласкало безконечный пейзажъ и обливало все своимъ желтоватымъ свѣтомъ, бросая отъ коней, саней, телефонныхъ столбовъ и кусковъ прозрачнаго бирюзоваго льда длинныя синія-синія тѣни.

Часто въ сторонѣ отъ дороги виднѣлись полуобглоданные трупы павшихъ лошадей, надъ которыми кружились и прыгали дерзкіе вороны, оспаривая лучшіе куски у еще болѣе дерзкихъ и голодныхъ собакъ, цѣлыми стаями перебѣгающихъ съ мѣста на мѣсто; иногда валялись только лошадиная нога, голова или копыто.

До половины дороги, гдѣ построена на льду станція „Середина", путь гладкій, легкій и лошадки бѣгутъ весело, на ходу нюхая снѣгъ. Потомъ—общая остановка. Отдыхаютъ заморившіеся кони, сдѣлавшіе безъ передышки болѣе двадцати верстъ, отдыхаютъ и согрѣваются путешественники, у которыхъ давно затекли и почти замерзли неподвижныя ноги, обутыя въ валенки и прикрытыя цѣлымъ ворохомъ теплыхъ вещей.

Подъѣхавши къ бараку, мы протискались между санями и вошли въ просторное помѣщеніе съ низкимъ потолкомъ. Здѣсь за столомъ на деревянныхъ скамьяхъ уже сидѣли адми-

Стрѣлокъ.
Рис. Н. Кравченко.

ралъ Макаровъ, генералъ Ренненкампфъ и всѣ прочіе, успѣвшіе выѣхать раньше. Пахло тепломъ, паромъ, виномъ.

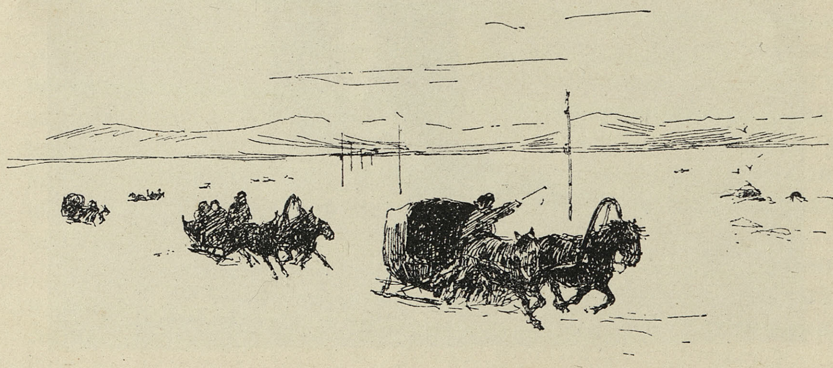
Тарелка горячихъ сибирскихъ пельменей, вареная нельма и нѣсколько стакановъ чаю подкрѣпили и согрѣли насъ. Было тѣсно, сидѣли почти вплотную, но никто не жаловался, и когда подъѣхали сестрицы, всѣ охотно еще болѣе потѣснились и дали мѣсто вновь прибывшимъ.

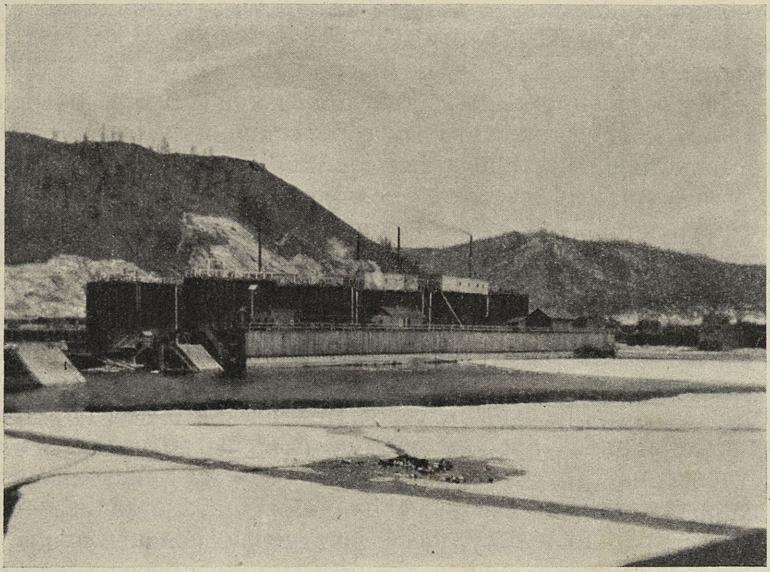
Черезъ полчаса двинулись дальше. Опять зазвенѣли колокольчики, заскрипѣлъ подъ полозьями снѣгъ, и мы вновь понеслись по широкому снѣжному полю, уже освѣщенному луной. Получившіе по доброй чаркѣ водки, ямщики чаще постегивали коней и, покрикивая да посвистывая, мчали насъ все дальше и дальше. Длинный рядъ фонарей, висѣвшихъ черезъ каждыя полверсты на столбахъ, указывалъ намъ путь къ виднѣвшемуся сѣрымъ силуэтомъ гористому берегу.

Морозъ крѣпчалъ. Нашъ ямщикъ напялилъ на себя какую-то чудовищную шубу, кажется сшитую изъ собачьихъ шкуръ, и сталъ все чаще и чаще нахлестывать лошадей. Вдали замелькали огни желѣзнодорожной станціи и скоро, переѣхавши черезъ мостикъ, переброшенный черезъ трещину во льду, мы поднялись на берегъ и остановились у освѣщенной электрическими фонарями станціи Танхой, въ буфетѣ которой насъ ожидалъ горячій ужинъ и чай.

Черезъ Байкалъ по льду ежедневно проходятъ тысячи солдатъ, для которыхъ на пути построено пять теплыхъ бараковъ съ чаемъ и горячей пищей. По желѣзной дорогѣ, вагоны которой передвигаются лошадьми, провозятся только провіантъ и припасы.

Станція Танхой — начало Забайкальской дороги. Раньше эта линія начиналась со станціи Переемная, а года три-четыре назадъ—станціей Мысовая.

Плавучій докъ для ледокола на ст. Байкалъ.

По Манчжуркѣ.

ПИСЬМО IV.

Харбинъ, 20 февраля.

Въ ночь съ 17 на 18 февраля мы наконецъ переѣхали границу и остановились передъ станціей Манчжурія.

Здѣсь я не замѣтилъ почти никакихъ перемѣнъ и то, что видѣлъ полтора года назадъ, осталось во всей своей непривлядной красотѣ *). Тотъ же жалкій вокзалъ, который даже нельзя и назвать этимъ именемъ, то же убогое, мизерное помѣщеніе для пассажировъ всѣхъ трехъ классовъ, большей частью стоящихъ здѣсь плотной толпой, такъ какъ стульевъ хватаетъ очень немногимъ. Кто посмѣлѣй, безцеремоннѣй, тотъ проталкивается впередъ, занимаетъ мѣста у стола и сидитъ на стулѣ точно пришитый, прихлебывая скверный, перестоявшійся чай, а болѣе робкій простаиваетъ все время

*) Теперь на ст. Манчжурія выстроенъ новый, довольно большой, деревянный вокзалъ и идутъ работы по окончанію каменнаго.

на ногахъ, лишь иногда выходя на воздухъ, чтобы вздохнуть не тѣми ужасными испареніями, что накопились въ такъ называемомъ залѣ.

Хуже всего приходится, конечно, женщинамъ и особенно сестрамъ милосердія, которыя собственно и являются здѣсь ихъ единственными представительницами, такъ какъ теперь въ Манчжурію пропускаютъ только тѣхъ, у кого есть на то особыя причины, удостовѣренныя начальствомъ. Со станціи Манчжурія всѣ пассажиры попадаютъ подъ контроль военныхъ представителей, благодаря чему, быть можетъ, теперь здѣсь больше порядка и меньше той ничѣмъ не оправдываемой формалистики, которую любятъ всякіе начальники станцій. Я помню, какъ здѣсь же въ 1902 году, почти при такихъ же отвратительныхъ условіяхъ, пассажирамъ двухъ поѣздовъ пришлось провести цѣлую ночь на вокзалѣ, не имѣя не только на что сѣсть, но даже и къ чему прислониться, а теперь, благодаря распоряженію коменданта станціи — офицера, не прошло и часу, какъ ужъ были поданы наши вагоны, и мы, перебравшись въ нихъ, мирно проспали до утра, когда поѣздъ двинулся дальше на Хайларъ, Харбинъ и пр.

Кромѣ воинскихъ въ этомъ направленіи никакихъ другихъ поѣздовъ не ходитъ. Нѣтъ также и перваго класса, а существуютъ только нѣсколько вагоновъ второго, которые прицѣпляются къ воинскимъ. Въ нихъ ѣдутъ офицеры, военные врачи, иногда корреспонденты и сестры милосердія.

Говоря по совѣсти, меня немного удивляетъ то безразличное отношеніе, которое проявляется по отношенію къ послѣднимъ. Я ожидалъ, что именно этимъ женщинамъ, такъ самоотверженно идущимъ на великое дѣло милосердія, будетъ оказано полное вниманіе со стороны всѣхъ. Я полагалъ, что къ этимъ безспорно добрымъ женщинамъ, отправляющимся подъ непріятельскими выстрѣлами ухаживать за ранеными, всѣ будутъ внимательны, всѣ будутъ уступать имъ лучшія мѣста и заботиться о томъ, чтобы у нихъ было все и раньше чѣмъ у кого бы то ни было. Но... этого нѣтъ. Онѣ ѣдутъ такъ же, какъ и прочія пассажирки, подчасъ не имѣя даже тѣхъ удобствъ, которыя имѣютъ другія.

Чѣмъ дальше въ глубь Манчжуріи, тѣмъ картина все болѣе и болѣе мѣняется. Видно, что работа здѣсь идетъ большая, и работаютъ обдуманно. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ прежде ничего не было, теперь повыростали цѣлые городки, въ родѣ, напримѣръ, Бухату. Вмѣсто жалкихъ лачугъ, замѣнявшихъ станціи, теперь повсюду стоятъ крѣпкія, вы-

сокія просторныя зданія, съ хорошими буфетами. Всюду накрытые столы, полная сервировка, дають „даже" салфетки. А всего лишь полтора года назадъ на нѣкоторыхъ станціяхъ ѣли, что называется, изъ общаго котла, а куски жареныхъ фазановъ пассажиры вытаскивали изъ кастрюли пальцами. При многихъ буфетахъ есть лакеи, а на станціи Джелантунъ они служатъ въ смокингахъ и имѣютъ весьма приличный видъ, что впрочемъ имъ нисколько не мѣшаетъ обсчитывать проѣзжающихъ такъ, какъ не обсчитываютъ, пожалуй, и у насъ въ Россіи.

Въ виду того, что всѣ буфетчики, ссылаясь на военное положеніе, очень подняли цѣны на продукты, желѣзнодорожное начальство издало приказъ не поднимать ихъ выше, какъ на 15 проц.; но это постановленіе всѣми буфетчиками оставляется безъ вниманія, и за бутылку пива, которое стоитъ здѣсь въ обыкновенное время 50 к., спрашиваютъ одинъ рубль.

Сестры милосердія на ст. Байкалъ.

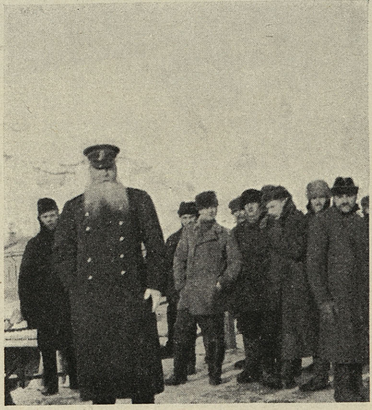
Въ Манчжуріи акциза нѣтъ, а между тѣмъ за водки и вина теперь берутъ здѣсь дороже, чѣмъ въ Россіи. На станціяхъ водку на выносъ совсѣмъ не продаютъ, а за бутылку шампанскаго, которое прежде въ Манчжуріи стоило отъ 2 р. до 3 р., спрашиваютъ по пять, по шесть рублей.

По разсказамъ здѣшнихъ жителей, уже появилось много хищниковъ, налетѣвшихъ за наживой, какъ гадкое воронье. Они-то главнымъ образомъ и стараются поднять цѣны и не стѣсняются ничѣмъ. Дальше, конечно, будетъ хуже.

На большихъ станціяхъ уже и здѣсь продаются запоздалые нумера мѣстныхъ газетъ и телеграммы „Новаго Края“, „Харбинскаго Вѣстника“ и „Восточнаго Обозрѣнія“, благодаря которымъ все-таки удается хоть немного знакомиться съ положеніемъ дѣла.

Повидимому, первые страхи уже прошли и то повальное бѣгство, которое началось со дня первой бомбардировки Портъ-Артура, прекратилось. По всей линіи Манчжурки стоитъ усиленная охрана, всюду видно много стражниковъ въ хорошихъ полушубкахъ, валенкахъ или теплыхъ бурочныхъ сапогахъ. Они охраняютъ полотно желѣзной дороги, станціи и особенно мосты.

До ст. Бухату всюду много снѣга и, говорятъ, были сильные морозы; дальше снѣгу почти не было, а отъ ст. Цицикаръ и до Харбина опять повалилъ большой снѣгъ и затрещали сильные морозы. Пріемъ частныхъ телеграммъ на всѣхъ станціяхъ прекращенъ. Сообщеніе можетъ поддерживаться только почтой, которая теперь ходитъ здѣсь еще медленнѣе, чѣмъ ходила раньше.

Вице-адмиралъ С. О. Макаровъ на Байкалѣ.

Китайчата.

Въ снѣгу.

ПИСЬМО V.

Манчжурія. Вагонъ. 21 февраля.

Мы въ снѣгу. Въ глубокомъ рыхломъ снѣгу, который безконечной волнистой пеленой покрылъ все кругомъ. Направо—виднѣется убогая китайская деревушка, а налѣво—одинокія, неподвижныя фигуры часовыхъ, стоящихъ длинной цѣпью шагахъ въ пятидесяти отъ насъ и пристально всматривающихся въ темную даль. Маленькая луна, невысоко поднявшись надъ горизонтомъ, какъ-то слабо и неувѣренно освѣщаетъ этотъ невеселый пейзажъ. Вокругъ поѣзда, между вагонами, подъ ними и далеко впереди паровоза работаютъ солдаты и китайцы. Слышенъ однообразный стукъ деревянныхъ лопатъ, голосъ проходящаго мимо и отдающаго приказанія фельдфебеля, гортанныя покрикиванія китайцевъ и хрустѣніе снѣга, въ которомъ такъ неудачно завязъ нашъ поѣздъ.

Несмотря на сравнительно позднее по здѣшнимъ мѣстамъ время (мы наканунѣ 22 февраля), снѣгъ, морозы и вьюга повсюду. Всюду холодно, все занесено снѣгомъ, и зима, настоящая сѣверная русская зима здѣсь разыгралась не на шутку.

— Русскіе идутъ — значитъ будетъ холодно, — говорятъ китайцы.

Это ихъ старое преданіе, уже второй разъ оправдываемое.

Да, русскіе идутъ!

Идутъ безконечной цѣпью, идутъ огромной толпой, идутъ неудержимой силой, которую теперь, видно, ужъ ничто не остановитъ. Идутъ медленно, не торопясь, идутъ разъѣздами, отрядами, полками, дивизіями, но идутъ, идутъ и идутъ, и едва ли теперь кто-нибудь сможетъ сказать, когда этотъ маршъ прекратится.

Мы отдаемъ визитъ Чингизъ-хановскимъ полчищамъ. Много разъ многострадальная Русь принимала на свою грудь всѣ удары дикой татарской орды, много разъ вся Западная Европа точно щитомъ прикрывалась нами отъ набѣговъ монголовъ,—прикроемъ ее и теперь.

Начавшейся войной долженъ разрѣшиться не только вопросъ національный, вопросъ о томъ, кто сейчасъ здѣсь сильнѣе и имѣетъ право приказывать—Россія или столкнувшаяся съ нею Японія, но и вопросъ болѣе важный, болѣе жизненный для всѣхъ, для всего міра—вопросъ о томъ, насколько должна быть страшна для Европы желтая раса, что своей безчисленностью похожа на песокъ морской.

Японо-китайскій союзъ едва ли можетъ быть на пользу тѣмъ, кто успѣлъ уже полакомиться въ Китаѣ жирными кусочками и, облизываясь, присматриваются къ другимъ еще болѣе вкуснымъ. Занимаясь любимымъ дѣломъ тасканія подъ шумокъ, европейцы забываютъ одно, что съ усиленіемъ, съ поднятіемъ желтой расы, они потеряютъ не только всѣ свои концессіи, но и всевозможныя привилегіи, благодаря которымъ здѣсь, на Востокѣ, создалось торговое могущество сначала Англіи, а теперь и Германіи.

Китайцы, какъ коммерсанты, стоятъ, пожалуй, выше нашихъ евреевъ и, конечно, прекрасно понимаютъ, какъ много они теряютъ, уступая поневолѣ иностранцамъ тѣ или другія береговыя полосы, особыя привилегія въ торговлѣ и т. п. Начавши свои сношенія съ европейцами очень мирно, они очень скоро успѣли возненавидѣть ихъ, и кличка „заморскаго

чорта“ стала нарицательной. Изгнать ихъ изъ Поднебесной имперіи стало мечтой той многомилліонной толпы, что еще много, много лѣтъ будетъ страшнымъ пугаломъ для европейскихъ государствъ. Не говоря уже о всемъ прошломъ, лучшей иллюстраціей этой ненависти служитъ уже хотя бы то, что послѣ первой же бомбардировки Портъ-Артура и довольно удачнаго нападенія на нашу эскадру, о чемъ японцы поторопились оповѣстить въ Китаѣ всѣхъ, черезъ нѣсколько же дней въ Кантонѣ появились прокламаціи, побуждающія китайцевъ къ возстанію и къ убійству всѣхъ европейцевъ. „Нужно уничтожить слѣды заморскихъ чертей такъ, чтобы даже стебелька травы не осталось отъ нихъ“,—говорятъ въ своемъ воззваніи главари новаго движенія.

Что мы справимся съ Японіей, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но во что обойдется европейцамъ японо-китайскій союзъ, пусть лучше взвѣсятъ теперь. Манчжурія — не Китай. За время окупаціи ея нами китайцы успѣли убѣдиться, насколько для всѣхъ классовъ населенія Манчжуріи выгодно присутствіе русскихъ въ ихъ странѣ.

Вѣрная защита отъ хунхузовъ, правый судъ, нѣкоторый контроль надъ мандаринами и уваженіе права собственности—

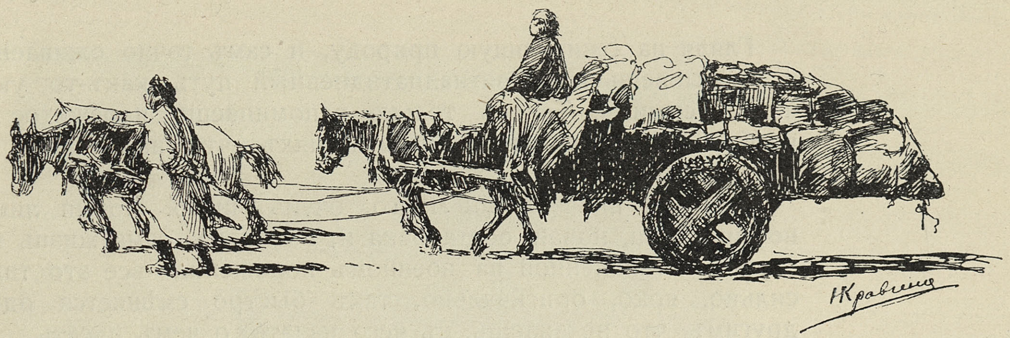
Завтракъ китайцевъ-прачекъ.

вотъ что получили, благодаря намъ, манчжуры, тогда какъ въ Китаѣ усиленіе европейцевъ сдѣлало совсѣмъ другое. Въ Манчжуріи нами недовольны лишь мандарины, у которыхъ значительно сократились и власть, и доходы. Населеніе же относится иначе, и къ русскимъ властямъ здѣсь не разъ обращались съ просьбой взять ихъ подъ свою руку и избавить отъ мандаринскаго своеволія. Ничего подобнаго съ европейцами въ самомъ Китаѣ не было. Тамъ, во всѣхъ его побережныхъ провинціяхъ, европейцы успѣли своимъ произволомъ и жестокостью только возстановить противъ себя китайцевъ, и всякая новая война Китая, всякое возстаніе, кѣмъ бы оно ни было поднято, обойдется имъ очень дорого.

Безъ особенной ненависти къ иностранцамъ относятся только китайцы христіане, которые въ виду разныхъ выгодъ, расточаемыхъ миссіонерами членамъ своей паствы, непрочь вызволить изъ бѣды своихъ покровителей и защитниковъ. Но вѣдь китайцы христіане въ массѣ люди крайне не симпатичные и вполнѣ заслуживаютъ ту ненависть, которую къ нимъ питаютъ ихъ соотечественники. Большинство изъ нихъ просто продаютъ вѣру своихъ отцовъ за блага міра, за денежную поддержку, за то покровительство, которое всегда почти является вмѣстѣ съ его отцомъ миссіонеромъ въ видѣ отряда вооруженныхъ европейскихъ солдатъ. Послѣднее очень часто освобождаетъ ихъ отъ суда и для нихъ безнаказанно проходитъ многое такое, за что другіе китайцы платятъ своей головой.

Японцы, зарвавшись, кажется, начинаютъ одумываться, и чувствуя, что имъ въ концѣ концовъ не справиться съ нами, не щадятъ денегъ и не останавливаются ни передъ какими средствами, чтобы только поднять Китай. Дѣлаютъ это очень умно, осторожно, исподволь, но дѣлаютъ безостановочно и не далекъ тотъ часъ, когда вся Европа убѣдится въ этомъ.

Если „цивилизованной“ Японіи нельзя довѣрять въ основныхъ принципахъ международныхъ отношеній, то тѣмъ болѣе этого нельзя дѣлать съ Китаемъ. За желаніе создать Россіи затруднительное положеніе и насколько можно ослабить ее—державамъ, вѣроятно, придется расквитаться кровью многихъ своихъ близкихъ и утратить многое.

Въ тылу.

ПИСЬМО VI.

Мукденъ, 28 февраля.

Послѣ почти трехсуточнаго переѣзда отъ Харбина до Мукдена мы наконецъ завидѣли некрасивыя, полуразвалившіяся башни древнѣйшей манчжурской столицы и, обогнувши ее на довольно значительномъ разстояніи, остановились передъ станціей.

Вдали, почти перпендикулярно полотну дороги, стоялъ небольшой поѣздъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ вагоновъ перваго класса; около него была пристроена небольшая, видимо совсѣмъ новая, платформа и поставлены два шеста, на которыхъ развѣвались большіе русскіе флаги. То была квартира намѣстника.

Влѣво отъ поѣзда въ нѣсколько рядовъ тянутся небольшія одноэтажныя зданія, сложенныя изъ сѣраго китайскаго кирпича и покрытыя высокой, такой же сѣрой, черепичной крышей. За ними двѣ большихъ, не совсѣмъ достроенныхъ казармы съ обнаженными стропилами, дальше безпорядочно разбросанныя жалкія китайскія лачуги (фанзы), неуклюжая, оригинальной постройки, башня, весьма похожая на бутылку отъ бенедиктина, а тамъ—вдали, въ туманной синевѣ, неясныя очертанія городскихъ стѣнъ.

Здѣсь, въ Мукденѣ, снѣгу меньше, и пахнувшій теплый вѣтерокъ вызвалъ оттепель. Пожелтѣли дорожки, закапало съ крышъ, образовались лужицы. Послѣ только что пережитыхъ морозовъ, вьюгъ, заносовъ все это какъ-то особенно бодритъ и радуетъ.

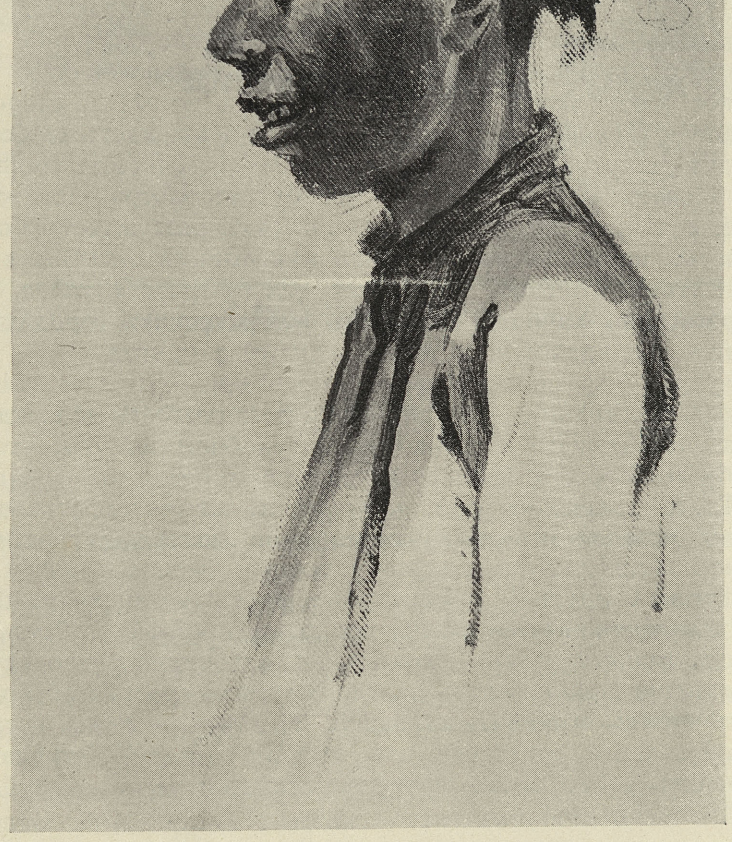
Глядя на оживающую природу, и самъ точно оживаешь и просыпаешься. Девятнадцатидневный путь какъ-то укачалъ, усыпилъ. Теперь только вспоминаешь пережитое и разбираешься въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, что накопились за это время.

А этихъ впечатлѣній много, очень много. Новыя лица, новыя мѣста, новая обстановка и, наконецъ, сама жизнь въ странѣ, объявленной на военномъ положеніи,—все это такъ сильно, ярко, оригинально, такъ быстро смѣняется одно другимъ, что не знаешь, съ чего начать, о чемъ писать.

Холодная суровая зима Сибири и Забайкалья послѣ Хинганскаго перевала смѣнилась весной, потомъ черезъ день опять надвинулась зима, повалилъ снѣгъ, засвистѣлъ вѣтеръ, разыгралась метель. Къ Харбину мы подъѣхали съ такимъ снѣжнымъ ураганомъ, что, выскочивши изъ вагона, каждый спѣшилъ поскорѣе укрыться въ сараеобразномъ деревянномъ вокзалѣ, переполненномъ густой толпой вонючихъ китайцевъ и страшныхъ стрѣлковъ въ ихъ огромныхъ черныхъ папахахъ и лоснящихся тулупахъ. Охранники здѣсь смѣшивались съ казаками, жандармы съ кондукторами, флотскіе со штатскими. Въ промозглой полутьмѣ раздавались всевозможные возгласы, отрывки фразъ, слышались визгъ и хлопанье открывавшихся и закрывавшихся дверей. Все суетилось, спѣшило, двигалось, сновало туда и сюда или терпѣливо топталось въ липкой грязной жижицѣ, что шлепала и цмокала подъ ногами.

Харбинъ сталъ теперь самымъ оживленнымъ пунктомъ Манчжуріи. Сюда со всѣхъ сторонъ безъ конца прибываютъ все новые и новые эшелоны войскъ и поѣзда съ провіантомъ. Ихъ здѣсь разсортировываютъ и отправляютъ дальше. Огромный, еще недостроенный каменный вокзалъ превращенъ въ казарму. Въ немъ живетъ множество солдатъ, но этого помѣщенія конечно мало и тысячи сибирскихъ стрѣлковъ расквартированы по многимъ другимъ зданіямъ, наскоро приспособленнымъ для солдатскаго жилья.

Подъ казармы взято все, что только можно было взять какъ въ самомъ Харбинѣ, такъ и на „Пристани". Пристанью называется бывшее небольшое предмѣстье на берегу здѣсь очень широкой и многоводной рѣки Сунгари. Когда-то состоявшая изъ ряда жалкихъ лачугъ, теперь Пристань превратилась уже въ городокъ со многими двухъ-этажными зданіями, большими магазинами, складами, трактирами и гостиницами.

Молодой китаецъ.
Этюдъ масл. краск. Н. Кравченко.

По широкимъ, неровнымъ, заваленнымъ снѣгомъ, улицамъ Харбина и Пристани постоянно проходятъ обозы съ провіантомъ, идутъ различныя части войскъ, на почти развалившихся, дребезжащихъ дрожкахъ, завѣшанные отъ метели одѣялами, попонами и т. п., ѣдутъ офицеры и на куцыхъ длинношерстыхъ лошадкахъ во всѣ стороны скачутъ или трясутся мелкой рысью казаки и стражники, развозящіе пакеты и приказы.

Жизнь кипитъ, клокочетъ. Работаютъ телефоны, стучатъ телеграфные аппараты, свистятъ паровозы, и по всѣмъ жиламъ огромнаго, загадочнаго тѣла Манчжуріи бѣжитъ здоровая, горячая, русская кровь, принося во всѣ самые отдаленные ея уголки свою животворную силу.

Да, Харбинъ живетъ! Живетъ такъ, какъ, вѣроятно, никогда и не думалъ жить, и это возбужденное, нервное состояніе отражается на всемъ. Пользуясь возможностью нажиться, сюда точно коршуны, слетѣлись со всѣхъ сторонъ хищники. На войнѣ, вѣдь, деньги дешевы, и кто идетъ въ бой и каждую минуту рискуетъ жизнью, тотъ не считаетъ грошей, что звенятъ въ его карманѣ. Что будетъ завтра—покажетъ утро, а теперь хоть часъ да мой. Такъ разсуждаетъ большинство, исключая развѣ только нѣкоторыхъ семейныхъ.

И этимъ, конечно, пользуется вся та грязная толпа, что собралась въ Харбинѣ и другихъ манчжурскихъ городахъ и станціяхъ и прячется по ея закоулкамъ и притонамъ.

Купцы, буфетчики, содержатели различныхъ заведеній и молодыя женщины, — все это алчно поглядываетъ на каждаго вновь прибывшаго и только ждетъ удобной минуты, чтобы обобрать его.

Тамъ, далеко отсюда, куда лишь доносятся отголоски войны, простые мужички несутъ свои послѣдніе гроши на пользу общаго дѣла, а здѣсь, гдѣ такъ пахнетъ горячей человѣческой кровью, откормленные торгаши обираютъ бѣдныхъ солдатъ, накидывая на все лишнія копѣйки. Тамъ, въ Россіи, жены и матери, отказываясь отъ всѣхъ удовольствій и радостей жизни, идутъ въ сестры милосердія, чтобы хоть чѣмъ-нибудь облегчить страданія близкихъ, а здѣсь всевозможные хоры, состоящіе изъ птичекъ пѣвчихъ, стараются выманить у проѣзжаго офицера послѣдній десятокъ рублей.

Такова жизнь!

Ворота глиняной стѣны Мукдена.

Около войны.

ПИСЬМО VII.

Ташицяо, 8 марта.

Свои предыдущія письма съ дороги я озаглавилъ: „На войну". Подъ первымъ тяжелымъ впечатлѣніемъ грустной вѣсти о внезапномъ нападеніи японцевъ я бросилъ все и, торопливо, наскоро собравшись, поѣхалъ туда, гдѣ ужъ мнѣ мерещились сраженія, груды мертвыхъ тѣлъ и стоны раненыхъ. Въ моемъ представленіи все это какъ-то соединялось воедино, и я видѣлъ не отдѣльныхъ солдатъ, начальниковъ, орудія и пр., а всю Россію, всѣхъ насъ, борющихся за наше доброе имя и честь.

Я ѣхалъ на войну. Вмѣстѣ со мной въ дѣйствующую армію отправлялись поручики, капитаны, мичмана, лейтенанты, генералы, за которыми тянулись безконечные воинскіе поѣзда съ тысячами запасныхъ, съ полевыми орудіями, снарядами, лошадьми. Все шло на войну. Все шло на подмогу тѣмъ, кто былъ въ Манчжуріи и долженъ былъ на свою грудь принять первые удары врага. Но вотъ мы проѣхали Сибирь, перепра-

вились черезъ Байкалъ, въ снѣжной жестокой метели проползли Забайкалье и наконецъ очутились въ Манчжуріи.

На первыхъ порахъ казалось, что запахло войной. Незамѣтно куда-то исчезло обычное флегматичное желѣзнодорожное начальство, всюду почувствовалась торопливость, толковая распорядительность и вмѣсто апатичныхъ физіономій желѣзнодорожниковъ замелькали усталыя, но энергичныя лица комендантовъ. Съ каждой станціей, съ каждымъ днемъ число военныхъ все увеличивалось и въ Харбинѣ отъ безчисленныхъ солдатскихъ голосовъ, паровозныхъ свистковъ и телефонныхъ звонковъ въ морозномъ воздухѣ стоялъ стонъ. Здѣсь преддверіе ада, думалъ я тогда, и мнѣ казалось, что еще немного дальше, еще на сотню другую верстъ южнѣе, и я буду уже на поляхъ сраженія. Но всѣ эти ожиданія оказались напрасными. Дни шли за днями, нашъ поѣздъ все больше и больше врѣзывался вглубь Манчжуріи, а сраженій не только не видно, но и слышно о нихъ не было.

Наконецъ мы пріѣхали въ Мукденъ. Здѣсь штабъ намѣстника. Здѣсь все знаютъ и, конечно, знаютъ безъ прикрасъ и безъ утайки. Бросились туда.

„Генералъ Мищенко (славный кавалеристъ прошлой кампаніи) за Ялу, Кондратовичъ въ Инкоу, Стессель въ Артурѣ. Въ Ичжоу захваченъ нашими разъѣздами японскій майоръ съ пятью нижними чинами. Въ Инкоу пойманъ шпіонъ“.

Вотъ вамъ и всѣ новости, вотъ все, чѣмъ пока выражается наша война. „Да войны собственно еще и нѣтъ,— говорили мнѣ офицеры штаба. Какъ японцы, такъ и мы пока занимаемся сосредоточеніемъ войскъ и все только нащупываемъ другъ друга“.

Какъ-то странно опечаленные, мы ушли къ себѣ въ пріютившій насъ вагонъ, и опять начались споры о томъ, гдѣ японцы, каковъ ихъ планъ, сколько у нихъ войска и можно ли довѣрять тѣмъ свѣдѣніямъ о численности высаженныхъ ими десантовъ, которыя они видимо распространяютъ умышленно. О своихъ войскахъ, объ ихъ силѣ, о томъ, гдѣ они сосредоточены, мы знали то же, что и раньше, т. е. ровно ничего. Это секретъ штаба и рѣдко кто даже изъ военныхъ знаетъ что-нибудь положительное.

Въ русскомъ поселкѣ Мукдена вся окружающая обстановка не носила почти никакого слѣда войны. Два раза въ день все офицерство и чиновники, состоящіе въ распоряженіи намѣстника, собираются въ столовой и, мирно бесѣдуя, говорятъ о переводахъ, назначеніяхъ, объ ассигновкахъ,

о своихъ поѣздкахъ въ Артуръ или въ китайскій городъ, стоящій въ трехъ верстахъ отъ станціи.

Каждый день въ штабъ намѣстника прибывали все новыя и новыя лица и скоро втягивались въ тотъ регулярный, спокойный образъ жизни, что создался здѣсь. Иногда это разнообразіе нарушалось появленіемъ знаменитаго Громова, прославившагося многими подвигами, изъ которыхъ наиболѣе симпатичными все-таки были его удивительные выходы изъ всякихъ трудныхъ положеній, когда нужно было сдѣлать ту или иную поставку для войска, а между тѣмъ казалось, что это сдѣлать невозможно.

Громовъ здѣсь сталъ почти легендарнымъ и анекдотовъ о его смѣлости, находчивости и жестокости хватило бы на добрую книгу. Но... не буду говорить о немъ.

Джоночная гавань и Перепелиная гора въ Портъ-Артурѣ.

Мнѣ стало скучно въ Мукденѣ, и я отпросился въ Артуръ. Представьте себѣ, что, имѣя разрѣшеніе намѣстника быть всюду и при всѣхъ частяхъ, я тѣмъ не менѣе принужденъ былъ еще отдѣльно просить пропускъ въ крѣпость.

Въ Артуръ была послана телеграмма и только по полученіи отвѣта мнѣ сказали, что я могу ѣхать. Послѣ долгаго переѣзда въ старомъ служебномъ вагонѣ, мы наконецъ завидѣли форты крѣпости и, миновавъ цѣлый рядъ сухопутныхъ укрѣпленій, проволочныхъ загражденій, канавъ и т. п., нашъ поѣздъ, идя медленнымъ ходомъ, сталъ приближаться къ вокзалу, и наконецъ остановился въ Артурѣ.

Было утро, хорошее весеннее утро. Взошедшее солнце

уже золотило верхушки горъ, обливало своимъ теплымъ свѣтомъ грозныя береговыя укрѣпленія, кое-гдѣ играло на жерлахъ орудій, а зеркальная поверхность гавани еще была затуманена утренней сыростью. Въ легкой молочной мглѣ, точно морскія чудовища, темными силуэтами рисовались наши броненосцы и крейсера, протянувшіеся длиннымъ рядомъ черезъ весь западный бассейнъ, и терялись въ восточномъ у подножія Золотой горы. Выкрашенные въ грязный черный цвѣтъ, съ высокими многочисленными трубами, изъ которыхъ огромными клубами валилъ бурый дымъ, они смотрѣли особенно грозно и казались неуязвимыми, мрачными, всесокрушающими гигантами. Густой, тяжелый дымъ какъ бы неохотно подымался кверху и, собираясь въ тяжелую тучу, покрывалъ весь старый городъ.

На вокзалѣ и пристани народа было мало. Немного его было и въ гавани, хотя почти на всѣхъ судахъ виднѣлась работающая команда. Между броненосцами и крейсерами сновали шлюпки, катера, иногда ползла неуклюжая шампунька съ стоящимъ и гребущимъ на кормѣ однимъ весломъ китайцемъ, наряженнымъ въ войлочную шляпу и ватное платье.

На набережной, противъ самаго входа, навалены горы угля, за которыми совершенно спрятался ресторанъ „Саратовъ“, открывающій свои гостепріимныя двери всѣмъ желающимъ съ ранняго утра и до поздней ночи.

У самаго выхода на рейдъ стояли сторожевыя суда (канонерскія лодки), дальше въ морѣ видны были мачты двухъ нашихъ, нами же затопленныхъ, коммерческихъ пароходовъ, а по обѣимъ сторонамъ отъ нихъ, уткнувшись носомъ въ берегъ, разбитые и затопленные славнымъ „Ретвизаномъ“ остовы двухъ японскихъ брандеровъ. По приказанію адмирала Макарова и въ его присутствіи на внѣшнемъ рейдѣ было затоплено всего четыре судна (Харбинъ, Хайларъ, Шилка и Де-Бари) съ цѣлью оставить узкій фарватеръ, по которому только брандеры и могли бы проходить. Этимъ значительно облегчалась оборона выхода изъ гавани и являлась возможность сосредоточивать на непріятелѣ огонь всѣхъ береговыхъ батарей.

Обычной въ это время въ Артурѣ шумливой и безъ умолку кричащей толпы китайцевъ на набережной не было. Проѣзжали рѣдкіе извозчики, тяжело дыша иногда пробѣгалъ рикша со своей двухколесной колясочкой, проходили взводы солдатъ, проѣзжалъ казакъ.

Подносчикъ у орудія.
Рис. Н. Кравченко.

Артуръ измѣнился. Вмѣстѣ съ многотысячной толпой китайцевъ и семьями артурцевъ, послѣ первой же бомбардировки обратившихся въ паническое бѣгство, онъ какъ бы заснулъ. Опираясь на свои грозныя батареи и флотъ, терпѣливо выжидающій того момента, когда ему придется броситься на сильнѣйшаго врага, Артуръ дремлетъ и спокойно переноситъ постоянныя бомбардировки.

Японская эскадра почти всегда на виду. Не проходитъ дня, чтобы не пришло извѣстіе о томъ, что тамъ или здѣсь показался японскій крейсеръ, но... это уже мало кого безпокоитъ. Благодаря безпроволочному телеграфу о приближеніи непріятеля узнаютъ за много раньше его появленія на горизонтѣ. Во время бомбардировки почти всѣ жители высыпаютъ на пристань, на форты и на горы, чтобы полюбоваться на красивую картину, и очень рѣдко кто прячется. Какъ курьезъ, разсказываютъ о томъ, что торговый домъ Кунстъ и Альберсъ, не закрывшій еще свою лавочку, вырылъ будто бы глубокій погребъ въ Перепелиной горѣ для того, чтобы прятать тамъ своихъ служащихъ, и что на случай бомбардировки въ новой гостиницѣ отдаются въ наемъ погреба. Вообще въ Артурѣ совсѣмъ незамѣтно того состоянія подавленности и упадка духа, которыхъ можно было бы ожидать въ городѣ, подвергавшемся бомбардировкѣ.

Мрачное впечатлѣніе производитъ Портъ-Артуръ ночью. На судахъ, на улицахъ, въ домахъ, обращенныхъ окнами на море, огни потушены. Въ ресторанахъ всѣ двери и окна закрыты плотными драпировками и съ улицы не увидишь даже полоски свѣта. На всѣхъ перекресткахъ стоятъ городовые, по улицамъ ходятъ патрули, въ гавань безъ пропуска не пускаютъ ни одной шлюпки, ни одной шампуньки.

„Кто гребетъ?"—раздается грозный окликъ, и всякій невольно останавливается. Лишній взмахъ весла—и пуля часового, навѣрное, остановитъ каждаго, кто дерзнетъ ослушаться.

Но не думайте, что съ того часа, какъ потушатся огни, какъ тьма окутаетъ Артуръ, тамъ прекращается жизнь и все погружается въ сонъ. Ничего подобнаго. Все такъ же люденъ и шумливъ „Саратовъ", все такъ же громко и звонко раздаются здѣсь мужскіе голоса, все такъ же щелкаютъ билліардные шары, какъ все это дѣлалось и прежде, когда Артуръ мирно процвѣталъ, а теперешніе майоры, капитаны и лейтенанты Японіи бѣгали по его улицамъ и таскали на себѣ или развозили на шампунькахъ грязное или стиранное ими офицерское бѣлье.

Музыканты погребальныхъ церемоній.

Страна прирожденныхъ шпіоновъ уже давно наводнила Артуръ своими ловкими агентами, и бороться съ ними коменданту крѣпости было не подъ силу. Они изучили нашу твердыню и знаютъ ее прекрасно, такъ какъ, смѣшиваясь съ толпой рабочихъ китайцевъ, проникали всюду и даже положили немало труда надъ постройкою фортовъ, батарей, дорогъ и пр., но, изучая укрѣпленія, они еще не смогли какъ слѣдуетъ познакомиться съ той нашей крѣпостью, которая сильнѣе всего. На каждомъ шагу имъ придется натолкнуться на штыкъ нашего солдата, не отступающаго передъ врагомъ.

Я видѣлъ многихъ изъ этихъ будущихъ героевъ. Видалъ бородатыхъ, обросшихъ точно лѣсные дѣды, волосами, видалъ и молодыхъ, почти безусыхъ, и за каждаго изъ нихъ можно поручиться. Никто не отступитъ, никто не отдастъ „макакѣ“ (такъ называютъ они японцевъ) и пяди земли, если на то не будетъ приказанія.

Въ Артурѣ мнѣ говорили, что во время послѣдней бомбардировки 27 февраля наши солдатики волновались и рвались въ бой. Недавно пріѣхавшій въ Портъ-Артуръ бывшій офицеръ Преображенскаго полка капитанъ Шиповъ переда-

валъ мнѣ, что такого подъема духа онъ никакъ не ожидалъ найти здѣсь и былъ прямо пораженъ тѣмъ, что увидѣлъ на своемъ форту.

„Ожидая японскаго десанта, они радовались, какъ дѣти, и отъ нетерпѣнія топтались на мѣстѣ, смѣялись и приплясывали подъ свистъ пролетавшихъ двѣнадцати - дюймовыхъ снарядовъ“.

Многимъ памятны развалины Севастополя, и многіе, слыша о бомбардировкѣ, представляютъ себѣ именно такую картину: разрушенные дома, слѣды пожаровъ, тѣла убитыхъ и раненыхъ людей и животныхъ и глубокіе подвалы и погреба, откуда изрѣдка высовывались испуганныя, истомленныя лица осажденныхъ.

Ничего подобнаго я не видалъ въ Артурѣ. Все цѣло, ничто не горѣло, люди живутъ, какъ и прежде жили, и только почти полное отсутствіе дѣтей, да сравнительно рѣдкія женщины придаютъ ему особый характеръ.

Неизвѣстно откуда, но время отъ времени въ городѣ вдругъ появляется и начинаетъ усиленно циркулировать слухъ объ ожидаемой въ какой-нибудь опредѣленный день бомбардировкѣ. Найти источникъ этихъ слуховъ весьма трудно, но большей частью они оправдываются. Говорятъ, что ихъ распространяютъ китайцы. Странно только, что китайцы, проживающіе теперь въ крѣпости и почти не имѣющіе никакого общенія съ тѣми, что живутъ за чертой города, могутъ что-нибудь узнать о томъ, что дѣлается и что собираются дѣлать въ Японіи и на японской эскадрѣ.

Впрочемъ—въ Артурѣ и по сейчасъ много шпіоновъ, которые, несмотря на строгій надзоръ, поддерживаютъ сношенія съ непріятелемъ при помощи всевозможнаго рода сигнализацій. По ночамъ они зажигаютъ костры и то становясь передъ ними, то отходя — подаютъ условленные знаки, а днемъ—они въ видѣ небольшихъ кучекъ китайцевъ сходятся или разбѣгаются на извѣстныхъ мѣстахъ.

Отъ Мукдена до Инкоу.

ПИСЬМО VIII.

Инкоу, 12 марта.

Китаецъ съ обезьянкой.

Возвратившись въ Мукденъ изъ Артура, я началъ, какъ здѣсь принято выражаться, мобилизоваться. Разобралъ свой багажъ, отдѣлилъ самое необходимое отъ того, что можно оставить, присматривалъ верховую лошадь и т. п. Однимъ словомъ сталъ собираться въ дальній путь на Ялу.

Оставилъ многія теплыя вещи, запасъ красокъ, лишніе альбомы, въ расчетѣ на то, что первое время обойдусь съ тѣмъ, что захвачу съ собой, а все прочее получу потомъ, какъ-нибудь съ обозомъ.

„Черезъ день, черезъ два поѣду", думалъ я, но недаромъ говорится, что человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Совсѣмъ неожиданно я узналъ, что есть свѣдѣнія о предполагаемой 8 марта высадкѣ непріятеля на западномъ берегу Ляодунскаго полуострова у Гайчжоу и одновременной бомбардировкѣ Артура.

Въ первую минуту я не зналъ, какъ мнѣ быть, но затѣмъ рѣшилъ: ѣхать и ѣхать сейчасъ же, но только не на Ялу, а въ авангардный отрядъ, къ его начальнику генералу Кондратовичу, боевому генералу, не мало поработавшему здѣсь въ прошлую кампанію. Гдѣ, что и какъ — тамъ будетъ виднѣе. И я, захвативъ съ собою бинокль, портъ-плэдъ, дорожный

ящикъ съ красками, да кодакъ, влѣзъ въ первый же воинскій поѣздъ и отправился.

До Ляояна я ѣхалъ въ маленькомъ служебномъ вагонѣ, въ которомъ набилось столько народа, что многіе должны были стоять или сидѣть на своемъ багажѣ.

Среди спутниковъ было нѣсколько постороннихъ людей, и ихъ разсказы о пережитомъ въ прошлую кампанію, объ ихъ поѣздкахъ въ Корею, о корейскомъ императорѣ, особенно симпатично и внимательно относившемся въ оные годы къ нашимъ инструкторамъ, сокращали время переѣзда большихъ перегоновъ, по которымъ мы двигались черепашьимъ шагомъ.

Пѣхотный капитанъ, бывшій лѣтъ шесть назадъ начальникомъ инструкторовъ въ Кореѣ, говорилъ всю дорогу, и интересно говорилъ. Онъ великолѣпно изучилъ корейскій языкъ, много разъ исходилъ Корею, знаетъ ее и держится того мнѣнія, что корейцы люди очень симпатичные, въ общемъ добрые, но боятся запугавшихъ ихъ своей жестокостью японцевъ. Чѣмъ меньше коснулась корейца европейская или японская цивилизація, тѣмъ онъ лучше, добрѣе, проще. Тѣ же изъ нихъ, которые уже вкусили прелесть общенія съ цивилизаторами, умѣютъ говорить на томъ или другомъ иноземномъ языкѣ и заняли положеніе переводчика или какого-нибудь агента, не заслуживаютъ никакого довѣрія и готовы обмануть и обобрать всѣхъ и каждаго. Корейцы, по увѣренію капитана, любятъ опрятность и въ самой мизерной фанзѣ всегда найдется чистый уголъ.

Мирно бесѣдуя и попивая чай на промежуточныхъ станціяхъ, гдѣ за стойками буфетовъ цѣлой горкой наставлены коробки американскихъ консервовъ отъ ананасовъ и до устрицъ включительно, мы продолжали нашъ путь.

Уже садилось солнце, когда показалась высокая башня Ляояна. Въ красивомъ закатѣ, съ его малиново-краснымъ огнемъ загоравшихся облаковъ, она рисовалась стройнымъ, легкимъ силуэтомъ. Скоро мы переѣхали довольно большой мостъ черезъ Тайцзы-хе, охраняемый съ двухъ сторонъ орудіями и разъѣздами, и стали приближаться къ станціи, къ главной квартирѣ временно командующаго южной арміей генерала Леневича.

Вмѣсто жалкой постройки, которая въ 1902 году замѣняла собой станцію Ляояна, теперь здѣсь выросъ маленькій городокъ съ рядами небольшихъ одноэтажныхъ зданій, русской церковью, гостиницей и т. п. Полотно дороги значи-

тельно расширено многими запасными путями, на которыхъ стоятъ десятки воинскихъ поѣздовъ. Станція и улица освѣщены керосино-калильными лампами, бросающими ослѣпительный бѣлый свѣтъ, и всюду движется масса народа, въ пестрой толпѣ которой иногда появляются и исчезаютъ рѣдкія теперь въ Манчжуріи русскія женщины. По полотну въ разныхъ мѣстахъ ходятъ и стоятъ часовые, въ своихъ тулупахъ и огромныхъ черныхъ папахахъ.

Въ Ляоянѣ нашъ поѣздъ останавливался и дальше не шелъ. Ближайшій, уходившій отсюда ночью, везъ транспортъ свиней въ Артуръ, и при немъ не было ни одного вагона, въ которомъ можно было бы помѣститься. Дѣлать нечего: нужно было слѣзать и искать какого-нибудь пріюта на ночь. Въ Ляоянѣ есть гостиница, но она, говорятъ, полнымъ-полна, а все прочее, начиная отъ домиковъ, построенныхъ для желѣзнодорожныхъ служащихъ, и кончая ближайшими фанзами, пригодными для жилья,—все было занято различными учрежденіями, штабами и офицерствомъ.

На мое счастье, не успѣлъ я еще вылѣзть изъ вагона и оглянуться, какъ уже два звонкихъ голоса меня окликнули и тотчасъ передо мной

точно выросли два молодыхъ, симпатичныхъ офицера конной артиллеріи. Съ ними я познакомился въ Мукденѣ, куда они послѣ объявленія войны примчались изъ варшавскаго округа на свой страхъ и рискъ.

Не давъ мнѣ и рта открыть, они наперебой закидали меня вопросами и сообщили о томъ, какъ устроились сами.

— Мы пока пріютились въ квартирѣ знакомаго военнаго слѣдователя, въ которой онъ самъ не живетъ, сказалъ одинъ изъ нихъ.—Тамъ еще, правда, нѣтъ никакой мебели, ничего не приготовлено, но это пустяки. Съ нами есть вьюки Струкова, есть походныя кровати и въ общемъ мы очень недурно устроились. Знаете что? Вамъ будетъ трудно найти теперь какое-нибудь пристанище, и потому поѣдемъ лучше къ намъ. Если вы не очень требовательны, мы устроимъ что-нибудь, и у васъ будетъ гдѣ переночевать.

Конечно, я согласился. Мы крикнули китайца, отдали ему мои вещи и пошли вдоль длиннаго ряда сѣренькихъ кирпичныхъ домиковъ, перенумерованныхъ крупными бѣлыми цифрами.

Въ одномъ изъ нихъ, почти въ концѣ улицы, находилась квартирка, изъ двухъ небольшихъ комнатокъ, въ которыхъ не было ничего кромѣ нѣсколькихъ цыновокъ на полу и огромнаго деревяннаго стола. Кровати, знаменитыя походныя кровати, которыя такъ хорошо рекламируются, представляли собою образецъ довольно наивнаго произведенія россійской изобрѣтательности; они были такъ непрочны и жидки, что даже мои милые трехпудовые офицерики не довѣряли имъ и, укладываясь спать, боялись сдѣлать малѣйшее рѣзкое движеніе. Отклонивъ всѣ несбыточные проекты моихъ добрыхъ молодыхъ людей, предлагавшихъ подложить подъ одну изъ кроватей свои тюки и уступить ее мнѣ, я взгромоздился на столъ и, несмотря на всю жесткость моего новаго ложа, сладко и крѣпко заснулъ.

Проснувшись рано утромъ, когда мои молодые друзья еще спали, я вышелъ на улицу. Чудная заря золотила небо, а на немъ красивымъ силуэтомъ рисовалась знаменитая ляоянская башня Бейтасы. На улицѣ, широкой улицѣ, было еще совсѣмъ пусто и только кое-гдѣ бродили одинокіе оборванные китайцы, собирая всякую дрянь.

Не желая будить хозяевъ, я отправился на станцію пить чай и узнать, когда пойдетъ какой-нибудь поѣздъ дальше. У широкаго подъѣзда, спускающагося шестью ступеньками, уже стояло нѣсколько верховыхъ лошадей, нѣсколько охран-

Забайкальскій казакъ.
Рис. Н. Кравченко.

никовъ съ зелеными лацканами и винтовками за плечами, а немного дальше раскинулся небольшой подвижной рынокъ, около котораго толпилась изрядная куча китайцевъ всякаго возраста и вида, покупавшая сырую, вареную и жареную провизію и тутъ же ее уничтожавшая.

Около двѣнадцати часовъ я узналъ, что къ ближайшему поѣзду, отходящему на югъ, прицѣпляется вагонъ-теплушка какого-то доктора-бактеріолога, везущаго съ собой прививки для скота въ Артуръ. На мою просьбу разрѣшить мнѣ проѣхать съ нимъ до Дашичао онъ очень охотно согласился и черезъ полчаса я уже водворился на нарахъ.

„Теплушка" стоитъ того, чтобы ее описать, такъ какъ въ такихъ именно помѣщеніяхъ наши войска совершали свои многоверстные, безконечные переѣзды изъ Россіи въ Артуръ.

Представьте себѣ обыкновенный багажный вагонъ, обитый внутри сначала войлокомъ, а затѣмъ еще и обшитый деревомъ. Посреди стоитъ простая желѣзная печь, а вокругъ нея на особыхъ перекладинахъ настилаются въ два ряда нары изъ простыхъ неотесанныхъ досокъ.

Соблюдать должную чистоту трудно, особенно если принять во вниманіе то, что здѣсь въ страшной тѣснотѣ совершаютъ свои долгіе переѣзды по тридцать, по сорокъ человѣкъ солдатъ заразъ. Впрочемъ, чистота такая вещь, которую можно требовать и безъ которой трудно жить только тогда, когда она возможна. При тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ приходится совершать переѣзды со стотысячными арміями, останавливаться на ней особенно много не приходится. Въ концѣ концовъ, послѣ всѣхъ тѣхъ тяжелыхъ условій, черезъ которыя здѣсь проходятъ всѣ, больше всего заботятся только о томъ, чтобы было что поѣсть и гдѣ бы можно было прикурнуть, прилечь.

Несмотря на всѣ неудобства, мы проѣхали довольно хорошо. Въ теплушкѣ были: интендантъ, одинъ молодой врачъ, уже бывшій здѣсь въ прошлую кампанію, ветеринаръ, саперный офицеръ и офицеръ пограничной стражи, довольно наглый, нахальный, взлѣзшій въ вагонъ безъ всякаго спроса у его хозяина, да къ тому же втащившій туда же двухъ своихъ солдатъ и всю дорогу всѣмъ мѣшавшій и надоѣдавшій.

Мы ѣхали тихо и долго, часами простаивая на всякой маленькой станціи и пропуская другіе поѣзда. Топилась печь; забайкальскій казакъ время отъ времени подкладывалъ въ нее уголь, а доктора вели длинный разговоръ о бацилахъ, сывороткѣ, прививкахъ и т. п. Когда раскалившаяся печь нагрѣвала ва-

гонъ до духоты, бактеріологъ приказывалъ своему казаку открыть дверь, чтобы немного понизить вредную для его сыворотки и тяжелую для насъ температуру, и тогда къ намъ врывалась струя холоднаго, свѣжаго воздуха. Изрядно нагрузившійся ветеринаръ, задремавшій на нижнихъ нарахъ, просыпался, произносилъ какое-нибудь проклятіе и затѣмъ, повернувшись на другой бокъ, вновь засыпалъ.

А поѣздъ нашъ шелъ и шелъ, мѣрно постукивая и однообразно покачиваясь. На нѣкоторыхъ станціяхъ мы видѣли

Печальная встрѣча.

цѣлыя горы ничѣмъ не покрытыхъ и сваленныхъ кое-какъ мѣшковъ съ мукой, огромные парки совсѣмъ новыхъ телѣгъ, разбитыя палатки, веселые огни костровъ, вокругъ которыхъ толпились и грѣлись кучки солдатъ. У коновязей стояли низкорослые забайкальскіе или монгольскіе кони и тутъ же разрѣзались туши только что убитыхъ быковъ.

Гдѣ-нибудь въ сторонѣ пограничники разучивали въ пѣшемъ строю лаву или запасные повторяли ружейные пріемы и построенія. На окружающихъ высотахъ стояли сторожевые посты; иногда, идя малой рысью или шагомъ, гдѣ - нибудь далеко - далеко въ сторонѣ покажется разъѣздъ пограничниковъ и опять скроется за холмомъ.

Небольшія, одинокія станціи на всякій случай приготовились къ внезапному нападенію какой-нибудь шайки и, наглухо

заваливши бревнами и камнями лишнія двери, позакладывали наполовину всѣ окна мѣшками съ землей и поустраивали небольшія бойницы.

Всѣ ходятъ съ оружіемъ, у всѣхъ, начиная отъ желѣзнодорожныхъ инженеровъ и кончая телеграфистами, черезъ плечо повѣшены шашки, а за поясомъ револьверы. Огромныя, черныя папахи даже людямъ совсѣмъ мирнымъ придаютъ воинственный видъ и самый простой телеграфистъ, до сихъ поръ не державшій въ своихъ рукахъ ничего, кромѣ ручки апарата, сразу сталъ похожъ на Хаджи Мурата.

Часовъ около семи мы прибыли на ст. Дашичао. Опять ряды палатокъ, коновязи, полевыя орудія, воинскіе поѣзда и офицерство. На стѣнахъ станціи въ различныхъ мѣстахъ наклеены красные листы съ текстомъ манифеста, объявляющаго войну. Манифестъ отпечатанъ на одной половинѣ по-русски, на другой по-китайски. Тутъ же рядомъ большею частью красуется и листъ „Харбинскаго Вѣстника", издающагося теперь и по-китайски.

Выдумку эту, въ виду массы распространяемыхъ японцами ложныхъ слуховъ о своихъ побѣдахъ, нельзя не одобрить. Среди китайцевъ очень много грамотныхъ, и каково бы ни было ихъ отношеніе къ намъ, все-таки изложеніе различныхъ эпизодовъ войны въ нашей редакціи не останется безъ нѣкотораго впечатлѣнія.

Потолкавшись часа два и узнавши, что въ Инкоу идетъ товарный поѣздъ съ пустыми платформами, я взгромоздился на одну изъ тормозныхъ площадокъ и двинулся въ путь. Свѣтила луна, въ лицо дулъ холодный вѣтеръ и, скрипя и вздрагивая, катился мой вагонъ.

Черезъ полчаса я былъ уже на станціи въ Инкоу.

Артиллерія на улицѣ Мукдена.

Тревожная ночь.

ПИСЬМО IX.

Инкоу, 15-го марта.

Мои ожиданія не оправдались. Въ ночь на 9 марта была бомбардировка Артура, но не было десанта, а жаль! Мы ждали ихъ.

Впрочемъ, вотъ описаніе того, какъ къ этому приготовлялись и какъ это переживали въ передовомъ отрядѣ.

Небольшого роста, энергичный, нетерпѣливый начальникъ авангарда генералъ Кондратовичъ нервно шагалъ изъ угла въ уголъ огромной комнаты, освѣщенной только одной лампой; иногда останавливаясь, онъ что-то писалъ или, подойдя къ телефону, вызывалъ того или другого, отдавая свои ясныя и краткія приказанія.

— Приготовить подвижной составъ для такого-то и такого-то полка. Держать людей наготовѣ. Офицеровъ не отпускать. Усилить наблюденіе за берегомъ. Осмотрѣть снаряженіе.

Точно стоя на рубкѣ огромнаго корабля, этотъ рѣшительный человѣкъ изъ своей комнаты, при помощи телеграфа и телефона, разсылалъ приказанія на сотни верстъ вокругъ и

Государственная
БИБЛИОТ..А
СССР
им. В. И. Ленина

въ своемъ маленькомъ кулакѣ зажалъ всѣ силы авангарда, готовый бросить ихъ каждую минуту туда, гдѣ покажется непріятель.

Усталый, разбитый длинной неудобной дорогой, я тихо лежалъ на кровати въ сосѣдней комнатѣ и чутко прислушивался ко всему, что происходило въ кабинетѣ генерала.

— Неужели сейчасъ начнется, думалъ я,—неужели черезъ часъ, черезъ два я увижу непріятельскіе отряды, увижу тысячи нашихъ войскъ, торопливо движущихся имъ на встрѣчу и своей стойкостью и спокойнымъ вѣрнымъ огнемъ задерживающихъ врага и отбрасывающихъ его опять въ море, къ тѣмъ грознымъ морскимъ чудовищамъ, къ ихъ броненосцамъ, что защищаютъ и укрываютъ ихъ. Сердце билось какъ-то особенно тревожно, и я напрасно старался заснуть. Картина одна кровавѣе другой рисовались въ моемъ воображеніи и уносили мою мысль далеко-далеко отсюда, изъ этой просторной комнаты, изъ этого уютнаго угла, гдѣ было такъ тепло, чисто, свѣтло, гдѣ такъ мирно горѣли свѣчи.

Я задремалъ. Отяжелѣвшія вѣки стали смыкаться, всѣмъ тѣломъ овладѣвалъ какой-то странный покой.

— Трр... тр-р-р...—затрещалъ звонокъ у телефона.

Точно отъ удара электрическаго тока, я проснулся и съ сильно бьющимся сердцемъ сѣлъ на кровать.

— Слушаю... Кто говоритъ? раздался нервный голосъ генерала.

— Что? Бомбардируютъ? Когда начали? Что? Говорите громче! Когда?

Я вскочилъ и быстро сталъ одѣваться.

— „Начинается, начинается", невольно шептали мои губы.

Распахнулась дверь, и мой генералъ съ оживленнымъ лицомъ и загорѣвшимися глазами вошелъ въ комнату.

— Въ двѣнадцать часовъ двадцать минутъ началась бомбардировка Артура, сказалъ онъ какимъ-то торжественнымъ голосомъ и вышелъ.

Я слышалъ, какъ къ нему одинъ за другимъ явились сначала начальникъ станціи, а затѣмъ и начальникъ штаба. Потомъ онъ имъ что-то передалъ, что-то спросилъ, и они вышли.

— Неужели такія вещи можно узнать, можно предсказать? вдругъ сказалъ онъ и еще скорѣе зашагалъ по комнатѣ.

— Павелъ, разбуди штабъ. Приготовь чемоданъ. Узнай, готовъ ли паровозъ. Да скорѣе кофе намъ, приказалъ онъ

Пѣхотинецъ.
Рис. Н. Кравченко.

своему сумрачному усатому лакею, вдругъ появившемуся въ дверяхъ.

— Вы чего? вдругъ обратился онъ ко мнѣ, увидя меня совсѣмъ одѣтаго и входящаго въ залъ.—Ложитесь пока спать! Не бойтесь, не прозѣваете. Я вамъ скажу, когда поѣду,—и, быстро накинувъ пальто, вышелъ на станцію.

Но я и не думалъ ложиться. Заспанный, кажется никогда не раздѣвающійся, Павелъ принесъ кофе, чернаго хлѣба, масла и поставилъ передо мной, а я все неподвижно сидѣлъ въ креслѣ и рисовалъ себѣ картину будущаго, стараясь угадать то, что быть можетъ уже творится тамъ на берегу, подъ громъ орудій и трескъ ружей и пулеметовъ.

Прошелъ часъ, другой. Я выпилъ кофе, выкурилъ сигару, какъ-то механически взялъ въ руки старый нумеръ „Харбинскаго Вѣстника" и раза два просмотрѣлъ его изъ конца въ конецъ, а генерала все нѣтъ да нѣтъ. Дольше ждать стало не въ мочь и я отправился его искать. Меня все пугала мысль, что онъ забудетъ о моемъ существованіи здѣсь и уѣдетъ туда, гдѣ быть можетъ японцы уже начали высадку.

Наконецъ, я его нашелъ. Онъ стоялъ у телеграфнаго апарата и, глядя куда-то въ сторону, стучалъ клавишей.

— Ну, что? невольно сорвалось у меня съ языка.

— Да ничего новаго пока. Спать во всякомъ случаѣ навѣрно не придется, сказалъ онъ, ласково улыбаясь и закуривая свѣжую сигару.

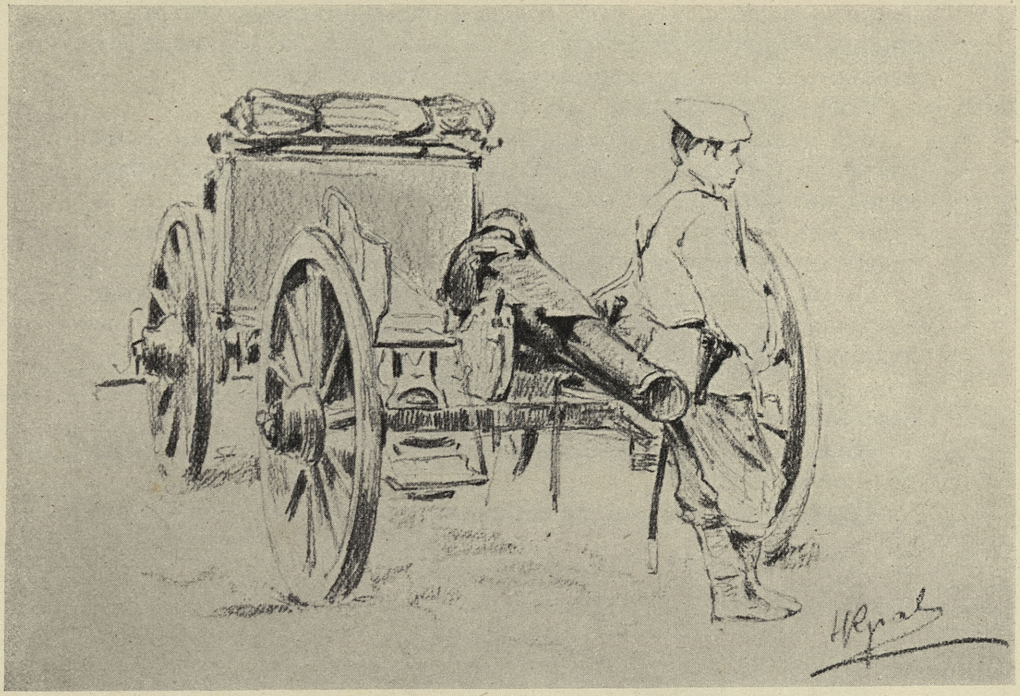
Сдѣлавъ кое-какія распоряженія, онъ вышелъ со мною на платформу.

Занималась заря. Чистый, свѣжій воздухъ несся съ покрытой льдомъ широкой рѣки. Передъ станціей стоялъ и равномѣрно пыхтѣлъ готовый паровозъ, по полотну дороги тамъ и здѣсь ходили рѣдкіе часовые въ своихъ огромныхъ черныхъ папахахъ и съ ружьями черезъ плечо.

— Пройдемся, сказалъ генералъ и мы пошли.

Кругомъ было тихо. Пожаромъ разгоравшееся небо освѣщало станціонныя зданія, пакгаузы, казармы, китайскія фанзы и длинный-длинный рядъ товарныхъ вагоновъ, что безконечной цѣпью протянулись по полотну. Далеко-далеко внизъ по теченію рѣки Ляо виднѣлись мачты нѣсколькихъ кораблей и изъ трубы одного валилъ дымъ. Тамъ стояли англійскій и американскій стаціонеры, а между ними наша мореходная канонерская лодка „Сивучъ" съ короткими, точно обрубленными мачтами.

— Такая жизнь у меня началась почти со дня объявленія

Часовой у орудія.

войны, когда намъ, совсѣмъ не думавшимъ о ней, пришлось напрягать всѣ усилія къ тому, чтобы какъ слѣдуетъ встрѣтить врага всюду, гдѣ онъ только покажется. Правда, насъ тогда было мало, но всѣ были воодушевлены такъ, что даже съ малыми силами мы отразили бы его, во много разъ сильнѣйшаго. Мы работали, не зная отдыха, не зная ни дня, ни ночи, и, нужно отдать должное всѣмъ моимъ помощникамъ, сдѣлали то, что въ обыкновенное время показалось бы немыслимымъ. Присутствіе иностранныхъ стаціонеровъ, иностранцевъ, огромное движеніе джонокъ, которыя со вскрытіемъ рѣки заснуютъ десятками тысячъ вверхъ и внизъ по Ляохе,—все это связывало насъ по рукамъ и нужно было къ рѣшенію каждаго вопроса подходить съ такой осторожностью, съ которой немыслимо вершить дѣла на войнѣ, гдѣ дорогъ каждый часъ, дорога каждая минута. Впрочемъ, теперь все это прошло, и мы спокойны. Когда заговорятъ наши пушки, когда встанутъ всѣ эти безчисленные ряды

нашихъ солдатъ, что такъ мирно и спокойно спять теперь,— японцы узнаютъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, и это надолго отобьетъ у нихъ всякую охоту затрагивать насъ.

Побродивъ еще немного, мы вернулись домой.

Все просыпалось. На станціи ходили сторожа и подметали платформу, солдаты выводили изъ конюшенъ низкорослыхъ китайскихъ коней, къ которымъ они такъ скоро привыкли и стали ихъ сѣдлать и дрессировать на свой ладъ. Проходили смѣнившіеся пограничники.

Около своихъ бараковъ у скорострѣльныхъ орудій уже выстроились артиллеристы, не успѣвшіе сдѣлать еще ни одного выстрѣла изъ своихъ новыхъ орудій. Эти батареи, пришедшія откуда-то изъ западныхъ губерній, были перевооружены чуть ли не въ день отправки сюда.

Новыхъ вѣстей не было. Японцы пострѣляли, пострѣляли по Артуру и ушли.

Напившись чаю, мы прилегли и заснули.

Уличный предсказатель.

Шпіонъ.

ПИСЬМО X.

Мукденъ, 17-го марта.

Нѣсколько дней тому назадъ за обѣдомъ у генерала Кондратовича, у котораго къ этому времени собирается весь штабъ авангарда, начальникъ станціи и кто-нибудь изъ новыхъ прибывшихъ офицеровъ или врачей, зашелъ разговоръ о шпіонахъ.

Японцы, какъ слѣдуетъ, воспользовались исключительнымъ положеніемъ Инкоу и этотъ городъ ими кишмя кишитъ. Подъ видомъ торговцевъ, нищихъ, собирателей выброшенныхъ въ огромномъ количествѣ и всюду валяющихся на Востокѣ бутылокъ и коробокъ отъ консервовъ, наконецъ въ видѣ лакеевъ, служащихъ у знатныхъ иностранцевъ, они всюду снуютъ, всюду проникаютъ и избавиться отъ нихъ такъ же трудно, какъ и отъ всякаго рода насѣкомыхъ. Не довольствуясь услугами китайцевъ, надзоръ за которыми почти немыслимъ, многіе японцы занимаются этимъ сами и для того, чтобы ихъ нельзя было отличить отъ китайцевъ по привязнымъ косамъ, отростили себѣ настоящія.

— Да, сказалъ генералъ, эти шпіоны насъ одолѣли, замучили. Отъ нихъ очень трудно что-нибудь скрыть, и это тѣмъ болѣе непріятно, что, перебравшись черезъ рѣку, они имѣютъ

на сѣверномъ китайскомъ вокзалѣ, откуда идетъ дорога на Шанхай-Гуань и Тянь-цзинь, телеграфъ, которымъ, конечно, и пользуются. Нѣкоторыхъ, правда, намъ удается захватить, но большинство ихъ бродятъ здѣсь же около насъ и ничего мы съ этимъ не можемъ подѣлать. Вчера наши агенты, наконецъ, выслѣдили и захватили одного, который далъ намъ довольно много интересныхъ свѣдѣній.

— А кто этотъ пойманный, спросилъ я генерала.

— Какой-то китаецъ. Его сегодня уже привели въ штабъ, неохотно отвѣтилъ онъ и опять перешелъ къ обсужденію всякихъ текущихъ вопросовъ, которые здѣсь не забываются ни на минуту.

Когда встали изъ-за стола, ко мнѣ подошелъ адъютантъ и предложилъ, если хочу, посмотрѣть на шпіона. Я охотно согласился.

Въ низенькомъ одноэтажномъ помѣщеніи штаба, у открытыхъ настежь дверей небольшой, совсѣмъ глухой комнаты безъ оконъ, стояли два стрѣлка съ ружьями у ноги. Они почти не сводили глазъ съ какого-то темнаго предмета, какой-то кучи тряпья, что лежала на соломѣ въ углу. Я подошелъ ближе и сталъ смотрѣть.

Когда глаза мои немного болѣе привыкли къ темнотѣ, я различилъ очертанія свернувшагося въ клубочекъ человѣка, повидимому, большого роста. Онъ лежалъ неподвижно и казалось спалъ.

Въ этой позѣ, въ этой обстановкѣ онъ казался чѣмъ-то безпомощнымъ, жалкимъ, точно всѣми забытое дитя.

Вдругъ изъ-подъ тряпокъ раздался слабый стонъ, китаецъ повернулся и на меня глянули два воспаленные глаза. Онъ что-то пробормоталъ и, приподнявши голову, какъ бы съ удивленіемъ посмотрѣлъ на стрѣлковъ.

— Онъ что-то спрашиваетъ, сказалъ я офицеру.

— Да, нужно позвать переводчика, отвѣтилъ онъ и, обратившись къ писарю, отдалъ приказаніе.

Плѣнникъ сталъ насъ осматривать. Глаза его горѣли лихорадочнымъ огнемъ, а типичное выразительное лицо было полно страданія и тоски.

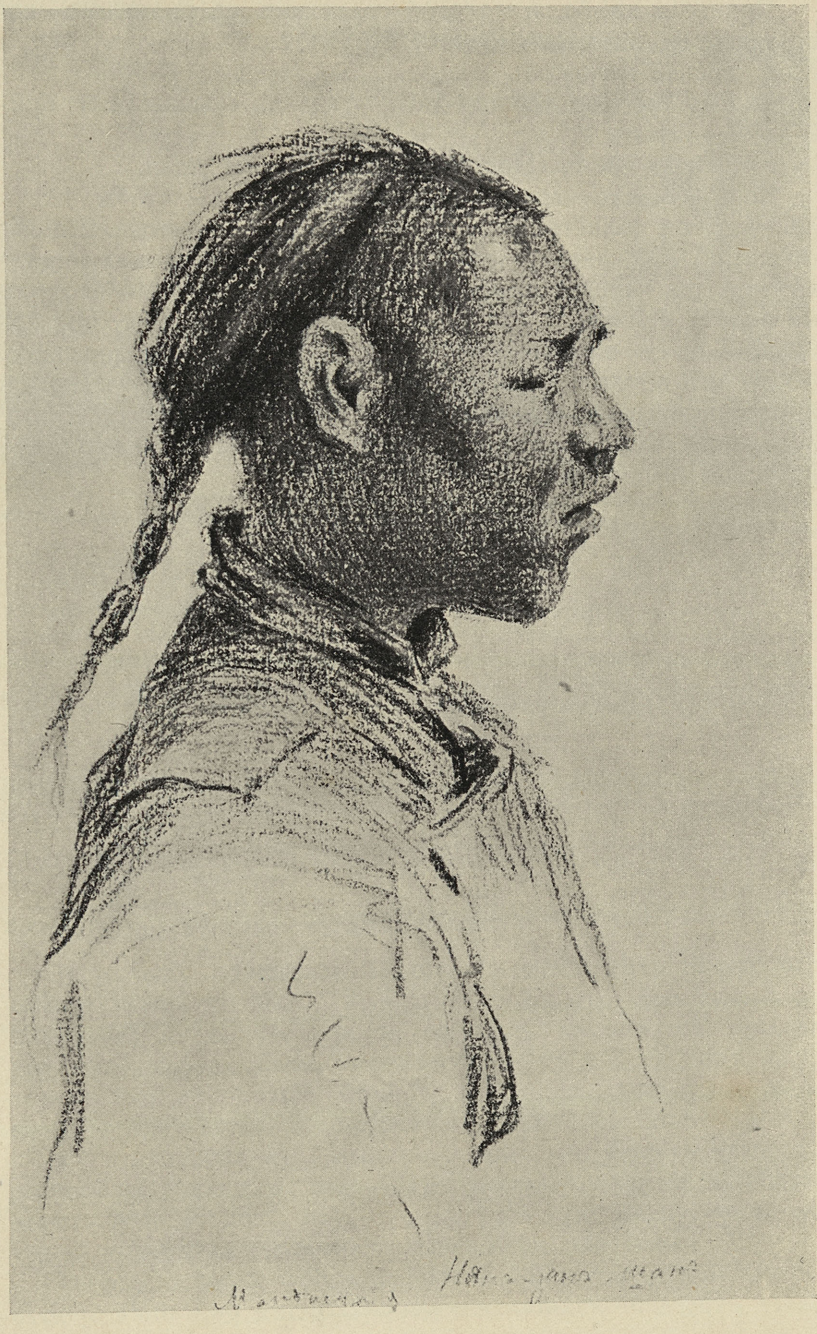
Скоро пришелъ, шелестя своимъ шелковымъ чистымъ платьемъ, переводчикъ и, наклонившись къ нему, задалъ нѣсколько вопросовъ. Шпіонъ слабо отвѣтилъ и, закрывши глаза опять безпомощно уронилъ свою голову на солому.

— Онъ хочетъ кушать. Говоритъ: платье мокро, сушить надо.

ОХОТНИКЪ СИБИРСКАГО ПОЛКА.

Рис. цвѣтн. каранд. *Н. Кравченко.*

Шпіонъ.
Рис. Н. Кравченко.

Принесли хлѣба, и молодой солдатикъ съ видимымъ состраданіемъ, отломивъ краюху, сунулъ ее въ руку китайцу, а весь каравай положилъ около.

— Ему бы чаю хорошо дать,—сказалъ подошедшій бригадный докторъ.

Пошли за чаемъ. Постоявши немного, мы ушли.

Когда черезъ день я садился въ поѣздъ, чтобы ѣхать дальше, три солдата провели его мимо нашего вагона. Шпіона отсылали въ главную квартиру, въ штабъ командующаго арміей. Дня черезъ четыре я видѣлъ его опять; его вводили въ ворота Ляояна. Со всѣхъ сторонъ собирались толпы китайцевъ и съ жаднымъ любопытствомъ разсматривали его. Когда онъ проходилъ мимо, ихъ взгляды провожали его съ выраженіемъ глубокаго сожалѣнія. Даже неутомимые, никому не дающіе покоя, китайскіе нищіе замолчали и, разинувши ротъ, глядѣли черезъ плечи другихъ.

Говорятъ, что дорогой онъ пробовалъ бѣжать.

Его навѣрное разстрѣляютъ.

Инкоу. Улица въ европейской части.

Инкоу. „Сивучъ“.

ПИСЬМО XI.

Я не буду описывать Инкоу. Въ немъ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, ничего интереснаго. Это самый ординарный китайскій городъ, который, какъ и всѣ простые китайскіе города, былъ когда-то обнесенъ землянымъ валомъ, теперь уже не существующимъ, и канавой, уже давно засыпанной. Множество одноэтажныхъ глиняныхъ фанзъ съ плоскими глиняными же крышами разбросаны безъ всякаго порядка на площади почти въ шесть-восемь квадратныхъ верстъ и образуютъ только одну большую улицу, часть которой вымощена огромными каменными плитами.

Твердо осѣвшіе здѣсь иностранцы понастроили на самомъ берегу рѣки Ляо нѣсколько двухъэтажныхъ большихъ зданій

съ верандами и палисадниками, открыли два-три магазина, разбили на набережной скверъ, поставили бесѣдку, посыпали дорожки пескомъ, а дальше—осталась все та же непролазная китайская грязь съ кучей всевозможныхъ отбросовъ, падали и т. п.

Инкоу самый оживленный портъ всего Печилійскаго залива. Это тотъ колоссъ, съ которымъ такъ неудачно хотѣлъ конкурировать нашъ никому не нужный Дальній, съѣвшій много денегъ, покормившій и создавшій благополучіе нѣсколькихъ строителей, удовлетворившій прихоть инициатора и затѣмъ заставившій всѣхъ съ досадой забыть о себѣ.

Черезъ Инкоу идетъ почти все, чѣмъ торгуетъ Южная Манчжурія. Бобы, чумиза, низшіе сорта шелка, мѣха—все это сплавляется на безчисленныхъ джонкахъ внизъ по Ляохе и какъ въ горнилѣ проходитъ черезъ здѣшнюю таможню и ловкія руки иностранцевъ.

Инкоу стоитъ на окупированной нами землѣ. Лѣвый берегъ рѣки нашъ, правый же считается въ нейтральной полосѣ, отдѣляющей насъ отъ собственно Китая.

Вокзалъ Китайской дороги, которую мы въ 1900 году поправили послѣ разрушеній боксеровъ и достроили, а потомъ въ 1902 году возвратили Китаю, стоитъ прямо противъ города на правомъ берегу, нашъ же восточный, откуда идетъ небольшая вѣтка на Дашицяо, верстахъ въ четырехъ вверхъ по теченію, на лѣвомъ. Между городомъ и вокзаломъ обычныя зимнія стоянки стаціонеровъ. Всѣ они стоятъ въ простыхъ земляныхъ докахъ, вѣрнѣе въ огромныхъ ямахъ, въ которыхъ зарываются на зиму. Какъ только пройдетъ ледъ и будетъ во время, доходящаго сюда, прилива большая вода, они разбросаютъ отдѣляющій ихъ отъ рѣки земляной валъ и уйдутъ. „Сивучъ" останется.

На другой же день по пріѣздѣ въ Инкоу, вѣрнѣе на вокзалъ нашей вѣтки, я хотѣлъ было отправиться на „Сивучъ", но сдѣлать это мнѣ не удалось. Отъ таянія снѣга почва размокла и дороги испортились настолько, что даже китайскія телѣги, такъ называемыя „фудутунки" (крытыя повозки, съ одной парой колесъ, вращающихся вмѣстѣ съ осью) не могли по нимъ двигаться и, несмотря на длинную и сложную упряжку цугомъ въ четыре-пять муловъ,ословъ и быковъ, сплошь да рядомъ надолго увязали въ какой-нибудь колеѣ въ аршинъ глубиною.

Переждавши два дня, въ теченіе которыхъ почва успѣла немного высохнуть и дороги исправиться, я наконецъ поѣхалъ

Джонка на мели.
Рис. Н. Кравченко.

въ городъ на двуколкѣ россійскаго образца, изобрѣтеніи довольно варварскомъ, но единственно удобномъ для ѣзды въ Китаѣ.

Съ трудомъ забравшись на нее, я сѣлъ на веревочное сидѣніе, послѣ чего на облучокъ влѣзъ кучеръ-стрѣлокъ съ винтовкой за плечами. Другой стрѣлокъ верхомъ, тоже вооруженный, поѣхалъ впередъ указывать дорогу. Пара довольно тощихъ длинношерстныхъ маленькихъ китайскихъ лошадокъ дернула, мы закачались, затряслись и медленно поползли, постоянно попадая изъ одной ямы въ другую, ежеминутно готовые свалиться въ противную грязную лужу.

Проѣхавши множество одиноко стоящихъ и далеко одинъ отъ другого раскинутыхъ китайскихъ дворовъ, изъ которыхъ каждый обнесенъ высокой глиняной стѣной и похожъ на маленькую крѣпостцу, безъ единаго окна наружу, мы наконецъ увидѣли желтую высокую трубу американскаго стаціонера, потомъ короткія, безъ рангоутовъ мачты „Сивуча“, а дальше—стройныя линіи англичана.

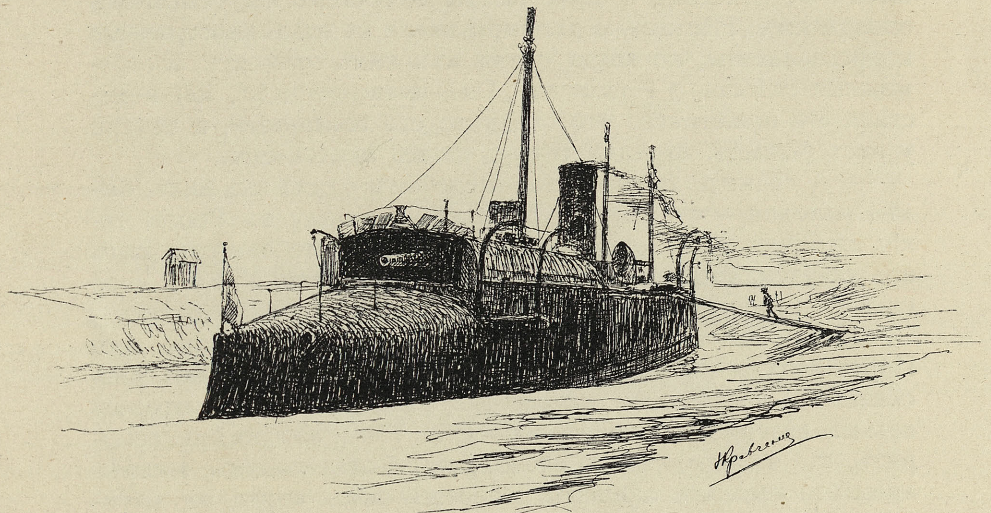
Холодный вѣтеръ развѣвалъ ободранные хвосты нашихъ неказистыхъ коней, иногда приносилъ невозможные ароматы китайскихъ удобреній, собираемыхъ на ровныхъ мѣстахъ, и, играя въ верхушкахъ многосаженныхъ бамбуковыхъ тростей, поставленныхъ плотно рядомъ и замѣняющихъ собой изгородь, пѣлъ свою унылую, свистящую пѣсню.

Уличный цирульникъ.

Вскорѣ мы попали въ какое-то подобіе улицы, гдѣ стояли лотки, что-то жарилось на жаровняхъ, пахло противнымъ бобовымъ масломъ. Въ корзинахъ торговцевъ - китайцевъ аппетитно выглядывали горки красивыхъ янтарныхъ грушъ и жареныхъ китайскихъ орѣховъ. На нѣкоторыхъ столахъ, выставленныхъ наружу, лежали куски свинины, баранины или засушенныхъ бычачьихъ легкихъ. Все это покупалось, здѣсь же жарилось или варилось и поѣдалось. Подъ стѣнами фанзъ на корточ-

кахъ сидѣли китайцы и китайчата и, съ наслажденіемъ протягивая свои сухія длинныя ноги, здѣсь же валялись собаки. Иногда, звеня чѣмъ-то въ родѣ щипцовъ, проходилъ уличный

„Сивучъ“ въ докѣ.

цирульникъ, неся на коромыслѣ всѣ принадлежности своего очень распространеннаго и въ то же время презрѣннаго въ Китаѣ ремесла.

Повернувъ направо, мы неожиданно очутились у высокой проволочной ограды, за которой виднѣлся еще болѣе высокій земляной валъ, а за нимъ мачты и труба „Сивуча“.

Мы остановились у воротъ. Часовой-матросъ далъ свистокъ и вслѣдъ затѣмъ другой, прибѣжавшій на этотъ зовъ, матросъ открылъ ихъ настежь и впустилъ насъ внутрь ограды.

„Сивучъ“, черный, мрачный „Сивучъ“ какъ бы сидѣлъ въ глубокой ямѣ, наполненной водой, и сообщался съ берегомъ только одной сходней.

Меня ласково принялъ командиръ судна капитанъ Стратоновичъ, живущій въ небольшомъ домѣ, стоящемъ рядомъ съ докомъ, а затѣмъ еще радушнѣе встрѣтили въ каютъ-компаніи, гдѣ нашлось нѣсколько старыхъ знакомыхъ.

— Что новаго, что теперь дѣлается въ Россіи, въ Петербургѣ?

— Давно ли вы пріѣхали, когда выѣхали? Что Байкалъ?

Правда ли, что идетъ балтiйская эскадра? и т. п. вопросы посыпались на меня со всѣхъ сторонъ тотчасъ же, какъ только я успѣлъ пожать всѣмъ руки и сѣсть за столъ.

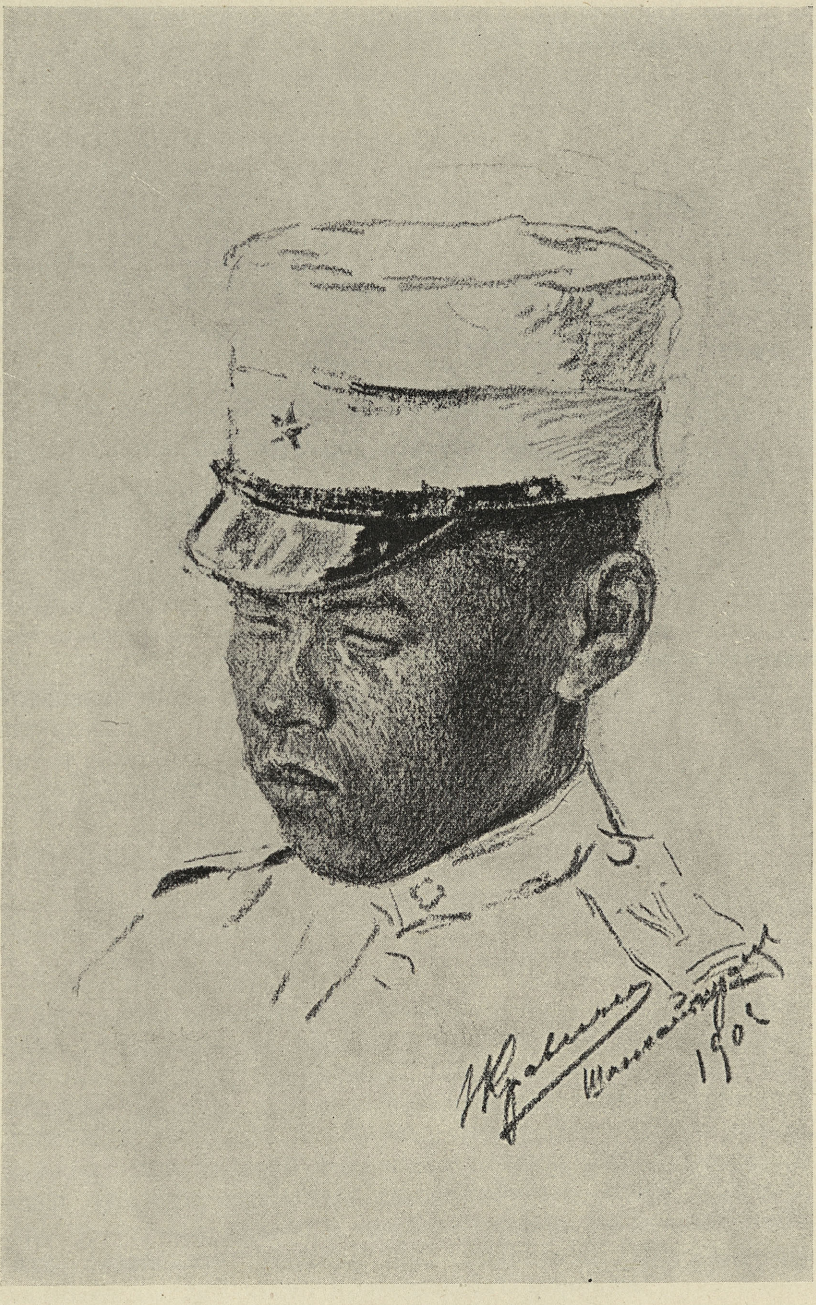
— Мы здѣсь сидимъ какъ въ лѣсу. Ничего не знаемъ, ничего не слышимъ и даже газеты получаемъ съ большимъ опозданiемъ. Нѣсколько разъ прiѣзжали къ намъ иностранные корреспонденты, но когда одинъ изъ нихъ написалъ всевозможныя гадости о Россiи въ „Тянь-цзинь-теймсѣ“, мы перестали его принимать. Это охладило его товарищей, и теперь у насъ бываетъ изрѣдка только одинъ итальянецъ.

— А скажите пожалуйста,—перебилъ одинъ изъ нихъ, болѣе молодой,—это вѣрно, что теперь повсюду въ Россiи такiя манифестацiи? Знаете, когда читаешь что пишутъ, такъ все кажется, что это больше газеты выдумали. У насъ еще какъ-то мало энтузiазма.

Одинъ лейтенантъ и одинъ мичманъ, прiѣхавшiе изъ Портъ-Артура на „Сивучъ“ всего лишь нѣсколько дней, разсказали о послѣднемъ нападенiи брандеровъ и нѣкоторыя весьма интересныя его подробности. Такъ, напримѣръ, говорятъ, что на одномъ изъ брандеровъ былъ найденъ застрѣлившiйся японскiй офицеръ, а передъ нимъ карта, на которой красными чернилами былъ намѣченъ первоначальный путь и мѣсто, по которому должны были пройти и гдѣ должны были остановиться брандеры, и тутъ же, на той же картѣ, правда съ нѣкоторыми ошибками, были указаны мѣста, гдѣ они затонули. Впрочемъ, это же самое мнѣ уже разсказывалъ въ Артурѣ и генералъ Стессель. Интереснѣе было узнать про новую остроумную выдумку нашихъ находчивыхъ враговъ, а именно: во время ночныхъ атакъ миноносцевъ они бросаютъ въ воду кусочки кальцiя, который горитъ и тѣмъ невольно отвлекаетъ вниманiе нашихъ моряковъ.

Говорили о томъ, какъ благотворно отразился на всѣхъ морякахъ и защитѣ Портъ-Артура прiѣздъ адмирала Макарова, какъ японцы послѣ первыхъ отчаянныхъ нападенiй, стоившихъ имъ, вѣроятно, довольно дорого, стали осторожны и, повидимому, надолго лишились той самоувѣренности, которой были полны въ самомъ началѣ кампанiи.

За живой бесѣдой, за стаканами сода-виски время пролетѣло незамѣтно и когда я взялся за шапку, чтобы отправиться опять къ себѣ на восточный вокзалъ, уже было поздно и меня оставили обѣдать. Въ каютъ-компанiи народъ все молодой, живой, интересный. Между протчими обращаетъ на себя вниманiе симпатичный докторъ, когда-то учившiйся въ

Японскій унтеръ-офицеръ.
Рис. Н. Кравченко.

Академіи Художествъ. Онъ былъ здѣсь и въ прошлую кампанію и, повидимому, любитъ и эту жизнь, и этотъ край.

Когда стемнѣло, въ каютѣ зажглись электрическія лампочки. Моряки, глядя по сторонамъ, стали обсуждать, что изъ мебели нужно будетъ удалить, что оставить, дабы во время боя на кораблѣ не было легко воспламеняющихся вещей. Піанино, книжные шкафы, портреты въ деревянныхъ рамахъ, двери, лишнія стулья, большой диванъ—все это рѣшено вынести и сложить на берегу въ имѣющихся помѣщеніяхъ.

Жизнь на суднѣ идетъ своимъ обычнымъ порядкомъ. Цѣлый день всѣ работаютъ, учатся и занимаются приготовленіемъ второй обшивки изъ полудюймовыхъ листовъ желѣза, которая должна служить нѣкоторой защитой отъ минъ. Воспользовавшись пріѣздомъ назначеннаго въ Инкоу священника, команда одѣла чистое бѣлье, исповѣдалась и причастилась. Что будетъ съ каждымъ изъ нихъ потомъ, быть можетъ завтра—никто не знаетъ и потому религіозные матросики прежде всего подумали о своихъ грѣхахъ.

Не было еще и восьми часовъ, когда прозвучалъ призывъ на молитву и вскорѣ вслѣдъ затѣмъ сверху въ открытый люкъ ворвалось красивое стройное пѣніе матросовъ. Мы поднялись на палубу.

Свѣтила почти полная луна; кругомъ на фонѣ синеватой мглы рисовались покрытыя чехлами большія и малыя орудія канонерки, неподвижно тянулись кверху двѣ короткія, точно обрубленныя мачты, торчала широкая черная труба.

Матросы набожно крестились.

Китайскій плугъ.

Въ Артуръ!
Жизнь въ Мукденѣ.

ПИСЬМО XII.

Около Артура, 25 марта.

Опять въ вагонѣ.

На дворѣ хлещетъ проливной дождь и его тяжелыя капли отбиваютъ на крышѣ свою частую, мелкую дробь. Въ окна видны акуратныя китайскія деревеньки, разлившіеся грязные ручьи и рѣчки и дали затуманившихся холмовъ и горъ, по вершинамъ которыхъ ползутъ низкія, тяжелыя тучи. Кое-гдѣ показалась зелень, иногда даже кажется, что и на деревьяхъ стали набухать почки. Холодно, сыро въ вагонѣ, грязно и тамъ за окномъ, на полузатопленныхъ китайскихъ поляхъ, такъ правильно прорѣзанныхъ длинными рядами чисто проведенныхъ бороздъ.

Опять ѣду въ Артуръ. Ожидаются бомбардировка и бран-

деры. Объ этомъ повсюду ходятъ упорные слухи. Главнымъ образомъ ихъ распространяютъ китайцы, которые всегда все знаютъ, про все пронюхаютъ и о всякомъ происшествіи, говорятъ, узнаютъ раньше, чѣмъ о томъ успѣетъ сообщить телеграфъ. Хотите вѣрьте—хотите нѣтъ, но здѣсь это очень упорно утверждаютъ весьма многіе.

Теперь, какъ они говорятъ, японцы всюду скупаютъ керосинъ и собираются при помощи своихъ брандеровъ, наполненныхъ имъ, зажечь рейдъ и внутреннюю гавань. Для этого они будто бы хотятъ воспользоваться временемъ прилива, когда въ теченіе шести часовъ вода прибываетъ у береговъ и въ бассейнѣ Артура поднимается на 7—8 футовъ. Керосинъ, какъ болѣе легкій и маслянистый, не скоро смѣшается съ водой и зажженный проникнетъ во внутрь порта, сожжетъ наши корабли и задушитъ своимъ дымомъ ихъ команду и войска.

Картина грандіозная, планъ еще болѣе великій, но... будемъ думать, что онъ исполнимъ только на словахъ.

Прежнихъ безполезно погибшихъ брандеровъ для удачнаго исполненія задачи оказалось мало, а потому на этотъ разъ ихъ будетъ пущено, какъ говорятъ, двѣнадцать. Наши враги не шутятъ и для достиженія своей цѣли не жалѣютъ ни кораблей, ни людей. Много японскихъ героевъ моряковъ погибло въ первые два нападенія, теперь ихъ погибнетъ, вѣроятно, еще больше, но... съ этимъ они считаться не хотятъ и идутъ на все, только бы запереть или уничтожить нашъ флотъ. Удастся ли? Вѣдь по мѣрѣ того, какъ растутъ ихъ планы, растутъ изобрѣтательность и отвага нашихъ моряковъ.

Мнѣ еще не пришлось быть свидѣтелемъ молодецкаго отпора, который даютъ японцамъ въ Портъ-Артурѣ, и потому, узнавши о новой предполагаемой атакѣ, я поѣхалъ.

Жизнь въ Мукденѣ очень скучна. Тамъ всѣ развлеченія исчерпываются поѣздками въ городъ и на ближайшія могилы. Большинство лицъ, командированныхъ въ распоряженіе намѣстника, по два раза въ день акуратно собираются въ офицерской столовой, а передъ сномъ грядущимъ на вокзалѣ. Иногда еще ходятъ въ небольшую монгольскую кумирню, расположенную у подножія оригинальной кирпичной башни, называемой Ши-та (западная). Такихъ башенъ въ Мукденѣ четыре. Всѣ онѣ обращаютъ на себя вниманіе своей стран-

ной формой, напоминающей бутылку отъ бенедиктина. Такую точно башню я видѣлъ въ Пекинѣ, въ центрѣ Императорскаго города и, какъ говорятъ, такая же есть въ Лхассѣ въ Тибетѣ.

Мукденъ — городъ, расположенный верстахъ въ трехъ на востокъ отъ станціи, отъ того мѣста, гдѣ стоитъ поѣздъ намѣстника, его штабъ, конвой, горная батарея пограничной стражи, нѣсколько пѣхотныхъ и казачьихъ полковъ.

Нищій-китаецъ.

Проѣхавши по скверной, изрытой глубокими колеями дорогѣ, все время идущей то между рядами жалкихъ полуразвалившихся фанзъ, то большихъ тріумфальныхъ воротъ, то могильныхъ холмиковъ, то остатками брошенныхъ импаней (родъ китайскихъ земляныхъ укрѣпленій, за которыми когда-то останавливались лагеремъ манчжурскія войска), попадаешь наконецъ въ предмѣстье города, окруженнаго глиняной стѣной высотою до двухъ-трехъ саженъ.

Простыя деревянныя ворота первой стѣны прежде охранялись китайскимъ полицейскимъ постомъ, теперь же — нашими часовыми. Какъ русскіе, такъ и иностранцы при входѣ и выходѣ въ городъ обязаны предъявлять особыя пропускныя свидѣтельства, выдаваемыя нашимъ мукденскимъ военнымъ коммиссаромъ, полковникомъ М. Ѳ. Квицинскимъ, съ удивительнымъ тактомъ занимающимъ этотъ трудный постъ уже четвертый годъ.

Какъ старый знакомый, я съѣздилъ къ нему незадолго до отъѣзда въ Артуръ. Онъ живетъ въ просторномъ домѣ у южныхъ воротъ главной, кирпичной городской стѣны и устроился для Мукдена, вообще небогатаго комфортомъ, довольно хорошо.

Когда я прошелъ первый дворикъ, гдѣ стоитъ конвой, и вошелъ во второй,—въ китайскихъ домахъ такихъ дворовъ

обыкновенно бываетъ нѣсколько одинъ за другимъ,—передъ дверью на ступенькахъ лѣстницы я увидѣлъ маленькую фигурку японки, возившейся съ горшками цвѣтовъ.

— Можно видѣть г. коммиссара?—спросилъ я.

Она живо обернулась, показала мнѣ свое уже не молодое, но еще довольно красивое и симпатичное лицо и рядъ бѣлыхъ зубовъ.

— Та, тома,—живо отвѣтила она и, прошмыгнувъ мимо меня, скрылась за дверью.

Вскорѣ появившійся вѣстовой пригласилъ меня войти и снялъ пальто. Въ проходной комнатѣ, откуда направо сквозь стеклянную дверь была видна красиво отдѣланная полированнымъ деревомъ спальня, стояло огромное зеркало въ чудной рѣзной рамѣ изъ чернаго дерева. Въ гостиной во всю комнату лежалъ коверъ, стоялъ столикъ съ книгами, диванъ, нѣсколько креселъ, стулья.

— Здравствуйте, давно къ намъ? — ласково спросилъ неожиданно появившійся хозяинъ.

Мы разговорились. Вспомнили старыхъ знакомыхъ, мою предъидущую поѣздку въ Китай, вспомнили Шанхай-гуань, гдѣ встрѣтились впервые, потомъ перешли къ теперешнему тревожному времени.

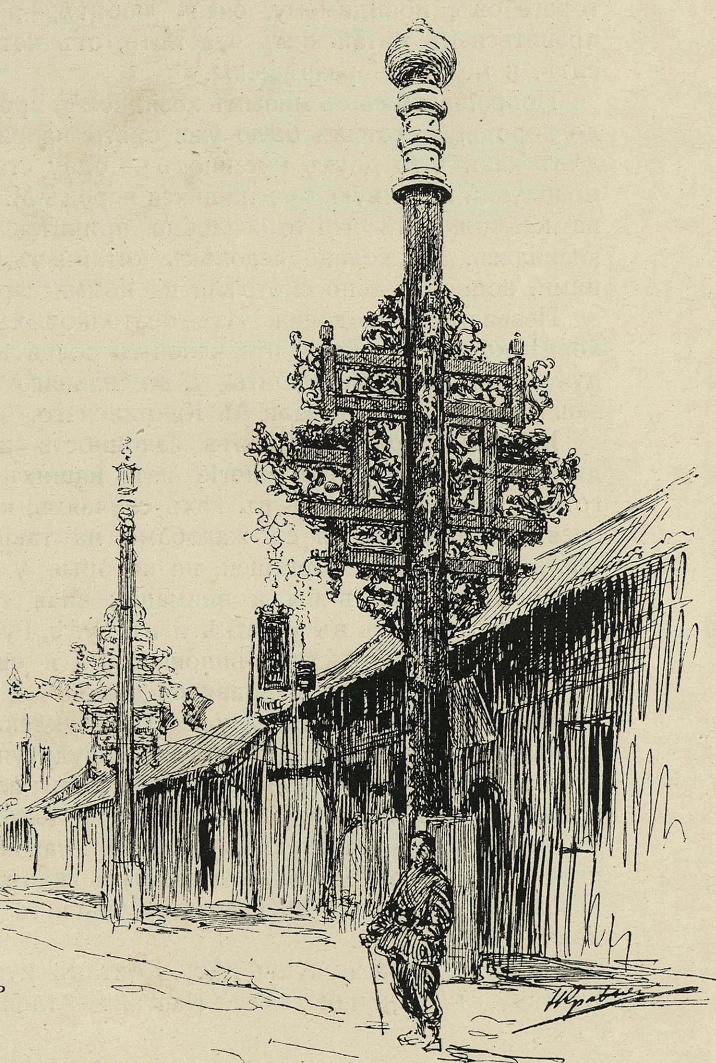
— Ну, что, какъ у васъ тутъ? Тихо ли, не собираетесь ли воевать съ китайцами?

— Пока нѣтъ, а какъ будетъ дальше, не знаю. Вѣдь это такіе люди, съ которыми трудно что-нибудь сказать впередъ. Я могу поручиться за своихъ слугъ - китайцевъ, знаю, что за люди вообще китайцы, но отвѣчать за мандариновъ трудно. Судя по внѣшнимъ признакамъ, ихъ отношеніе къ намъ за послѣдніе дни измѣнилось къ лучшему. Впрочемъ, когда поживете здѣсь, вы сами многое увидите, узнаете и поймете. Пока могу развѣ сказать одно, что еще очень недавно у меня вотъ здѣсь былъ нашъ дзянь-зюнь [1]),

[1]) Дзянь-зюнь—нѣчто вродѣ военнаго генералъ-губернатора и въ то же время вице-короля. Онъ пользуется огромной властью и имѣетъ право казнить безъ суда. Насколько это вѣрно—не знаю, но вотъ чему я почти былъ свидѣтелемъ въ 1902 году, когда былъ въ Ляоянѣ. Въ поѣздѣ поймали двухъ воровъ-китайцевъ; въ это же время черезъ станцію Ляояна проѣзжалъ дзянь-зюнь. Увидя изъ окна своего вагона толпу людей,—онъ приказалъ узнать въ чемъ дѣло, а затѣмъ—казнить воришекъ. Несчастныхъ китайцевъ, польстившихся на невзрачный чемоданчикъ какого-то военнаго доктора, отвели въ сторону отъ полотна желѣзной дороги и безъ всякихъ разговоровъ и суда отрубили имъ головы.

былъ какъ всегда очень словоохотливъ и уходя сказалъ, что намъ слѣдуетъ почаще видѣться.—Я всегда радъ, отвѣчалъ я ему, дѣло за вами.

Поговоривши съ полчаса, онъ пригласилъ меня съ нимъ позавтракать, и познакомилъ со своими помощниками и нѣсколькими казачьими офицера-

Вывѣски на улицахъ Мукдена.

ми, уже давно живущими здѣсь и хорошо знающими Манчжурію. Съ двумя-тремя казаками эти смѣлые люди дѣлаютъ многосотенныя поѣздки верхомъ и изучаютъ мѣста, мало кому извѣстныя и доступныя.

Зная, что многіе изъ вновь пріѣхавшихъ офицеровъ хотѣли повидать старинный мукденскій дворецъ, я попросилъ М. Ѳ. устроить намъ его осмотръ, на что послѣдній очень охотно согласился и, призвавъ своего переводчика, Василія Ивановича, недурно говорящаго по-русски и не берущаго даже на чаекъ безъ спеціальнаго разрѣшенія коммиссара, котораго онъ, повидимому, очень любитъ,—поручилъ ему отправиться къ китайскимъ властямъ, отъ которыхъ это зависитъ, и получить разрѣшеніе.

Попрощавшись съ милымъ хозяиномъ, проводившимъ меня до воротъ, я хотѣлъ было уже сѣсть на рикшу, когда увидѣлъ какихъ-то двухъ китаянокъ — одну старуху, а другую молодую и красивую, бросившихся передъ М. Ѳ. Квицинскимъ на колѣни. Онѣ что-то жалобно причитывали и униженно кланялись. Нѣсколько человѣкъ китайцевъ, стоя рядомъ съ ними, вопросительно смотрѣли на коммиссара.

Позвали переводчика. Изъ безтолковыхъ объясненій въ концѣ концовъ узнали, что какой-то солдатъ обидѣлъ молодуху и она проситъ защиты у всесильнаго русскаго дзяньзюня, какъ они называли М. Квицинскаго.

Китайцы, вообще любятъ законность и успѣвши убѣдиться въ томъ, что многіе изъ нашихъ представителей готовы поддержать ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они правы, очень часто являются съ жалобами на такіе проступки нашихъ солдатъ или торгашей, на которые у насъ въ Россіи никто не обратилъ бы и вниманія, зная сколько времени придется потерять въ участкѣ и въ судѣ. Русскій дзянь-зюнь отдалъ приказъ отыскать виновнаго, а я еще разъ пожалъ ему руку и пѣшкомъ отправился домой.

На широкихъ ровныхъ улицахъ Мукдена кипѣла жизнь. Проѣзжали неуклюжія, двухколесныя фудутунки, въ которыхъ, поджавши подъ себя ноги, сидѣли китайцы или набѣленныя и нарумяненныя китаянки, быстрой иноходью мчались, высоко сидя на своихъ маленькихъ сѣдлахъ, манчжуры, проходили своей легкой походкой въ мѣховыхъ шапкахъ купцы или, назойливо приставая къ русскимъ, шагъ за шагомъ по слѣдамъ брели нищіе.

— Каптанъ! моя куши нѣту. Каптанъ кушъ-кушъ много. Каптанъ, моя куши нѣту. Каптанъ, твоя куши много...

Домъ военнаго коммиссара въ Мукденѣ.

безъ устали и безъ перерыва какимъ-то плаксивымъ, ноющимъ голосомъ въ одну ноту тянутъ они.

Видъ ихъ ужасенъ. Въ рваныхъ, невѣроятно грязныхъ лохмотьяхъ, они сами кажутся какими-то комьями грязи и тряпья, причемъ очень часто на ихъ рукахъ и головахъ зіяютъ отвратительныя язвы. Болѣе нахальные трогаютъ васъ за платье и тѣмъ стараются обратить на себя вниманіе.

— Каптанъ, деньга давай, — вдругъ скажетъ какой-нибудь китайченокъ, довольно неумѣло дѣлая подъ козырекъ.

Но вы не думайте, что и это нищій. Нѣтъ. Такъ поступаютъ многіе и не очень бѣдные, но избалованные нами и развращенные нашими гривенниками и двугривенными, которые сплошь да рядомъ, за отсутствіемъ болѣе мелкой монеты, бросаютъ здѣсь попрошайкамъ.

Спасаясь отъ назойливости нищихъ, многіе ходятъ съ нагайками и хлыстами, видъ которыхъ на китайцевъ все-таки дѣйствуетъ меньше, чѣмъ появленіе стрѣлка или казака.

— Цуба!—грозно заоретъ послѣдній, и вся эта грязная толпа, точно стадо барановъ, моментально бросится со всѣхъ ногъ въ стороны.

Между рядомъ вертикально стоящихъ деревянныхъ красныхъ и черныхъ вывѣсокъ съ золочеными буквами, среди ко-

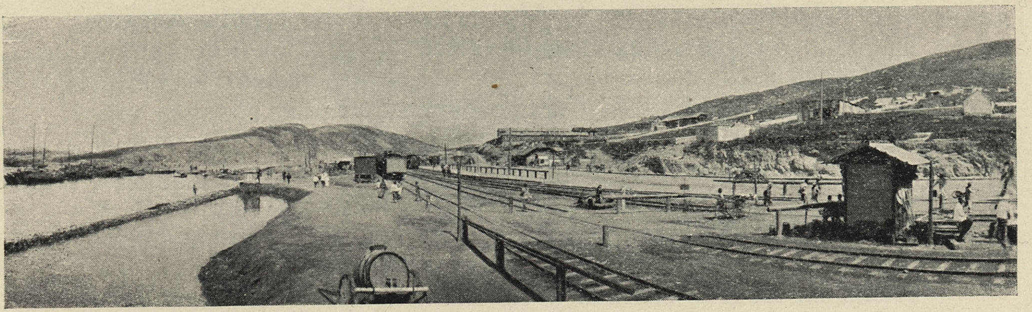
торыхъ есть нѣсколько поражающихъ своимъ богатствомъ и красотой, я прошелъ наконецъ до центральной башни, подъ которой скрещиваются главныя улицы, сравнительно широкія и для китайскаго города довольно чистыя.

Взявши здѣсь рикшу, я поѣхалъ на станцію. Передо мной быстро мелькали лавки съ различнымъ товаромъ, колоссальные раскрашенные сапоги —вывѣски, красивые мулы, ослики, китайцы въ мѣховыхъ шапкахъ и въ особенныхъ наушникахъ, что они одѣваютъ во время морозовъ, какъ чехлы, китаянки со своими оригинальными прическами, опять нищіе, огромные гробы и т. п.

Проѣхавши колоссальныя ворота въ главной кирпичной стѣнѣ, на которой въ этомъ мѣстѣ еще держится полуразвалившаяся башня,—я въѣхалъ въ круглый дворъ съ двумя такими же воротами, выходящими въ разныя стороны, и... наконецъ, очутился въ предмѣстьи.

Здѣсь улицы грязнѣе, лавки бѣдны, нѣтъ хорошихъ вывѣсокъ, да и жизни меньше. Рѣдко когда попадаются шуршащіе шелкомъ богатые китайцы, иногда на двухколесныхъ телѣгахъ, украшенныхъ бѣлыми флажками съ надписью „Русско-китайскій банкъ", провезутъ каменный уголь или, поднимая тучу пыли, промчится весь вылинявшій сѣрый забайкальскій казакъ...

Подходимъ къ Артуру. Проводникъ спускаетъ шторы на окнахъ, появляется жандармъ, спрашивающій у всѣхъ разрѣшенія на въѣздъ въ Артуръ. Пятерыхъ, не имѣющихъ онаго, задерживаютъ и отправятъ обратно.

Портъ-Артуръ. Вокзалъ.

Портъ-Артуръ.

ПИСЬМО XIII.

Артуръ, 29 марта.

Сегодня уже четвертый день, какъ я опять въ Артурѣ, куда пріѣхалъ въ ночь на Страстную субботу. Но и сейчасъ я живо помню то тревожное чувство, съ которымъ мы подъѣзжали къ нему.

Постоянно замедляя ходъ и останавливаясь, нашъ поѣздъ подвигался какъ-то неохотно, неувѣренно и заставилъ многихъ насторожиться. Проливной дождь, шедшій цѣлый день и превратившій китайскія поля въ моря и озера, а маленькіе ручьи и рѣчки въ потоки и бурливыя рѣки, во многихъ мѣстахъ испортилъ путь и посмывалъ телеграфные столбы. Осторожный машинистъ не рѣшался идти хорошимъ ходомъ и всюду, гдѣ былъ хоть малѣйшій рискъ—останавливался, осматривалъ путь, и только тогда шелъ дальше.

Опущенныя шторы, грязная полутьма и нервность нѣсколькихъ пассажирокъ, рвущихся въ Артуръ къ своимъ мужьямъ и женихамъ, невольно передавалась всѣмъ. Всѣ стали понемногу отодвигать краешекъ штоpъ и заглядывать въ щель. Открывать окна освѣщенныхъ помѣщеній, показывать свѣтъ—все это, по правиламъ Портъ-Артура, объявленнаго въ осадномъ положеніи, запрещается.

— Артуръ виденъ,—вдругъ вскрикиваетъ одна изъ дамъ, жена офицера, и совсѣмъ прижимается лицомъ къ стеклу.

— Гдѣ, гдѣ?—кричитъ другая, торопливо бросаясь изъ купэ.

— Да нѣтъ еще, до Артура далеко. Еще верстъ десять будетъ,—говоритъ какой-то бывалый артурецъ-коммерсантъ, которыхъ внезапно вспыхнувшая война не только не напугала, а какъ будто еще больше раздразнила и подняла ихъ предпріимчивый духъ.

Дѣйствительно, мы были еще далеко отъ Артура и только черезъ полчаса нашъ поѣздъ сталъ понемногу тормозить и потомъ совсѣмъ остановился. Я выглянулъ въ окно площадки. Ничего не видно. Тьма кромѣшная. Ни звѣздъ, ни огней, ни людей. Тишина и могильный мракъ окутали все. Только гдѣ-то въ сторонѣ, на самой землѣ, я увидѣлъ слабый зеленый свѣтъ, узенькой полоской прорывавшійся сквозь щелочку желѣзнодорожнаго фонаря.

Съ рискомъ сорваться, разбить себѣ носъ или голову, мы стали осторожно спускаться по лѣстницамъ вагона. Вокругъ пусто и темно. Ни извозчиковъ, ни рикшъ. Всюду грязь и огромныя лужи, куда поминутно попадаетъ то одинъ, то другой спутникъ. Нѣтъ даже обычныхъ назойливыхъ носильщиковъ-китайцевъ. Не знаешь кого спросить, куда идти, какъ быть.

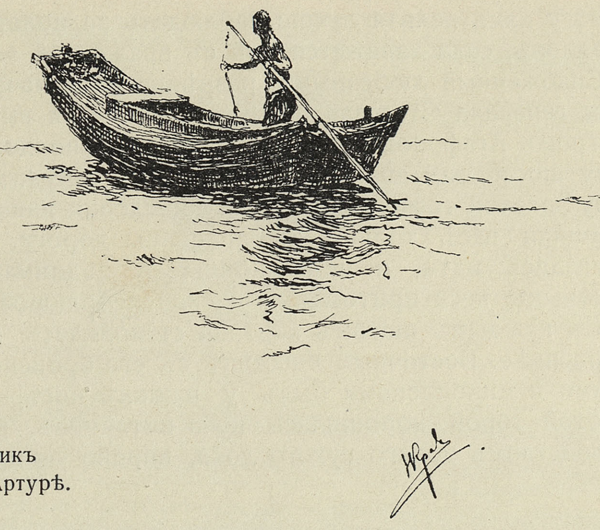
Съ разрѣшенія начальника станціи мы остаемся ночевать въ поѣздѣ и только одна дама, жена мѣстнаго купца, покинувши свою мать съ ребенкомъ въ купэ, сама въ сопровожденіи какого-то чиновника отправляется на квартиру въ городъ.

Скверный станціонный буфетъ насъ немного подкрѣпилъ, и мы, не теряя времени, поскорѣе возвратились въ вагоны на свои уже насиженныя мѣста.

Яркіе солнечные лучи, попадая черезъ окно прямо въ глаза, разбудили насъ очень рано и, забравши свой багажъ, мы отправились въ старый городъ, въ знаменитые номера Никобадзе, прославленные съ давнихъ поръ своей грязью и, тѣмъ не менѣе, посѣщаемые очень многими, такъ какъ это едва ли не самое центральное мѣсто Артура.

Появившіеся китайцы взяли наши вещи на коромысло и, въ сопровожденіи вѣстового моего спутника, сотрудника „Русскаго Инвалида" ротмистра К. Агафонова, мы двинулись въ путь.

Артуръ уже проснулся, но жизни въ немъ было мало. Изрѣдка проѣзжалъ парный извозчикъ, проходилъ взводъ солдатъ, къ берегу причаливала шлюпка. Въ гавани почти не было китайскихъ джонокъ, въ мирное время тѣсной кучей стоявшихъ между восточнымъ и западнымъ бассейнами,

Шампуньщикъ
въ Артурѣ.

не видно было и коммерческихъ судовъ, ошвартовавшихся у берега. Только, вытянувшись въ два ряда, стояли мрачные, задумавшіеся броненосцы и крейсера, да щеголяла своей чистотой и яркими красками „Монголія", обращенная въ лазаретъ, съ краснымъ крестомъ на трубѣ. У входа на рейдъ стояли все тѣ же сторожевыя мореходныя лодки, дальше „Гилякъ", а за ними вправо и влѣво остовы японскихъ брандеровъ.

Въ восточномъ бассейнѣ, уткнувшись носомъ въ воду, страшно дымилъ „Ретвизанъ" и тяжелымъ облакомъ заволакивалъ срѣзанную вершину Золотой горы съ ея батареями, сигнальной мачтой и рѣдкими уродливыми сосенками, цѣпляющимися по ея склонамъ. Около него стояло нѣсколько водоотливныхъ судовъ и между ними старый знакомый „Силачъ".

На улицахъ навстрѣчу намъ попадались матросы и вѣстовые съ различными кульками и корзинами. Это были приготовленія къ встрѣчѣ Пасхи.

Я встрѣчалъ ее на Золотой горѣ. Мнѣ, одинокому, не хотѣлось быть въ чужой семьѣ, гдѣ-нибудь въ кругу мало знакомыхъ людей, и я избралъ Золотую гору съ ея высокой вершиной мѣстомъ встрѣчи великаго христіанскаго праздника.

Тамъ, думалъ я, мнѣ лучше всего удастся увидѣть приближеніе японскихъ брандеровъ и ихъ потопленіе и оттуда

я смогу какъ нельзя лучше наблюдать за полетомъ нашихъ снарядовъ, если завяжется бой съ вражеской эскадрой.

Снабженный любезнымъ разрѣшеніемъ начальника обороны генерала Стесселя, въ $6^1/_2$ ч. вечера я вмѣстѣ съ ротмистромъ Агафоновымъ уже поднимался по довольно хорошему шоссе, замысловатыми зигзагами тянущемуся на вершину Золотой горы. Неказистыя лошаденки нашего извозчика дотащили насъ только до половины дороги. Дальше онѣ отказались идти, и намъ пришлось подниматься на собственныхъ, неся притомъ же и свой небольшой багажъ.

Съ каждымъ шагомъ картина становилась все красивѣе и красивѣе. Восточный бассейнъ съ его броненосцами, крейсерами и миноносцами былъ у нашихъ ногъ. Прямо подъ Золотой горой копошилась куча китайцевъ, работая надъ устройствомъ новаго сухого дока, вправо — прѣсное озеро,

Сборъ мака для добыванія опіума.

артиллерійскій городокъ, какіе-то бараки... а налѣво, какъ на ладони, весь западный бассейнъ тоже съ силуэтами военныхъ судовъ, широкой водной гладью и домиками новаго города. Однообразной цѣпью тянулись съ востока на западъ горы, вершины которыхъ во многихъ мѣстахъ вѣнчались укрѣпленіями.

Матросъ-сигнальщикъ.
Рис. Н. Кравченко.

Еще два-три зигзага и мы наверху. Двое часовыхъ опросили насъ, посмотрѣли наши пропуски и дали дорогу. Когда мы подошли къ неуклюжимъ бетоннымъ сооруженіямъ мортирной батареи, вѣнчающей Золотую гору, къ намъ вышелъ вѣстовой. Мы сказали наши имена и заявили о желаніи видѣть кого-либо изъ офицеровъ. Черезъ минуту насъ очень любезно встрѣтилъ командиръ батареи—симпатичный худощавый капитанъ Зейцъ и пригласилъ зайти отдохнуть въ ихъ комнатку.

Мы прошли мимо огромной одиннадцати-дюймовой мортиры, стоящей точно въ какомъ-то каменномъ ящикѣ, спустились на четыре ступеньки внизъ въ маленькій коридоръ и, повернувши направо, очутились передъ небольшой желѣзной дверью съ особымъ, страннымъ механизмомъ, въ родѣ замковъ въ несгораемыхъ шкафахъ. За этой дверью была другая деревянная. Капитанъ толкнулъ ее и, сильно наклонившись, вошелъ. Мы пролѣзли за нимъ.

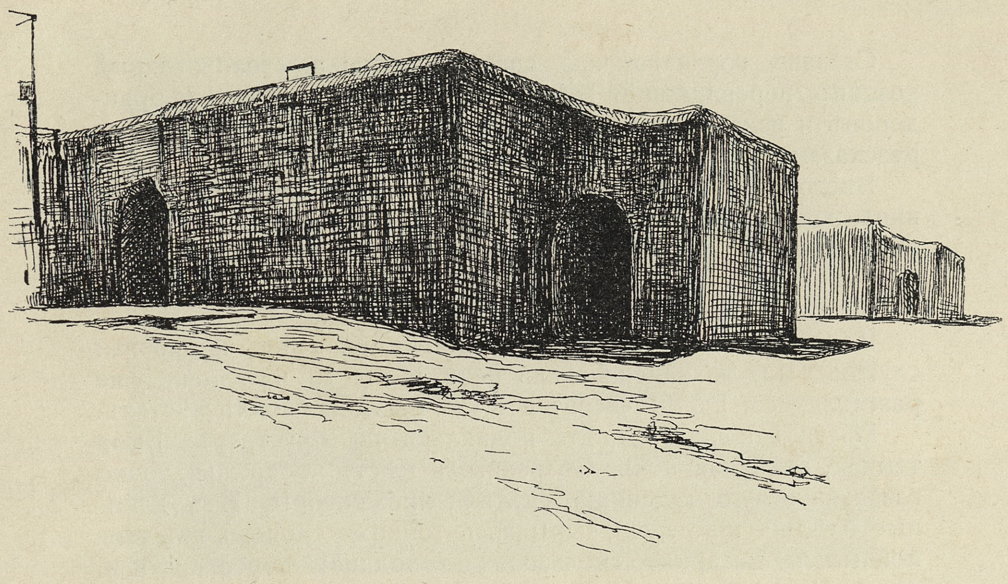
— Вотъ наша хата, — сказалъ онъ и при этомъ познакомилъ съ совсѣмъ юнымъ поручикомъ, живущимъ съ нимъ же.

Я оглядѣлся. Направо, высоко подъ сводчатымъ потолкомъ, было небольшое окно съ желѣзной тяжелой ставней, а налѣво въ глубинѣ стояла печь съ плитой. Двѣ кровати, комодъ, шкапъ, столъ, покрытый клеенкой, да нѣсколько вѣнскихъ стульевъ составляли всю меблировку этой маленькой комнаты, толщина стѣнъ которой, сдѣланныхъ изъ бетона, достигала двухъ съ половиной аршинъ. Въ углу висѣли двѣ шашки, два револьвера, одна папаха, да небольшое зеркальце.

— Наше скромное жилище передѣлано изъ одного помѣщенія каземата. Другого пока нѣтъ и мы ютимся здѣсь. Некрасиво, правда, да ничего, жить можно,—закончилъ онъ и предложилъ намъ чаю. Но мы отказались. Насъ влекло туда, еще дальше, еще выше, на самый брустверъ батареи, откуда должно быть видно широкое море, рейдъ, суда и т. п.

— Пойдемте, если такъ, — проговорилъ любезный хозяинъ и взялся за фуражку.

Мы вышли. Прошли между рядомъ мортиръ, неуклюжихъ бетонныхъ ящиковъ, въ которыхъ прячутся пороховой погребъ, жилье для батарейной прислуги и другія помѣщенія, увидѣли вдѣланную въ стѣну небольшую икону св. Кирилла и Меѳодія съ горящей лампадкой, поднялись по деревянной лѣсенкѣ наверхъ и остановились въ полномъ изумленіи.

Бетонныя закрытія и казематы на Золотой горѣ.

То, что открылось нашимъ глазамъ, мы даже и представить себѣ не могли.

Безконечной гладью уходило вдаль синее море съ массою мелкихъ военныхъ судовъ, шлюпокъ, катеровъ, бочками, бонами, остовами брандеровъ и нашихъ нами же затопленныхъ судовъ. Налѣво, сильно выдаваясь впередъ, выползала Электрическая батарея со своими длинными орудіями, дальше былъ виденъ обрывистый берегъ, Крестовая гора, а направо, прямо отъ выхода на рейдъ—Тигровый полуостровъ съ высокой грядой далеко виднѣвшихся фіолетовыхъ горъ.

Красивый золотистый закатъ, слегка затуманенный дымомъ, тихо догоралъ и какъ въ зеркалѣ отражался въ водѣ. Куда ни оглянешься—всюду безконечная даль, лиловыя горы, зажигающіеся разноцвѣтные огоньки.

Снизу еще доносились какіе-то неясные звуки, пыхтѣніе машины, иногда всплескъ воды, но понемногу все это затихало и замирало...

Мы долго молча стояли наверху.

Подулъ холодный вѣтеръ, потянуло дымомъ; стало сыро. Очертанія горъ затуманились.

— Пойдемте внизъ, господа, холодно, да и ничего уже не видно,—сказалъ капитанъ Зейцъ.

Мы спустились въ казематъ.

Стаканъ горячаго чаю согрѣлъ насъ, а словохотливый хозяинъ, перевидавшій всѣ бомбардировки, нашествія брандеровъ и эскадренный бой, своими интересными подробными разсказами заставилъ пережить недавнее прошлое.

Вѣстовой накрылъ столъ, поставилъ нѣсколько бутылокъ вина, водки и американскаго пива „Шлицъ", кусокъ окорока, яйца и куличъ, а въ двѣнадцать часовъ, отвѣдавши всего понемногу, мы со стаканами вина поздравили другъ друга съ наступающимъ праздникомъ.

На эскадрѣ, въ виду ожидаемаго нападенія, церковная служба была назначена очень рано и въ 10 час. ночи уже разговлялись. Въ 11 часовъ всѣ уже были на своихъ мѣстахъ.

Въ часъ ночи мы опять поднялись на брустверъ. Была темная, звѣздная ночь. Съ разнымъ мѣстъ побережья, точно глаза какого-то чудовища, свѣтили прожекторы. Ихъ длинные блѣдно-синіе лучи, вырываясь тонкимъ снопомъ изъ темной массы материка, скользили по водяной поверхности и, все болѣе и болѣе расширяясь, тянулись далеко-далеко въ море. Они точно живые бродили и искали чего-то въ волнахъ. Иногда они всѣ вмѣстѣ сосредоточивались на одномъ мѣстѣ, иногда перекрещивались, иногда разбѣгались...

Худ. Н. Кравченко. Кап. Р. Зейцъ.

На Золотой горѣ.

Геройская смерть.

ПИСЬМО XIV.

Артуръ, 1 апрѣля.

Это было въ ночь на 31 марта. Въ небольшомъ помѣщенiи каземата у капитана Р. Зейца собралось человѣкъ пять, желавшихъ видѣть ожидаемую атаку брандеровъ. Тутъ были два артиллериста, одинъ военный инженеръ, ротмистръ К. Агафоновъ и я. На единственномъ столѣ горѣла лампа, стояли холодная закуска и стаканы съ чаемъ. Всѣ были довольно вялы и говорили какъ-то неохотно. За небольшими, плохо прикрываемыми дверями уныло свистѣлъ холодный вѣтеръ и временами слышался стукъ накрапывавшаго мелкаго дождя. Иногда съ жалобнымъ свистомъ вѣтеръ врывался въ щели или порывисто ударялъ въ тяжелую желѣзную ставню. Было скучно, мрачно, тоскливо.

Кто-то предложилъ пойти посмотрѣть на море, на яркiе лучи прожекторовъ, освѣщающiе внѣшнiй рейдъ, но всѣ отказались.

— Холодно, господа, да и вѣтеръ съ ногъ сбиваетъ,—

сказалъ хозяинъ. — Я ходилъ на брустверъ и чуть было съ лѣстницы не сорвался. Вѣтеръ такъ и рветъ. Не стоитъ выходить. Сидите лучше здѣсь да пейте чай. Кому налить? Лябинъ! — крикнулъ онъ, обращаясь къ двери и зовя вѣстового,—чаю! Въ такую погоду никакіе брандеры не придутъ, смѣю васъ увѣрить.

— Да, подхватилъ инженеръ,—теперь и съ полнымъ составомъ машинной команды трудно управлять кораблемъ, а ужъ брандерамъ, да еще, какъ говорятъ, по послѣднему японскому проекту, связаннымъ по-трое, я думаю, объ этомъ и думать нечего.

И мы остались. Четвертая безсонная, тревожная ночь давала себя чувствовать. Глаза слипались. Подложивъ подъ голову дорожную подушечку, я прикурнулъ на кровати и задремалъ...

Вдругъ съ шумомъ отворилась дверь. Вошелъ солдатикъ и, взявши подъ козырекъ, почти прокричалъ:

— Ваше благородіе, дозвольте доложить.—Съ моря слышны выстрѣлы.

— Гдѣ? — спокойно спросилъ командиръ, очевидно уже привыкшій къ такимъ извѣстіямъ.

— Такъ что не могу сказать. Надо полагать, что у Лаотешаня.

Мы живо одѣлись и, на ходу застегивая пальто, вышли. Гудѣлъ сердитый вѣтеръ, все небо заволокло тучами. Было темно, сыро и мокро. Кое-гдѣ неясными силуэтами рисовались фигуры неподвижныхъ часовыхъ. Пройдя мимо ряда неуклюжихъ бетонныхъ казематовъ и притаившихся между ними огромныхъ безмолвныхъ мортиръ, мы поднялись на брустверъ и остановились у почти врытаго въ землю дальномѣра, опредѣляющаго дистанцію до судовъ, находящихся въ морѣ.

На брустверѣ въ кучкѣ уже стояло нѣсколько солдатъ въ шинеляхъ, пристально глядѣвшихъ въ море и почти шопотомъ разговаривавшихъ между собой.

— Давно стрѣляютъ? Видно что-нибудь?

— Никакъ нѣтъ. Ничего не видать.

— Сколько разъ стрѣляли?

— Семь разъ, ваше благородіе.

Мы пытливо стали всматриваться въ даль, безсознательно слѣдили за скользящими по поверхности моря лучами прожекторовъ и всей душой рвались туда, къ нашимъ дорогимъ смѣльчакамъ, что отправились сегодня на ночь въ море на восьми миноносцахъ.

Забайкальскій казакъ.
Рис. Н. Кравченко.

Гдѣ они, что съ ними? Какъ бы не наткнулись еще другъ на друга! Вѣдь они идутъ безъ огней, идутъ при полной темнотѣ, идутъ, только шопотомъ передавая приказанія командѣ. Сердце билось учащенно, а глаза готовы были вылѣзть изъ орбитъ. Жутко, больно стало за своихъ, особенно когда вспомнилось, какъ торопливо они всѣ бѣжали сегодня въ портъ, на свои утлыя лодченки, послѣ сигнальныхъ выстрѣловъ, которыми адмиралъ Макаровъ приказалъ ихъ созвать. Перегоняя другъ друга, они спѣшили на свои мѣста и вотъ теперь они тамъ каждый на своемъ посту, готовые всецѣло принести себя на жертву родинѣ.

Но какъ мы ни всматривались, какъ ни прислушивались— ничего! Ни выстрѣла, ни звука!

Далеко-далеко подъ нашими ногами однообразно шумѣло море, разбивая свои тяжелыя волны о скалистый берегъ, да сквозь мракъ ночи тянулись въ безпредѣльное пространство тьмы пытливые широкіе лучи прожекторовъ.

Воображеніе рисовало картины одну тяжелѣе другой. Точно на яву мерещились погибающіе миноносцы, измученныя страданіемъ лица раненыхъ, безсильные взмахи рукъ утопавшихъ...

Наконецъ еще болѣе усилившійся вѣтеръ согналъ насъ внизъ, и мы всѣ почти сейчасъ же, кто на кровати, а кто и на стулѣ, задремали.

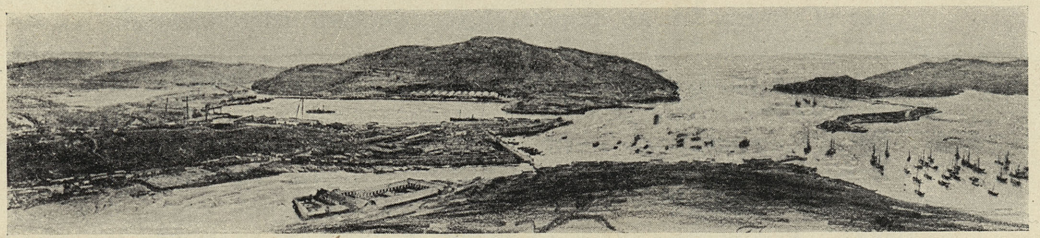
Сколько времени прошло – не знаю. Но я проснулся отъ какого-то шума и, когда открылъ глаза, — кто-то выходилъ. Два слова „миноносцы“ и „бой“ заставили меня вскочить и броситься вслѣдъ за уходящими на брустверъ.

Разсвѣтало. Вѣтеръ замѣтно стихалъ. Въ синеватой молочной дымкѣ, въ верстахъ такъ, вѣроятно, въ восьми, десяти отъ берега длинной цѣпью растянулось штукъ шесть миноносцевъ. Одинъ изъ нихъ, ближайшій, сильно дымилъ и на полныхъ парахъ шелъ къ нашему сторожевому судну, славному „Баяну“, стоявшему у входа въ гавань, а другой, крайній, сильно парилъ и видимо уходилъ дальше въ море.

Почти съ шестидесяти-саженной высоты Золотой горы они всѣ были ясно видны. Поминутно то на томъ, то на другомъ вспыхивалъ блѣдно-желтый огонекъ, показывался дымокъ и потомъ, спустя нѣкоторое время, доносился сухой трескъ выстрѣла. Снаряды шлепались вокругъ миноносцевъ, поднимали столбы воды и не попадали въ цѣль.

— Это, вѣроятно, японецъ подбитый,—сказалъ кто-то.

— Да-да. Видите, онъ паритъ. Снарядъ, значитъ, попалъ

Портъ-Артуръ съ Перепелиной горы.

въ машину. Да онъ не уйдетъ! Забрался далеко, да и попался.

— Да, а сдаваться все не хочетъ! Смотрите, какъ упорно стрѣляетъ. Ей-Богу молодецъ. Жаль ихъ. Вотъ бы забрать въ плѣнъ.

Но миноносецъ и не думалъ сдаваться. Когда четыре другихъ миноносца стали окружать его и засыпать снарядами, онъ продолжалъ отвѣчать и этимъ держалъ ихъ на почтительномъ разстояніи.

— Неужели уйдетъ?—невольно сорвалось у кого-то.

— Да чей же это, я что-то не понимаю.

— Какъ чей? Конечно, японскій.

— Господа, — сказалъ неожиданно явившійся капитанъ Д. Гурко,—это нашъ миноносецъ.

— Не можетъ быть! Зачѣмъ же онъ уходитъ, а не прорывается на рейдъ. Гдѣ же другіе? Вѣдь ихъ вышло въ море восемь?

— Не знаю, но только это нашъ и, какъ мнѣ сейчасъ говорили, „Страшный". Не возвращается назадъ, вѣрно, потому, что не дѣйствуетъ руль.

— Да гдѣ же другіе?

— Одинъ вонъ болтается подъ Электрическимъ утесомъ.

Между тѣмъ непріятельскіе миноносцы окружили его правильнымъ полукругомъ и стали забрасывать снарядами. „Страшный" отвѣчалъ и все продолжалъ двигаться въ море. Такъ продолжалось довольно долго.

— Недолетъ! Перелетъ, —нервно выкрикивалъ кто-то.

— Смотрите, смотрите, онъ погружается въ воду, онъ тонетъ!

— Нѣтъ, слава Богу. Нѣтъ! Видите, стрѣляетъ.

— Да тонетъ же, тонетъ,—со слезами въ голосѣ уже кричитъ тотъ.

Но „Страшный“ не тонулъ. Уже совсѣмъ обезсиленный, не двигающійся, брошенный своимъ товарищемъ, ушедшимъ отъ него на рейдъ, онъ все еще былъ страшенъ врагамъ и своими рѣдкими выстрѣлами не подпускалъ ихъ къ себѣ.

Въ гавани началась жизнь. На мачтахъ стали подниматься сигналы, забѣгали и запѣнили воду портовые пароходики, помогающіе большимъ броненосцамъ выходить изъ порта, а „Баянъ“, наконецъ, снялся съ якоря и пошелъ въ море.

Видя безполезность своей стрѣльбы, вражескіе миноносцы зашли всѣ съ одной стороны и дали залпъ, а можетъ быть одновременно выпустили и мину.

„Страшный“ выстрѣлилъ въ послѣдній разъ, покрылся клубомъ пара и исчезъ. Только легкое бѣлое облачко, еще державшееся надъ водой, указывало на то мѣсто, гдѣ погибъ этотъ славный геройскій корабль, еще разъ доказавъ, что тамъ, гдѣ мы не можемъ побѣдить болѣе многочисленнаго врага, мы умираемъ съ честью и славой.

Одинъ онъ дрался съ четырьмя и дрался до конца. Такъ умираютъ только истые герои.

Это было въ пять часовъ утра.

Сигнальная мачта на Золотой горѣ.

Бой „Баяна". Гибель „Петропавловска".

ПИСЬМО XV.

— „Баянъ" выходитъ!—сказалъ кто-то.

Дѣйствительно, между рядами бочекъ и бонъ, расположенныхъ на рейдѣ, медленно выходилъ красавецъ „Баянъ".

„Страшнаго" уже не было видно, да и мѣста его гибели теперь не найти. Тѣмъ не менѣе „Баянъ" взялъ курсъ по тому направленію и, все болѣе и болѣе прибавляя ходъ, направлялся на юго-востокъ. Въ той сторонѣ, куда ушли непріятельскіе миноносцы, на самомъ горизонтѣ, показались дымки, и скоро въ бинокль можно было различить шесть судовъ. Подойдя такъ верстъ на восемнадцать, на двадцать къ берегу, они выстроились въ одну линію и остановились. „Баянъ" смѣло пошелъ на нихъ и на ходу далъ нѣсколько выстрѣловъ. Столбы воды, поднявшіеся передъ крайнимъ непріятельскимъ судномъ, показали недолетъ. Непріятельскіе крейсера не отвѣчали. „Баянъ" шелъ все ближе и ближе къ

нимъ. Вдругъ—сверкнулъ огонекъ на одномъ, потомъ сейчасъ же на другомъ, тамъ на третьемъ и поочередно со всѣхъ японскихъ судовъ загрохотали пушки. Вокругъ „Баяна“ вспѣнилось море. Падая въ воду, рвались японскіе снаряды, и порой казалось, что нѣкоторые попадаютъ въ цѣль. Но онъ смѣло и увѣренно идетъ впередъ и въ свою очередь отвѣчаетъ частымъ огнемъ. Нѣкоторые непріятельскіе снаряды разрываются и сѣроватые или оранжевые дымки показываютъ мѣсто ихъ паденія.

Вышедшіе вслѣдъ за „Баяномъ“ на рейдъ крейсера „Новикъ“, „Аскольдъ“, „Діана“, а затѣмъ и броненосецъ „Петропавловскъ“ стали выстраиваться. Изъ бассейновъ медленно выползалъ „Пересвѣтъ“, дальше „Полтава“, „Побѣда“, „Севастополь“.

На востокѣ, на самомъ горизонтѣ, показалось пять темныхъ дымковъ и скоро можно было различить пять нашихъ миноносцевъ, возвращавшихся на всѣхъ парахъ. Два японскихъ крейсера отдѣлились и пошли имъ наперерѣзъ.

— Смотрите, отрѣжутъ и этихъ! сорвалось у кого-то.

Невольно всѣ съ тревогой посмотрѣли въ ту сторону, а затѣмъ и на „Баяна“, какъ бы ожидая отъ него помощи. Но это славное судно, видно, само уже замѣтило непріятельскій маневръ и двинулось по направленію къ непріятелю. Нѣсколько яркихъ огней, сверкнувшихъ на нашемъ крейсерѣ, всплескиванія, показавшіяся у самаго носа японца, и долетѣвшій до насъ грохотъ большихъ орудій точно отвѣтилъ намъ, что славный „Баянъ“ сердится и не допуститъ ихъ къ нашимъ миноносцамъ. Вотъ онъ сдѣлалъ поворотъ влѣво и вдругъ, со всего борта осыпалъ снарядами врага. Японскіе крейсера остановились и опять сосредоточили на немъ весь свой огонь.

Въ это время вытягивались уже въ боевомъ порядкѣ „Петропавловскъ“, „Пересвѣтъ“, „Полтава“, „Побѣда“ и сильно отставшій „Севастополь“. Крейсера стали на лѣвомъ флангѣ, и всѣ они двинулись въ море.

Наши миноносцы прошли опасное мѣсто и были уже подъ прикрытіемъ береговыхъ батарей, а „Баянъ“, получивъ приказаніе адмирала, повернулъ и пошелъ на присоединеніе съ эскадрой. Небольшой японскій крейсеръ проскочилъ вправо и скрылся за Лаотешанскимъ мысомъ. Вся же ихъ эскадра стала медленно удаляться на юго-востокъ. Наши суда пошли вслѣдъ.

Портъ опустѣлъ. Все, что было способнаго къ бою, все

ушлозаадмираломъ. Только еще запоздавшія миноноски прибавляли ходу и догоняли своихъ.

Перепелиная гора, стоящая прямо противъ выхода на рейдъ, набережная, Электрическій утесъ— все покрылось кучками народа.

На Золотую гору пріѣхалъ великій князь Борисъ Владиміровичъ, а на Электрическую батарею начальникъ охраны Квантунскаго полуострова генералъ Стессель, комендантъ крѣпости генералъ Смирновъ, начальникъ крѣпостной артиллеріи генералъ Бѣлый и другіе.

Всѣ пріѣхали посмотрѣть на морской бой и, кажется, не было теперь въ городѣ никого, кто бы не думалъ о немъ.

Часовой.

Да, наступали серьезныя минуты: принимался бой съ сильнѣйшимъ врагомъ. Это прекрасно чувствовалось всѣми и видно было по всему. Адміралъ Макаровъ все время со дня своего прибытія въ Портъ-Артуръ заставлялъ суда маневрировать, добился того, что самые большіе броненосцы начали выходить даже и въ малую воду, т. е. дѣлать то, о чемъ раньше и подумать въ Артурѣ не смѣли, каждую ночь высылалъ на развѣдки наши миноносцы и еще наканунѣ вывелъ ихъ на эволюцію ровно четырнадцать штукъ.

— Макаровъ серьезно готовится къ бою,—говорили въ городѣ.—Вотъ посмотрите, не пройдетъ и нѣсколько дней, какъ онъ что-нибудь устроитъ.

Да, Макаровъ за короткое свое пребываніе въ Артурѣ

успѣлъ сдѣлать очень много и пробудилъ усиленную дѣятельность по всѣмъ отдѣламъ морского вѣдомства. Заработали механики, минеры, артиллеристы и командиры всѣхъ судовъ, стремившіеся хоть своимъ трудомъ и энергіей пополнить малочисленность и различные недочеты нашей эскадры. Макаровъ оживилъ и свой флотъ и самый Портъ-Артуръ. Работы по починкѣ „Паллады" пошли очень быстро и ея выходъ изъ дока ожидался уже 4 апрѣля. Быстро двигалась починка „Ретвизана", не отставалъ и „Цесаревичъ".

— Скоро уже, скоро, мы сможемъ принять открытый бой съ непріятелемъ. На его сторонѣ все-таки останется численное превосходство, но это ничего не значитъ, — говорили моряки.

И по ихъ загоравшимся глазамъ, по нахмуреннымъ бровямъ и нервнымъ лицамъ можно было судить, сколько выстрадали эти люди, не имѣя возможности схватиться съ врагомъ.

Нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ на Золотой горѣ, собрались уходить.

— Куда вы?

— Домой, тяжело. Да вѣдь все равно теперь ужъ больше ничего не увидишь. Эскадра ушла далеко и японцы, вѣроятно, скрылись.

— Ну, нѣтъ. Этого не можетъ быть. Будьте увѣрены, что это только одинъ ихъ маневръ и гдѣ-нибудь вблизи стоитъ броненосная эскадра, которая пойдетъ навстрѣчу нашей.

Точно въ подтвержденіе этихъ словъ опять показалась наша эскадра, а за нею далеко-далеко вражескіе дымки. Ихъ было много. По счету однихъ—тринадцать, по счету другихъ—четырнадцать вымпеловъ, причемъ однихъ броненосцевъ насчитывалось шесть-семь штукъ.

Не подходя особенно близко, непріятельская эскадра выстроилась въ двѣ колонны и остановилась.

Наши суда, имѣя впереди себя флагманское судно адмирала Макарова „Петропавловскъ", медленно подвигались къ рейду и начали дѣлать поворотъ, чтобы остановиться на мѣстѣ своей обычной стоянки на внѣшнемъ рейдѣ.

„Миноносцамъ войти въ гавань",—прочелъ кто-то адмиральскій сигналъ, и утлыя быстрыя лодки одна за другой начали проскакивать въ портъ. Всѣ смотрѣли вдаль на непріятеля и ждали выстрѣловъ, но — ничего не было. Они смирно стояли на своихъ мѣстахъ и чего-то ожидали. Такъ прошла, можетъ быть, минута, двѣ...

Собиратель удобренія
Рис. Н. Кравченко.

Вдругъ прозвучалъ глухой, мягкій выстрѣлъ... Тотчасъ же, почти непосредственно за нимъ другой.

Что это? Залпъ? Около носа „Петропавловска" взвился столбъ бѣлаго дыма, а за нимъ ближе къ серединѣ судна клубъ оранжево-бураго. Всѣ невольно замерли.

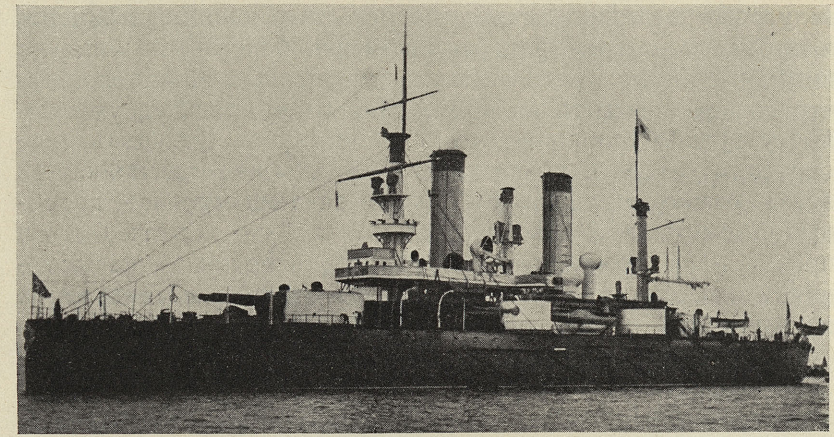
— Начинается,—сказалъ кто-то.

Но нѣтъ, что-то не то, не то! Случилось, очевидно, нѣчто ужасное, непонятное. Въ бинокль было видно паденіе какихъ-то предметовъ на кораблѣ, а на передней марсовой мачтѣ сломался и падалъ флагштокъ.

Боже, онъ тонетъ! Да, тонетъ. Носъ его началъ быстро опускаться, и самъ броненосецъ крениться на правый бокъ. Бурый дымъ повалилъ гуще, кое-гдѣ показались языки пламени. Корма приподнялась, изъ воды показался лѣвый винтъ, который все еще продолжалъ вертѣться. Густой дымъ покрылъ все и только виднѣлась сильно накренившаяся корма, по которой двигались какія-то точки. Когда кренъ дошелъ до 40—45°, эти же точки—люди показались на поверхности борта и сваливались въ воду. Огонь показался на кормѣ, его языки облизывали борта; винтъ сдѣлалъ нѣсколько послѣднихъ слабыхъ поворотовъ, и все скрылось подъ водой...

Эскадра точно замерла. Ни малѣйшаго звука, ни малѣйшаго движенія. Никто не вѣрилъ своимъ глазамъ. Въ двѣ минуты не стало нашего лучшаго судна съ Макаровымъ, съ его штабомъ и не стало не въ бою, не подъ вражескими снарядами, не подъ дымомъ своихъ выстрѣловъ, а отъ какой-то непонятной неизвѣстной причины, которую едва ли кто-нибудь можетъ объяснить.

Стоявшій недалеко отъ „Петропавловска" минный крейсеръ „Гайдамакъ" спустилъ шлюпки.

„Петропавловскъ“.

Портъ-Артуръ.

ПИСЬМО XVI.

„Петропавловска“ не стало. Но мѣсто, гдѣ онъ такъ недавно стоялъ и гдѣ онъ потонулъ, еще долго приковывало наши глаза. Тамъ двигались какія-то двѣ лодочки и все какъ бы крутились по одному мѣсту. Это были шлюпки „Гайдамака“, подбиравшія утопавшихъ. Несмотря на невѣроятную, поразительную быстроту, съ который погибъ „Петропавловскъ“, все-таки нѣсколько десятковъ матросовъ и четыре офицера спаслись. Всѣхъ ихъ вынули обожженными, израненными, разбитыми, но живыми. Въ числѣ спасенныхъ былъ великій князь Кириллъ Владиміровичъ, сильно израненный, съ разбитой головой командиръ судна капитанъ перваго ранга Яковлевъ, минный офицеръ лейтенантъ Унковскій и мичмана Шлипе и Шмидтъ.

Конечно, все это мы узнали потомъ, когда, дождавшись входа въ Портъ-Артуръ всѣхъ судовъ эскадры, спустились съ Золотой горы. А спустились мы не скоро, и вотъ почему: „Петропавловскъ“ погибъ такъ неожиданно, такъ быстро, что у многихъ мелькнула мысль о подводной лодкѣ, о которой въ Портъ - Артурѣ уже говорили не разъ. Слухъ о ней прошелъ здѣсь недѣли двѣ тому назадъ. Какъ

то утромъ по городу стали говорить, что какой-то офицеръ, а потомъ и унтеръ-офицеръ одной изъ береговыхъ батарей, видѣли въ водѣ нѣчто весьма подозрительное и что это „нѣчто“ очень походитъ на подводную лодку. Затѣмъ уже болѣе увѣренно говорили, что самъ адмиралъ Макаровъ, разспросивъ унтера и показавъ ему силуэты надводныхъ частей этихъ лодокъ, пришелъ къ такому заключенію, что подобныя подозрѣнія небезосновательны, что это можетъ быть и правда и на всякій случай выработалъ правила, указывающія командирамъ, что нужно дѣлать въ томъ случаѣ, когда недалеко отъ судовъ находится что-нибудь подозрительное.

Я прекрасно помню, какъ сейчасъ же послѣ несчастія съ „Петропавловскомъ“ кто-то крикнулъ: „Это вѣрно подводная лодка“.

Повидимому, та же мысль явилась и на эскадрѣ, и всѣ суда медленно стали двигаться на югъ, подальше отъ входа въ гавань, повинуясь приказанію, отдаваемому теперь съ новаго флагманскаго судна, съ „Побѣды“, на которомъ развѣвался флагъ контръ-адмирала Ухтомскаго.

Вдругъ столбъ воды у кормы этого броненосца, бывшаго южнѣе всѣхъ, привлекъ общее вниманіе. „Побѣда“ сразу накренилась и вслѣдъ затѣмъ со всѣхъ ея бортовъ грянули орудія, направленныя въ воду вокругъ судна. Съ полминуты продолжался этотъ упорный огонь, который скоро подхватилъ другой броненосецъ, стоявшій недалеко отъ нея. Совсѣмъ неожиданно рявкнуло большое орудіе съ Электрическаго утеса и вслѣдъ за тѣмъ, верстахъ такъ въ восьми отъ берега, поднялся огромный столбъ воды отъ упавшаго туда снаряда. Непріятель, бывшій на горизонтѣ, верстахъ въ восемнадцати отъ насъ, неподвижно стоялъ на своемъ мѣстѣ, точно ожидая еще чего-то и наблюдая за движеніемъ нашихъ судовъ. Всѣ ждали начала боя и, несмотря на гибель флагманскаго корабля, были увѣрены въ томъ, что бой будетъ принятъ нашей эскадрой. Но время шло и шло. То съ того, то съ другого броненосца или крейсера открывался огонь по невидимымъ для насъ подводнымъ врагамъ. Наконецъ, наши суда поочередно начали медленно втягиваться во внутреннюю гавань, конвоируемые возвратившимися миноносцами.

Сердца наши бились особенно тревожно и на каждый входящій корабль мы глядѣли съ боязнью. Намъ все казалось, что вотъ сейчасъ подъ тѣмъ или другимъ изъ нихъ раздастся взрывъ и онъ также опустится на дно, какъ и несчастный „Петропавловскъ“. Минуты казались часами и

часто сердце сжималось до боли. Въ продолженіе всего того времени, въ теченіе котораго они входили, никто почти не покидалъ своихъ мѣстъ на брустверѣ. „Побѣда", почти зарываясь носомъ въ огромной волнѣ, полнымъ ходомъ шла въ гавань. Крейсера и броненосцы давали ей дорогу. Вдругъ съ береговой батареи, что находится на Тигровомъ полуостровѣ, у самаго входа во внутренній рейдъ, раздался одинъ выстрѣлъ, потомъ другой, третій... Снаряды падали почти подъ самымъ носомъ „Побѣды". Мы заволновались.

— Что такое, что это значитъ? Вѣдь такъ они попадутъ въ нее.

— Прикажите прекратить огонь, сказалъ уже пріѣхавшій

На привалѣ.
Рис. Н. Кравченко.

на Золотую гору генералъ Бѣлый, начальникъ крѣпостной артиллеріи.

Кто-то вошелъ въ покрытую толстымъ бревномъ будку съ дальномѣромъ и по телефону передалъ приказаніе начальника. Но не прошло и полуминуты, какъ изъ той же батареи опять раздались два выстрѣла и снаряды легли у самаго прохода между бонами.

— Кто стрѣляетъ? Я приказалъ прекратить огонь, сердито крикнулъ генералъ Бѣлый въ телефонъ.

— Говоритъ капитанъ Бѣляевъ. Ясно вижу подводную лодку,—былъ отвѣтъ.

Мы затихли.

„Побѣда“ уже прошла загражденія и поворачивала около „Гиляка“. За ней медленно втягивались другіе броненосцы и крейсера. Послѣдней вошла „Полтава“, чаще другихъ открывавшая огонь въ воду.

Наконецъ, всѣ дома, и мы стремглавъ бросаемся внизъ съ горы по ея длинному зигзагообразному спуску. Первымъ дѣломъ отправляемся въ портъ. По дорогѣ узнаемъ, что нѣсколькихъ раненыхъ пронесли уже въ портовый лазаретъ.

— Кто такіе, не знаешь ли, голубчикъ? — обращается къ часовому матросу мой спутникъ.

— Не могу знать. Все матросики будутъ съ „Петропавловска“.

Въ дверяхъ появляется самъ докторъ.

— Докторъ, скажите пожалуйста,—чуть ли не со слезами на глазахъ обращается къ нему ротмистръ Агафоновъ,—лейтенантъ Унковскій у васъ, онъ спасенъ?

— Кажется да, но только у насъ его нѣтъ.

— Какъ же такъ, мнѣ кто-то только-что сказалъ, что его пронесли сюда, но только онъ не въ офицерской одеждѣ, а на него нахлобучили все, что попалось.

— Нѣтъ, все-таки его у насъ нѣтъ. Справьтесь на „Монголіи“ (пароходъ Восточно-Китайской желѣзной дороги, обращенный въ санитарный).

Идемъ въ портъ. У воротъ насъ останавливаетъ часовой, но послѣ предъявленія пропусковъ открываетъ калитку, и мы входимъ въ широкій дворъ, за которымъ виднѣется громадная Золотая гора, направо набережная и западный бассейнъ, а налѣво домъ помощника начальника порта. Въ глубинѣ у лѣстницы, ведущей къ водѣ, цѣлая толпа офицеровъ сухопутныхъ частей, морскихъ, нѣсколько врачей, два священника и человѣкъ пять статскихъ.

Направляемся туда. Влѣво, почти ошвартовавшись у самой набережной, стоитъ „Побѣда“. На ней никакихъ признаковъ взрыва, незамѣтно и никакого крена. Броненосецъ стоитъ такимъ же параднымъ и чистымъ, какъ и былъ. Съ ружьемъ у ноги у флага замеръ на самой кормѣ часовой, по палубѣ ходятъ матросы и дѣлаютъ свое обычное дѣло.

— Гдѣ же пробоина?—спрашиваетъ кто-то.

— Не видать. Да и пробоина пустяковая,— отвѣѣаетъ молодой мичманъ.

— Много раненыхъ?

— Гдѣ, на „Побѣдѣ“? Ни одного! Не только раненыхъ, но даже нѣтъ и контуженныхъ.

Въ это время причаливаетъ катеръ и изъ него выходитъ одинъ мой добрый знакомый, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

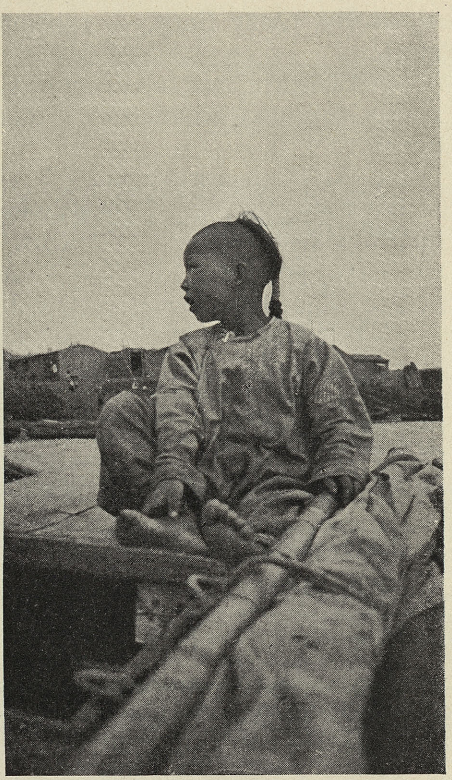
— Откуда вы? Что новаго?

— Съ „Пересвѣта“. Новаго ничего.

— А что говорятъ на „Пересвѣтѣ“?

— Ничего особеннаго. Опечалены очень и раздражены. Готовы хоть сейчасъ идти въ бой. Всѣ такіе сердитые, что и на глаза имъ не попадайся.

— А что Макаровъ? Спасенъ онъ, не знаете?

Китайченокъ.

— Не знаю. До свиданія. Тороплюсь на поѣздъ. Сейчасъ въ Мукденъ отправляется поѣздъ Великаго Князя Бориса Владиміровича, на которомъ ѣдетъ и раненый Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ.

Мы разстаемся.

Иду опять къ той же группѣ. Кто-то передаетъ слухъ, что адмиралъ Макаровъ спасся и теперь на „Гилякѣ“, который стоитъ у выхода на рейдъ. Обращаемся къ морскому офицеру, только что вышедшему изъ вельбота.

— Что адмиралъ, живъ?

— Нѣтъ, его нигдѣ нѣтъ.

— Кто же спасенъ? Правда, что великій князь Кириллъ Владиміровичъ почти не раненъ

— Да, онъ кажется, мало пострадалъ. Онъ уже въ поѣздѣ Бориса Владиміровича на станціи.

— Ну, славу Богу, — говорятъ разомъ нѣсколько человѣкъ.

— Скажите, вы ротмистръ Агафоновъ? — обращается къ моему спутнику мичманъ съ палашомъ и револьверомъ на поясѣ.

— Я. Чѣмъ могу служить?

— Васъ просятъ пожаловать въ комиссію, которая избрана для выясненія всѣхъ обстоятельствъ этого случая. Вы, говорятъ, все время все записывали и намъ было бы интересно получить отъ васъ подробныя свѣдѣнія.

Ротмистръ охотно согласился и пошелъ къ портовымъ постройкамъ.

Въ это время въ Восточный бассейнъ медленно входилъ минный крейсеръ „Гайдамакъ", а за нимъ въ шлюпкахъ и на катерахъ спасательная команда въ своихъ желтыхъ промасленыхъ непромокаемыхъ костюмахъ. Многіе изъ нихъ были совсѣмъ мокрые и стаскивали съ себя свои полупрозрачныя рубахи и уродливыя шляпы.

На палубѣ „Гайдамака" прежде всего бросалось въ глаза висѣвшее на чемъ-то пальто съ адмиральскими погонами. Это было пальто командира всего тихоокеанскаго флота вице-адмирала Макарова. Здѣсь же были сложены многіе предметы, всплывшіе съ затонувшаго корабля. Всѣ молча глядѣли на „Гайдамака" и на его печальный грузъ.

Тихимъ голосомъ, какъ бы боясь громко сказаннымъ словомъ оскорбить торжественность этихъ печальныхъ часовъ, всѣ присутствующіе на пристани дѣлятся своими впечатлѣніями, предположеніями.

— Неужели никого не спасли съ миноносца „Страшный"?

— Какъ не спасли? спасли! Вѣдь „Баянъ" пошелъ туда. Развѣ вы не видѣли, какъ онъ кружилъ по тому мѣсту, подъ выстрѣлами крейсеровъ? Молодецъ „Баянъ", право, молодецъ. Душа радуется, на него глядя.

— Да, онъ поддерживаетъ честь русскаго флота,—промолвилъ какой-то сѣдоватый полковникъ.

— Ну, еще бы! Онъ да „Новикъ" всегда впереди, всегда наскакиваютъ и никого и ничего не боятся.

— „Баянъ" чудное судно! Говорятъ, что его броня приводитъ всѣхъ въ восторгъ. Помните бой 26 января? Вѣдь онъ тогда такъ врѣзался въ самую середину непріятельской эскадры, что его ужъ считали погибшимъ. А онъ ничего. Пробоинъ на немъ, говорятъ, видимо-невидимо. Кто-то насчиталъ ихъ до двухъ съ половиной тысячъ. Но все это

Восточныя ворота главной стѣны г. Мукдена.

для него пустяки. Машина въ порядкѣ, серьезной пробоины ни одной и онъ всегда готовъ къ бою, всегда впереди, всегда принимаетъ на себя всѣ первыя нападенія.

— А не знаете ли вы: много онъ спасъ теперь изъ команды „Страшнаго"?

— Говорятъ, человѣкь пять матросовъ. Да всѣ они сильно изранены, обожжены.

— А изъ офицеровъ никого?

— Нѣтъ. Былъ тамъ одинъ очень симпатичный, славный молодой мичманъ Малеевъ. И тотъ погибъ,—сказалъ одинъ изъ портовыхъ чиновниковъ. — Онъ у насъ славился своей силой, удалью и прямотой.

И я вспомнилъ этого мичмана. Познакомился я съ нимъ на портовомъ суднѣ „Силачъ", на которомъ всѣ, начиная отъ его командира лейтенанта С. Балка и кончая послѣднимъ матросомъ, были силачи. Когда, бывало, ни придешь къ нимъ, всегда у нихъ на палубѣ двухпудовыя гири, штанги, цѣпи. Упражняется, дѣйствительно сильный, мичманъ Малеевъ, упражняется болѣе возмужалый, съ огромной окладистой черной бородой командиръ судна С. Балкъ, упражняется и команда.

Мичмана Малеева всѣ любили за его привѣтливость, открытый, добрый характеръ, за скромность, за всегдашнюю готовность помочь бѣдному матросу и своимъ кошелькомъ и совѣтомъ. Все офицерство всегда было желанными гостями на „Силачѣ", и какъ командиръ С. Балкъ, такъ и его мичманъ встрѣчали всѣхъ съ радушіемъ чисто русскихъ людей. Малеевъ недавно только пріѣхалъ изъ Россіи, куда ѣздилъ въ отпускъ. Послѣдній разъ я его встрѣтилъ на ст. Дашичао, когда ѣхалъ въ Инкоу. Онъ возвращался оттуда.

Послѣ первыхъ рукопожатій и поцѣлуевъ, онъ, часто мигая глазами, спросилъ:

— Ну, что вы думаете? Тяжело намъ будетъ по началу, а? Вѣдь насъ мало, а ихъ вонъ сколько! Вотъ кабы въ рукопашную, ну, мы постояли бы за себя, а то что тутъ подѣлаешь? А впрочемъ ничего! Я, вы знаете, на миноносцѣ. Командиръ у насъ молодчина Юрасовскій, команда тоже на подборъ. Богъ дастъ не посрамимся.

И это правда! Малеевъ не преувеличивалъ, когда говорилъ такъ. Я видѣлъ бой ихъ миноносца съ четырьмя непріятельскими, и болѣе молодецкаго, безстрашнаго боя, я думаю, и не было. Онъ тонулъ и все-таки стрѣлялъ.

Нѣсколько вновь подошедшихъ сообщили новыя подроб-

Цѣпь стрѣлковъ.

ности. Говорили, что кто-то видѣлъ адмирала Макарова лежащимъ ничкомъ на палубѣ съ окровавленной головой, что послѣ перваго взрыва онъ бросился съ боевой рубки внизъ— узнать, каковы поврежденія, и въ это время послѣдовалъ второй взрывъ, который и убилъ его.

Все это говорили со словъ нѣсколькихъ человѣкъ команды, уже оправившихся и охотно разсказывавшихъ, какъ было дѣло. Между прочими указывали на квартирмейстера „Петропавловска", который, спустя два часа послѣ гибели судна, уже совсѣмъ здоровый и переодѣтый, былъ въ комиссіи и разсказывалъ, что видѣлъ и какъ спасся.

Въ портъ приходило все больше и больше народа. Являлись частныя лица, явилась какая-то дама, и почти каждый вновь пришедшій первымъ долгомъ спрашивалъ:

— Ну, что? Гдѣ адмиралъ? Спасли? Нѣтъ?

Вѣсть о спасеніи великаго князя, такъ любящаго морское дѣло, уже давно облетѣла весь городъ.

Тяжело раненымъ называли только одного командира „Петропавловска", капитана перваго ранга Яковлева. У него, по опредѣленію врачей, треснулъ черепъ, сломаны четыре ребра и нѣсколько небольшихъ ранъ.

Большинство спасшихся, вѣроятно, поправятся.

Совсѣмъ не то говорили о командѣ „Страшнаго“. Тамъ всѣ ранены тяжело и сильно обожжены. Одинъ снарядъ попалъ въ минный аппаратъ и, какъ утверждаютъ нѣкоторые, произвелъ пожаръ, который все-таки молодецкая команда успѣла потушить подъ адскимъ огнемъ непріятеля. Огонь въ носовой части миноносца видѣли и мы съ Золотой горы, но не знали, какъ его объяснить. Всѣхъ матросовъ отправили на пароходъ „Монголія“ и никого къ нимъ не пускаютъ.

Прочихъ раненыхъ пока размѣстили по разнымъ мѣстамъ. Кого оставили въ портовомъ лазаретѣ, кого отправили въ сводный госпиталь, а одного, болѣе здороваго, отослали въ главный морской госпиталь, только что открытый въ Новомъ городѣ.

Хотя уже почти всѣмъ были извѣстны имена спасенныхъ, тѣмъ не менѣе вновь подходившіе спрашивали то о томъ, то о другомъ. На вопросы о погибшихъ старались отвѣчать уклончиво, боясь, повидимому, отнимать послѣднюю надежду.

— Пока неизвѣстно. Здѣсь его нѣтъ. Можетъ быть и спасли. Говорятъ, что нѣсколько человѣкъ переданы на „Гилякъ“ и т. п.

Въ этомъ чувствѣ всеобщаго горя непріятельская эскадра была совсѣмъ забыта. Здѣсь о ней не думали, не говорили, и если бы непріятельскіе снаряды стали ложиться по близости, они едва ли измѣнили общее настроеніе, едва ли отвлекли бы мысли всѣхъ отъ того, что мучило, что угнетало ихъ.

А эскадра стояла. Далеко-далеко, боясь приблизиться на выстрѣлъ, она, точно стая голодныхъ трусливыхъ волковъ, держалась верстахъ въ восемнадцати отъ нашихъ батарей и все чего-то ждала.

Чтобы немного облегчить тяжелое впечатлѣніе пережитого, я взялъ извозчика и поѣхалъ въ Новый городъ въ главный морской госпиталь, гдѣ у меня было нѣсколько знакомыхъ врачей.

Огромное, довольно красивое каменное зданіе стоитъ на пригоркѣ. Утрамбовывая площадку, здѣсь работали десятки лѣнивыхъ китайцевъ; у подъѣзда стоялъ извозчикъ.

Матросикъ проводилъ меня въ комнату дежурнаго врача.

— Что?—спросилъ онъ.—Что тамъ дѣлается? Вы видѣли? На Золотой горѣ были съ самаго начала? Разскажите, разскажите! У насъ тутъ одинъ лежитъ. Сигнальщикъ съ „Петро-

ГИБЕЛЬ „ПЕТРОПАВЛОВСКА“.

Съ фот. сдѣланной *Н. Кравченко* съ Золотой горы.

павловска“. Но объ этомъ потомъ. Разскажите, что тамъ было. Отсюда былъ виденъ только дымъ и слышенъ глухой выстрѣлъ.

Въ комнату пришло еще нѣсколько врачей, и я разсказалъ все, что зналъ.

— А что вашъ сигнальщикъ? Нельзя ли его повидать, узнать отъ него что-нибудь?—спросилъ я въ свою очередь.

— Можно, я думаю, — сказалъ дежурный врачъ. — Онъ чувствуетъ себя совсѣмъ хорошо и очень охотно разсказываетъ, и связно, толково разсказываетъ! Пойду, узнаю.

Немного погодя онъ вернулся.

— Къ сожалѣнію, сейчасъ нельзя. У него немного повышенная температура. Надо дать ему отдохнуть. Знаете что: отправляйтесь къ намъ на квартиру, пообѣдайте, а потомъ приходите. Онъ тогда оправится, и вы его увидите.

Я такъ и сдѣлалъ.

Человѣкъ пять-шесть докторовъ поселились въ небольшомъ уютномъ домикѣ г. Гинцбурга, извѣстнаго во всѣхъ портахъ дальняго Востока. Этотъ живой, энергичный человѣкъ—едва ли не самый главный поставщикъ нашей тихоокеанской эскадры. Умѣя наживаться на своихъ комиссіяхъ, онъ въ то же время привязался къ нашему флоту, морякамъ, полюбилъ ихъ и всегда готовъ сдѣлать для нихъ все, что можетъ.

Разсказъ сигнальщика Бочкова.

Лаоянъ, 4 апрѣля.

„Вышли мы въ море. Японская крейсерская эскадра, завидя насъ, повернула на встрѣчу своей. Въ догонку дали имъ шестнадцать выстрѣловъ. Ушли. Мы продолжали преслѣдовать. Потомъ показались четырнадцать вымпеловъ, а насъ девять; мы повернули назадъ. У японцевъ почти всѣ крейсера бронированы, у насъ бронированъ одинъ „Баянъ“. Пришли мы на рейдъ. „Петропавловскъ“ впереди. Я стоялъ на мостикѣ боевой рубки и разбиралъ сигналы по сигнальной книгѣ. Какъ дали послѣдній сигналъ адмирала „миноносцамъ войти въ гавань“, ходъ замедлили, почти стали. Вдругъ корабль

вздрогнулъ, раздался ужасный взрывъ; за нимъ другой, третій, какъ будто у середины подъ мостиками. Я бросился къ дверямъ рубки, откуда выходилъ офицеръ, вѣроятно штурманъ, тогда я выскочилъ въ окно. Корабль нашъ кренило. На мостикѣ увидѣлъ я адмирала, онъ лежалъ въ крови ничкомъ. Я бросился къ нему, хотѣлъ поднять. Корабль точно куда-то падалъ; со всѣхъ сторонъ сыпались обломки, что-то гудѣло, трещало, валилъ дымъ, показался огонь. Я вскочилъ на поручни, меня смыло, но я успѣлъ за что-то ухватиться. Меня потянуло внизъ. Помню еще падающія мачты, потомъ— ничего. Былъ у насъ на кораблѣ старичокъ, красивый, съ бѣлой бородой, все что-то въ книжку записывалъ, стоя на палубѣ. Вѣроятно, утонулъ. Добрый былъ".

Говорилъ, вѣроятно, о Верещагинѣ.

Китайскія носилки для горныхъ поѣздокъ.

Разговоры.

ПИСЬМО XVII.

Портъ-Артуръ.

Разговоръ только о „Петропавловскѣ“, о причинахъ его гибели, о погибшихъ, о спасенныхъ. Въ этотъ ужасный день до глубокой ночи и на слѣдующее утро всюду и отъ всѣхъ приходилось узнавать все новыя и новыя подробности какъ самой гибели, такъ и обстоятельствъ, ее сопровождавшихъ. Явилось много лицъ, которыя стали утверждать, что они видѣли подводную лодку, описывали ея „зеркало“ въ видѣ большого круга, фута въ полтора въ діаметрѣ; другіе говорили, что видна была только ея мачта; третьи... что ничего не видѣли. Все, дескать, выдумки и больше ничего. Несчастный, ужасный случай — да! Наткнулись на собственную мину или, можетъ быть, даже взрывъ внутри судна.

Но противъ послѣдняго возражали почти всѣ.

— Нѣтъ, только не это! Во-первыхъ, слишкомъ хорошо съ

самаго начала былъ виденъ бѣлый столбъ дыма или воды, поднявшійся еще раньше взрыва въ носовой части; во-вторыхъ, если бы это былъ внутренній взрывъ, онъ отразился бы и на лѣвомъ бортѣ, а между тѣмъ, какъ это было ясно видно, послѣдній остался совсѣмъ неповрежденнымъ.

— Ну, это тоже не доказательство, — отвѣчали другіе,— мало ли почему взрывъ отразился на одной сторонѣ и не былъ виденъ съ другой. Вотъ лучше скажите, почему японцы не стрѣляли, когда наша эскадра пришла на рейдъ.

— Почему не стрѣляли, да почему не стрѣляли? Да просто хотя бы потому, что были далеко, а близко не подходятъ потому, что боятся. Очевидно, бой съ береговыми батареями имъ совсѣмъ не нравится и огонь Электрическаго утеса для нихъ опасная вещь.

— Нѣтъ, вовсе не потому,—горячился какой-то портовый чиновникъ.—Вся суть въ томъ, что они боялись, чтобы какой-нибудь изъ ихъ снарядовъ не попалъ въ ихъ же подводную лодку. Подводныхъ лодокъ у нихъ немного и гибель каждой будетъ тяжелой потерей для японскаго флота.

— Да, впрочемъ, что тутъ и говорить! — почти уже кричалъ этотъ горячій человѣкъ,—развѣ для васъ не ясенъ весь ихъ маневръ? Сначала пришли ихъ миноносцы, потомъ, когда вышелъ „Баянъ", появились крейсера, а когда вытянулась на рейдъ вся наша эскадра, они стали отступать и тѣмъ зазывать нашихъ подальше отъ крѣпости. Скрывавшаяся въ морѣ ихъ броненосная эскадра, состоявшая изъ шести броненосцевъ и двухъ крейсеровъ, присоединилась къ прочимъ и въ составѣ четырнадцати вымпеловъ двинулась на нашихъ, чѣмъ и заставила ихъ отступить. Японцы, конечно, впередъ знали, какъ это будетъ, и направили свои подводныя лодки къ намъ на внѣшній рейдъ, гдѣ они и ожидали возвращенія нашей эскадры. Ну, а тутъ-то послѣднія и набросились сначала на „Петропавловскъ", а потомъ и на „Побѣду".

— Позвольте, позвольте,—возражалъ ему какой-то чиновникъ, — да вѣдь эти лодки идутъ медленно и сами очень плохо оріентируются на большихъ разстояніяхъ; имъ всегда нужна помощь, нужно, чтобы кто-нибудь ихъ проводилъ до мѣста, гдѣ можетъ быть бой.

— Такъ что жъ? Это вѣроятно и сдѣлалъ тотъ небольшой крейсеръ, что прошелъ за Ляотешанъ еще тогда, когда „Баянъ" только что началъ выходить. Онъ ихъ проконвоировалъ до мыса, а оттуда они пошли сами, держась берега.

Разговоръ этотъ происходилъ вечеромъ въ ресторанѣ „Са-

Идолы въ одной изъ кумиренъ Мукдена.

ратовъ", единственномъ почти въ старомъ Артурѣ. Было накурено, душно, грязно. Сидящихъ и стоящихъ, большею частью сухопутныхъ офицеровъ и различнаго рода чиновниковъ, здѣсь было много. Большія керосиновыя лампы плохо горѣли, двери и окна были заперты; пахло кислымъ пивомъ, спиртомъ, виномъ. Изъ сосѣдней комнаты доносились стукъ билліардныхъ шаровъ, громкое сплевываніе и т. п. Однимъ словомъ, кабакъ былъ форменный. Но такъ какъ „Саратовъ" старѣйшій въ Артурѣ и притомъ же стоитъ на набережной, прямо противъ выхода на рейдъ, то онъ всегда служитъ мѣстомъ постоянныхъ сборищъ и замѣняетъ собою клубъ.

Надо правду сказать, кормятъ здѣсь не худо, не особенно дорого и большинство артурцевъ считаютъ „Саратовъ" портъ-артурскимъ „Палкинымъ".

— А я думаю, что никакихъ подводныхъ лодокъ здѣсь нѣтъ, а просто напоролись на собственную мину,—говорилъ артиллерійскій офицеръ, сидѣвшій около стола, залитаго пивомъ. — Шутки съ минами плохія вообще, а особенно онѣ опасны около Артура, гдѣ, говорятъ, дно каменистое и волненія бываютъ очень сильныя. Ужъ сколько разъ приходилось слышать про наши же сорвавшіяся со своихъ мѣстъ и потомъ взорвавшіяся при ударѣ въ берегъ мины; почему же не допускать и даже такъ упорно отрицать возможность того, что одна изъ нихъ на несчастіе попала подъ киль „Петропавловска"? Наконецъ, почему это не могло быть отъ столкновенія съ непріятельской миной? Вѣдь говорятъ же, что послѣ каждаго ихъ прихода на рейдѣ у насъ вылавливаютъ ихъ по нѣсколько штукъ. А въ ночь на 31 они тоже приходили.

— Быть-то были, да остановились далеко. Ихъ не пустилъ „Страшный", сосредоточившій на себѣ все ихъ вниманіе...

И такъ безъ конца. До поздней ночи безъ перерыва велся все тотъ же разговоръ и все на ту же тему.

На слѣдующій день, часовъ въ 9 утра, я отправился съ ротмистромъ Агафоновымъ въ сводный госпиталь, гдѣ находился минный офицеръ „Петропавловска" лейтенантъ Унковскій. Госпиталь расположенъ правильными уступами на восточномъ склонѣ Перепелиной горы. Отъ небольшихъ воротъ на верхъ ведетъ длинная хорошая лѣстница. Поднимаясь по ней, мы видѣли капли крови; кровь была видна и на дорожкахъ.

Когда вошли въ палату, гдѣ находился теперь нашъ лейтенантъ, онъ оказался уже въ такомъ хорошемъ состояніи, что вышелъ изъ своей комнаты и былъ у кого-то изъ больныхъ въ гостяхъ. О нашемъ приходѣ ему сказали и скоро мы увидѣли его высокую молодую фигуру въ длинномъ больничномъ халатѣ и въ туфляхъ. Онъ медленно шелъ къ намъ и тихо улыбался.

— Здравствуй, дорогой, — сказалъ мой ротмистръ, обнимая больного.—Ну, что, какъ ты?

— Да ничего, — тихимъ спокойнымъ голосомъ отвѣтилъ лейтенантъ,—поправляюсь.

— Ну, слава Богу, слава Богу, очень радъ. Ну, какъ? Хорошо теперь помнишь все, какъ было? Тебѣ не трудно было бы опять разсказать намъ все по порядку? Ты, братъ, только по совѣсти, если трудно—не говори.

— Нѣтъ, отчего? Я вѣдь совсѣмъ хорошо себя чувствую, да и бокъ не болитъ.

— Ну, такъ разскажи.

— Когда мы пришли на рейдъ, я спустился въ каютъ-компанію, такъ какъ мнѣ нечего было дѣлать у себя: мое мѣсто у миннаго аппарата во время боя, — говорилъ лейтенантъ своимъ ровнымъ голосомъ. — Ну, посидѣли немного, поговорили, только какъ-то вяло. Вдругъ погасло все электричество, почувствовали какъ бы слабый толчокъ, потомъ, кажется, раздался взрывъ. Всѣ сорвались со своихъ мѣстъ и бросились на верхъ по трапу. У насъ ихъ два. Одинъ сначала ведетъ на вторую палубу, а другой уже оттуда на верхнюю. Когда я поднялся по первому, у второго трапа уже было много матросовъ. Они всѣ бѣжали наверхъ, сбились здѣсь въ кучу и запрудили ходъ. Я немножко подождалъ, потомъ, когда стало свободнѣе, выскочилъ. Вода уже вливалась на палубу. Я бросился прямо за бортъ. Когда немножко пришелъ въ себя, я понялъ, что плаваю, и что, самъ не знаю когда и какъ, ухватился за мѣшокъ съ матросскими вещами. Пальто намокло, тянуло внизъ. Хотѣлъ было его снять, да не могъ. У меня было что-то подъ ногами, кажется весло, весло же было и подъ головой. Недалеко плавалъ квартирмейстеръ и предлагалъ за что-то ухватиться. Я отказывался. Потомъ онъ разсказывалъ, что я ругался, что насъ долго не спасаютъ. Наконецъ я услыхалъ какой-то голосъ надо мной: „Офицера спасайте“. Меня схватили и доставили на „Гайдамакъ“. Тамъ дали переодѣться. Нахлобучили все, что было. Штаны дали такія маленькія—чуть-ли не по колѣна. Когда принесли въ госпиталь, меня никто не призналъ за офицера. Самъ я былъ черный, черный. Меня здѣсь мыли, мыли, едва сдѣлали человѣкомъ.

— Да, — сказалъ присутствовавшій тутъ же докторъ,— долго васъ нельзя было очистить. Ужъ

Барельефное изображеніе дракона на внѣшней стѣнѣ малыхъ императорскихъ могилъ около Мукдена.

мы думали, что и никогда не отмоемъ, что навсегда останетесь чернымъ.

Поболтавши еще минутъ пять, мы простились съ милымъ лейтенантомъ и отправились къ себѣ.

На обратномъ пути мой спутникъ сказалъ:

— Не будь онъ такой спокойный, уравновѣшенный, можетъ и не спасся бы.

Быть можетъ онъ и правъ, а можетъ быть тутъ просто дѣло счастья. Не спаслись многiе изъ тѣхъ, которые были на верхней палубѣ и считались хорошими пловцами, и спаслись люди, бывшiе далеко въ глубинѣ судна.

Изъ разговора съ врачомъ мы узнали, что болѣе тяжело раненые отправлены на плавучiй госпиталь „Монголiю". Мой спутникъ отправилея туда, но скоро вернулся обратно, не узнавъ ничего новаго: разговаривать съ ними было запрещено.

Послѣ гибели „Петропавловска" непрiятельская эскадра постояла, постояла да и ушла, не сдѣлавши ни одного выстрѣла и точно не понимая, что случилось у насъ.

Ждали было ночью бомбардировки, но и ея не было. На другой день—то же самое.

— Теперь начнутся дѣла на сушѣ. Они обязательно воспользуются ослабленiемъ нашей эскадры и сдѣлаютъ гдѣнибудь хорошiй десантъ,—говорили все знающiе и все предвидящiе политики.

— Только бы поскорѣе, только бы поближе, — твердили сухопутные офицеры.

На слѣдующiй день бомбардировки опять не было. Успокоившееся море было гладко, какъ зеркало. Ярко свѣтило горячее солнце, неподвижно и молча, точно раздумывая надъ случившимся, стояли безмолвныя громады военныхъ судовъ на внутреннемъ рейдѣ. Понемногу море выбрасывало на берегъ у Электрическаго утеса различныя вещи съ „Петропавловска", иногда всплывалъ трупъ какого-нибудь матроса...

Я еще разъ съѣздилъ на Золотую гору, еще разокъ посмотрѣлъ на чудную панораму, открывающуюся съ ея вершины во всѣ стороны, простился съ любезнымъ хозяиномъ, командиромъ батареи, и отправился къ себѣ въ грязный нумеръ Никобадзе укладываться въ путь-дорогу.

— Посидите еще денекъ, уговаривалъ меня мой спутникъ. Съѣздимъ еще кое-куда, можетъ быть что-нибудь узнаемъ, можетъ быть будетъ „бумъ-бумъ" (такъ этотъ милый, жизнерадостный человѣкъ называлъ бомбардировку).

Василій Васильевичъ
ВЕРЕЩАГИНЪ.

Но я не соглашался.

— Если бы теперь должна была быть „бумъ-бумъ“, она была бы вчера или сегодня,—сказалъ я.—А такъ оставаться здѣсь очень тяжело. Того, что я видѣлъ вчера, я не забуду никогда. Подумайте только, какъ много моихъ добрыхъ, славныхъ знакомыхъ погибло на „Петропавловскѣ“: на немъ я прожилъ нѣсколько дней, на немъ съ адмираломъ Н. И. Скрыдловымъ въ 1902 году пришелъ изъ Чифу въ Дальній и на немъ, наконецъ, былъ за два дня до его гибели, прося у Макарова разрѣшенія идти съ ними въ морской бой. Нѣтъ, тяжело, очень тяжело переживать это, и чѣмъ дальше я буду отъ мѣста несчастія, тѣмъ лучше. Ѣду пока въ Лаоянъ, а оттуда на Ялу, если—если не будетъ чего-нибудь поближе...

Онъ проводилъ меня на вокзалъ и мы разстались.

На слѣдующій день, еще въ пути, мы узнали, что съ ранняго утра началась бомбардировка Артура.

Уголъ двухъ улицъ въ Мукденѣ.

В. В. Верещагинъ.

ПИСЬМО XVIII.

Лаоянъ, 6 апрѣля.

Васъ, вѣроятно, удивляетъ то, что письма объ Инкоу помѣчены Мукденомъ, письмо о Мукденѣ—Артуромъ, а воспоминанія о видѣнномъ въ Артурѣ я пишу въ Лаоянѣ. Что дѣлать?—это здѣсь всеобщая болѣзнь. Никому не сидится на мѣстѣ. Нервы ли такъ у всѣхъ расходились, условія ли здѣшней жизни теперь таковы, но только всѣ, кто можетъ, ѣздятъ взадъ и впередъ, причемъ никого не останавливаютъ даже тѣ тяжелыя условія, при которыхъ приходится совершать эти поѣздки.

Большинство маленькихъ буфетовъ на промежуточныхъ станціяхъ закрыто. Нигдѣ ничего не достанешь, и часто съ ранняго утра и до трехъ-четырехъ часовъ дня вы не можете выпить даже стакана чая, если у васъ нѣтъ съ собой чайника (кипятокъ можно достать всюду). Поѣздъ идетъ очень медленно и почти на каждой станціи стоитъ по часу, по два, по три, такъ какъ пропускаются поѣзда воинскіе, пропускаются поѣзда и съ высшимъ начальствомъ, также разъѣзжающимъ съ мѣста на мѣсто. И такъ всѣ.

В. В. Верещагинъ, пріѣхавшій сюда значительно позже меня, успѣлъ уже разъ съѣздить въ Артуръ, вернуться въ Мукденъ и передъ Пасхой поѣхалъ туда вторично, чтобы ужъ никогда не возвращаться. Бѣдный Василій Васильевичъ! Какъ жаль его и какъ много въ его лицѣ потеряла Россія! Вѣдь это тотъ самый В. В. Верещагинъ, который первый

открылъ всѣмъ глаза на войну и показалъ весь ея ужасъ, все то, что̀ скрывается за подвигами храбрыхъ, чѣмъ создаются громкія дѣла и слава полководцевъ.

Мы знали одну красивую лицевую сторону медали, а на другую—оборотную и не могли и не хотѣли смотрѣть. И, кромѣ бѣдныхъ матерей, женъ и дѣтей убитыхъ и раненыхъ, никто почти не чувствовалъ всего ужаса каждаго громкаго дѣла.

Война еще только началась, даже, вѣрнѣе, только начинается, а ужъ сколько жертвъ и сколько страданій!

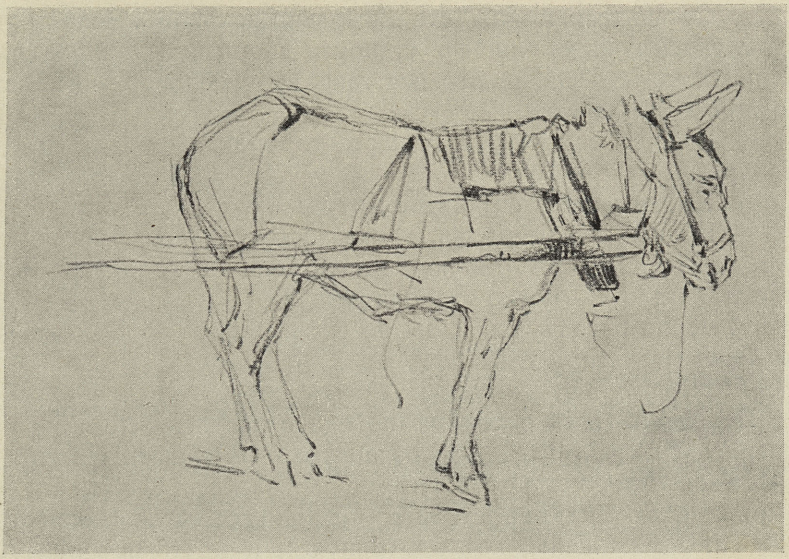
Помню я, какъ, сидя въ Мукденѣ, мы какъ-то узнали, что Мищенко (здѣсь не говорятъ „генералъ", „Павелъ Ивановичъ" и т. п. всѣмъ слишкомъ хорошо извѣстно, о комъ говорятъ) охотится за японскими разъѣздами, желающими поймать нашихъ въ засаду. Помню я также очень хорошо и то, какъ мы нудились, не получая извѣстій о результатѣ этой охоты, и какова была наша радость, когда „наконецъ было дѣло".

„Степановъ раненъ смертельно, Базилевичъ тяжело въ животъ, Шильниковъ и Андріенко легко. При этомъ столько-то нижнихъ чиновъ убито, столько-то ранено. У японцевъ потери очень большія". Вотъ сущность извѣщенія, и мы знали, что все это вѣрно. Павла Ивановича всѣ знаютъ хорошо и никто не сомнѣвается въ томъ, что въ его донесеніяхъ нѣтъ ни слова преувеличенія.

И мы радовались. Наконецъ-то столкнулись на сушѣ, и наши казаки оказались, какъ всегда, молодцами, наши офицеры были впереди, подавали примѣръ, не прятались отъ непріятельскаго огня, что и доказали своими ранами. Мы ликовали. Правда, жаль было молодыхъ людей, горько было сознавать, что эти люди, полные силъ, стали жертвами войны, когда этого могло и не быть, но... таковы условія и безъ жертвъ не можетъ быть побѣдъ.

И вотъ эту-то другую сторону побѣдъ показалъ всему міру нашъ В. В. Верещагинъ. Онъ, бывшій на войнѣ, слышавшій вокругъ себя свистъ пуль, видѣвшій груды убитыхъ и раненыхъ, онъ далъ человѣчеству цѣлый рядъ картинъ, изобразившихъ войну со всѣми ея ужасами, со всѣми деталями, полными глубокой драмы.

В. В. Верещагинъ былъ первымъ и самымъ серьезнымъ противникомъ войны и отъ нея же онъ и погибъ. Погибъ на своемъ посту, стоя на палубѣ съ альбомомъ въ рукѣ, въ который и зарисовывалъ то, что́ видѣлъ. Такъ говорятъ спасенные съ „Петропавловска" матросы.

Осликъ въ упряжи.
Рис. Н. Кравченко.

Василій Васильевичъ пріѣхалъ изъ Москвы съ поѣздомъ великаго князя Бориса Владиміровича и въ этомъ же поѣздѣ проѣхалъ изъ Мукдена въ Артуръ. Жилъ онъ въ вагонѣ, а гдѣ и какъ работалъ, никто не зналъ. Василій Васильевичъ вообще не любилъ говорить о своихъ работахъ заблаговременно, а въ послѣднее время въ особенности.

Въ этихъ мѣстахъ я встрѣтилъ его впервые на станціи Мукденъ. Онъ только что собирался въ первый разъ въ Портъ-Артуръ, и въ темномъ тепломъ пальто и барашковой шапкѣ шелъ своей мелкой торопливой походкой къ вагону. На тонкой ременной портупеѣ у него висѣла хорошая кавказская шашка. Лицо его, какъ всегда, было весело, красивые живые глаза проницательно смотрѣли по сторонамъ.

— Василій Васильевичъ, здравствуйте! — крикнулъ я, искренно обрадовавшись встрѣчѣ съ нимъ, здѣсь, далеко-далеко отъ Петербурга, гдѣ я познакомился съ этимъ удивительнымъ человѣкомъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, — сказалъ онъ и обнялъ меня.

— Куда вы? Въ Артуръ?

— Да, хочу поѣхать, очень ужъ тянетъ туда.

— Останьтесь, подождите нѣсколько деньковъ. Видѣли ли вы Мукденъ, были ли въ старомъ дворцѣ, ѣздили ли на ближнія могилы? Вѣдь это все такъ интересно, оригинально. Стоитъ и поработать.

— Кое-что видѣлъ, а теперь тороплюсь добраться до Артура.

— Да чего вамъ спѣшить? Артуръ не уйдетъ, успѣете.

— Видите, какая бѣлая, — сказалъ онъ, показывая мнѣ свою дѣйствительно бѣлую подстриженную бороду. — Немного осталось—нужно торопиться. Вотъ если бы я былъ такой черный, какъ вы, я бы не спѣшилъ.

— А надолго ѣдете?

— Нѣтъ, не думаю. Еще вернусь сюда.

Передъ самымъ отходомъ поѣзда оказалось, что Василій Васильевичъ забылъ что-то на вокзалѣ. Поднялась суматоха. Бѣгалъ начальникъ поѣзда, что-то ворчалъ всегда слегка подвыпившій комендантъ станціи, бранили солдата. Наконецъ, вещи были найдены, поѣздъ тронулся, и почти всѣ присутствовавшіе поклонились Василію Васильевичу, закрывавшему за собой дверь вагона.

О пріѣздѣ Верещагина говорили здѣсь давно.

Нѣкоторые изъ тѣхъ, кому пришлось ѣхать съ нимъ сюда, были отъ него въ восторгѣ, и все время передавали, „что онъ говорилъ о войнѣ и о Японіи", гдѣ онъ жилъ и работалъ въ послѣднее время.

Въ Артурѣ В. В. былъ недолго и не больше какъ черезъ недѣлю послѣ нашей встрѣчи я увидѣлъ его уже въ Мукденѣ, въ самомъ городѣ, посреди широкой грязной китайской улицы. Онъ ѣхалъ на рикшѣ и все время оглядывался по сторонамъ, точно ища что-то.

— Здравствуйте!—крикнулъ я.—Вы куда? Что ищете?

— А, здравствуйте. Ищу, гдѣ бы можно чесунчи купить на китель. Мнѣ говорили, что есть здѣсь какой-то „Итай". Гдѣ онъ?

— Да, да, есть.

И я показалъ ему, какъ проѣхать.

— Надолго?—спрашиваю.

— Не знаю, самъ не знаю.

Мы разъѣхались.

Къ Пасхѣ я изъ Мукдена собрался въ Артуръ. Ѣхалъ довольно долго, что-то около сорока часовъ, и когда пріѣхалъ туда, то уже тамъ оказался поѣздъ великаго князя Бориса Владиміровича, который, уѣзжая, я видѣлъ еще въ Мукденѣ.

Угловая башня и сѣверная стѣна Мукдена.

Насъ, очевидно, перегнали ночью. Василій Васильевичъ въ этомъ поѣздѣ пріѣхалъ изъ Россіи и въ немъ же жилъ, когда поѣздъ стоялъ въ Мукденѣ.

Въ Артурѣ мнѣ сказали, что „пріѣхалъ Верещагинъ". Потомъ, говорятъ, онъ часто бывалъ у адмирала Макарова на „Петропавловскѣ", какъ старый хорошій знакомый, какъ боевой товарищъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Василія Васильевича 30 марта. Сидя въ ресторанѣ „Саратовъ", я завтракалъ и черезъ стекла глядѣлъ на улицу, гдѣ стояли два извозчика и пять-шесть несчастныхъ рикшъ, сидѣвшихъ на корточкахъ и терпѣливо ожидавшихъ выхода кого-нибудь; за ними высились цѣлыя горы каменнаго угля. Былъ хорошій, теплый, почти лѣтній день. Почти всѣ ходили безъ пальто, нѣкоторые даже въ легкихъ фетровыхъ шляпахъ. Передъ окнами проходили неизвѣстно откуда появившіяся дамы и барышни и своимъ видомъ поднимали общее настроеніе. Женщинъ въ Артурѣ теперь мало, и артурцы знаютъ почти всѣхъ наперечетъ.

Штатскіе, офицеры, чиновники при шашкахъ, какія-то неизвѣстныя лица съ иностранными физіономіями,—всѣ глядѣли въ окна и не пропускали ни одной женщины безъ своихъ замѣчаній, характеристикъ или сообщенія краткихъ справокъ объ ихъ прошломъ. На счастіе ихъ, окна были закрыты и несдержанныя рѣчи критиковъ къ нимъ не долетали.

— Господа, Верещагинъ идетъ!—крикнулъ кто-то.

И почти моментально всѣ дѣвицы были забыты и глаза всѣхъ устремились на стройную, легкую фигуру В. В., въ синей пиджачной парѣ, быстрыми шагами проходившую мимо. Его красивая бѣлая борода подъ лучами горячаго солнца отливала серебромъ. Глаза весело глядѣли по направленію къ порту. На головѣ была барашковая шапка.

Онъ прошелъ прямо къ почтовому ящику; видно было, какъ онъ опустилъ туда большой пакетъ, заглянулъ въ отверстіе и потомъ такимъ же мѣрнымъ, спокойнымъ шагомъ пошелъ назадъ къ станціи.

Китайскія погребальныя носилки.

Вице-адмиралъ С. О. Макаровъ.

ПИСЬМО XIX.

Лаоянъ, 8-го апрѣля.

Въ сибирскомъ поѣздѣ, вышедшемъ 5 февраля изъ Москвы, кромѣ извѣстнаго кавалерійскаго генерала Ренненкампфа, ѣхалъ и вице-адмиралъ С. О. Макаровъ. Въ Петербургѣ, я помню, были слухи о томъ, что для Макарова, въ виду важности его болѣе скораго прибытія въ Портъ-Артуръ, мѣсту нахожденія главныхъ силъ ввѣреннаго ему тихоокеанскаго флота, будетъ данъ особый поѣздъ, который пройдетъ весь путь въ девять дней.

Оказалось, что это простая и ни на чемъ не основанная выдумка. До Иркутска адмиралъ ѣхалъ въ обыкновенномъ сибирскомъ поѣздѣ, къ которому былъ прицѣпленъ его вагонъ перваго класса, а дальше онъ продолжалъ свой путь съ нами съ первымъ воинскимъ поѣздомъ. Всѣхъ ѣдущихъ это очень удивляло и интриговало. Пользуясь знакомствомъ

съ однимъ изъ его приближенныхъ, капитаномъ Васильевымъ, тоже впослѣдствіи погибшимъ на „Петропавловскѣ“ я обратился къ нему съ вопросомъ:

— Скажите, пожалуйста, отчего это адмиралъ ѣдетъ такъ же медленно, какъ и мы, и не пользуется своимъ преимуществомъ? Вѣдь онъ могъ бы проѣхать въ Артуръ куда скорѣе, и ему навѣрное дали бы отдѣльный поѣздъ.

— Адмиралъ не хочетъ мѣшать правильному движенію воинскихъ поѣздовъ, которые пришлось бы задерживать, чтобы пропустить экстренный. До пріѣзда адмирала флотъ ничего не предприметъ, а въ пути мы узнаемъ все, что тамъ дѣлается.

И, придерживаясь такого взгляда, адмиралъ ѣхалъ изъ Москвы до Харбина ровно пятнадцать сутокъ. Только отсюда, послѣ торжественной встрѣчи, параднаго обѣда и хорошей, всѣхъ тронувшей рѣчи адмирала, онъ опять сѣлъ въ свой вагонъ, который уже одинъ умчался дальше съ паровозомъ, увозя командующаго тихоокеанскимъ флотомъ сначала въ Мукденъ на свиданіе съ намѣстникомъ, а оттуда въ Артуръ.

До этого путешествія я много разъ слыхалъ объ этомъ выдающемся русскомъ морякѣ и изобрѣтателѣ, но никогда мнѣ не приходилось его видѣть.

На второй, кажется, день послѣ отхода нашего поѣзда изъ Москвы я сидѣлъ въ вагонѣ-ресторанѣ. За особымъ столомъ, стоявшимъ у разбитаго и никогда на настраиваемаго піанино, расположилось нѣсколько человѣкъ моряковъ, между которыми я узналъ бывшаго командира ледокола „Ермакъ“ капитана Васильева и его бывшаго старшаго офицера капитана Шульца. Васильевъ заказывалъ завтракъ, остальные же болтали и поглядывали на дверь. Во время остановки на какой-то станціи дверь открылась и вошелъ средняго роста адмиралъ съ большой окладистой полусѣдой бородой и красивымъ открытымъ лицомъ, съ маленькими, умными сѣрыми глазами.

При его появленіи со своихъ мѣстъ поднялись моряки, а затѣмъ и всѣ мы. Адмиралъ раскланялся и занялъ свое мѣсто.

Послѣ завтрака я поздоровался съ моими старыми знакомыми и одинъ изъ нихъ, капитанъ Шульцъ, узнавъ, что я незнакомъ съ адмираломъ, представилъ меня.

Вечеромъ, встрѣтясь во время прогулки на какой-то станціи, капитанъ Шульцъ сказалъ:

— Если хотите повидать адмирала, то онъ можетъ васъ принять каждый день часовъ около одиннадцати утра.

Вице - адмиралъ
Семенъ Осиповичъ МАКАРОВЪ.
Рис. Н. Кравченко.

Я поблагодарилъ и на слѣдующій же день отправился съ визитомъ.

Вышедшій навстрѣчу матросъ проводилъ меня въ четырехмѣстное купэ, посрединѣ котораго стоялъ большой столъ, на которомъ лежали морскія карты, бумаги, карандаши, а вокругъ сидѣли: адмиралъ Макаровъ, симпатичный и привѣтливый Васильевъ, Шульцъ, полковникъ генеральнаго штаба Агапѣевъ и молодой мичманъ-адъютантъ.

— Садитесь, сказалъ адмиралъ, подвигаясь ближе къ окну и придавливая сидѣвшаго рядомъ Васильева. У насъ здѣсь тѣсно, да ничего, работать можно. Много намъ помогаетъ пишущая машинка. Поѣздъ идетъ, а мы, благодаря ей, всетаки можемъ писать, — продолжалъ онъ, указывая на стоявшій на маленькомъ столикѣ футляръ.

— Вы какъ, интервьюировать меня хотите или просто поговорить?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, я плохой интервьюеръ. Да и при томъ вы, адмиралъ, все равно не скажете мнѣ правды о томъ, что насъ интересуетъ, а потому, если можно, просто поговоримъ.

— Хорошо, сказалъ онъ. — Это мнѣ больше нравится. Во всякомъ случаѣ, если вы захотите что-нибудь написать о нашемъ разговорѣ,—покажите мнѣ.

Я согласился.

— Видите ли, началъ онъ, — мы имѣемъ дѣло съ опаснымъ и хитрымъ врагомъ, который не показываетъ своихъ картъ, мы же, по своему добродушію, разсказали ему все, что только онъ ни натворилъ у насъ. Эта была наша первая ошибка и она не должна повторяться.

— Позвольте, адмиралъ, возразилъ я, — неужели мы должны были скрыть результаты ихъ ночной атаки и не сказать, что у насъ повреждены суда.

— Нѣтъ, не совсѣмъ такъ. Факта столь огромной важности, какъ выходъ изъ строя двухъ первоклассныхъ броненосцевъ, къ сожалѣнію, скрыть нельзя, но, если это можно было сдѣлать, то въ интересахъ дѣла—нужно было бы скрыть. Прямота и оглашеніе подробныхъ и точныхъ отчетовъ о ходѣ дѣлъ—дѣло не только лишнее, но и положительно вредное на войнѣ. Будьте увѣрены, что и японцамъ вся эта исторія не прошла даромъ, а между тѣмъ никто изъ насъ ничего объ ихъ потеряхъ не знаетъ.

— Да вѣдь японцы бомбардировали Артуръ 45 минутъ и потомъ ушли. Сдѣлали свое дѣло и успокоились.

— Вы думаете, они отступили безъ потерь, безъ повреждений?—Нѣтъ, побѣждающій и не терпящій урона противникъ не отступитъ, иначе онъ будетъ глупъ. А японцевъ считать такими нельзя. Значитъ, у нихъ были потери и даже очень большія, если они отступили. Вотъ почему, какъ только я узналъ о томъ, что ихъ флотъ ушелъ такъ скоро, я послалъ въ Артуръ поздравленіе съ побѣдой. Не подумайте, что это былъ дипломатическій шагъ,—нѣтъ, это мое искреннее убѣжденіе. Замѣтьте себѣ, что японцы тогда ни единымъ словомъ не обмолвились о своихъ поврежденіяхъ. Зачѣмъ же

Деталь лѣстницы императорскаго дворца въ Мукденѣ.

мы имъ будемъ говорить о своихъ? Каждое наше сообщеніе, напечатанное въ газетахъ, японскіе агенты сейчасъ же передаютъ своимъ заграничнымъ представителямъ, а тѣ пересылаютъ въ Японію. Они знаютъ все, а мы почти ничего. Съ врагомъ нужно бороться его же оружіемъ. Военные корреспонденты могутъ принести очень много вреда дѣлу, продолжалъ адмиралъ.—Сами того не сознавая, они могутъ дать умному непріятелю очень важныя и дорогія свѣдѣнія. Знаете ли вы, что, напримѣръ, во время Франко-прусской войны одно незначительное, повидимому, письмо барышни, писавшей своимъ

родителямъ о томъ, что она не пріѣхала потому, что дорога была занята войсками, сдѣлало чрезвычайно важное указаніе германскому штабу. Оно, попавшееся случайно на глаза агенту, дало ему свѣдѣніе о передвиженіи войскъ въ извѣстномъ направленіи и намекъ на то, что въ такомъ-то мѣстѣ происходитъ сосредоточеніе. Я вообще, уже довольно сердито закончилъ онъ,—нахожу, что присутствіе корреспондентовъ на войнѣ— вредно.

Несмотря на такой финалъ нашей первой встрѣчи, черезъ день капитанъ Васильевъ передалъ мнѣ приглашеніе отъ адмирала на завтракъ. Былъ приглашенъ также и ѣхавшій со мной корреспондентъ „Русскаго Инвалида" есаулъ Красновъ и офицеры гвардейскаго экипажа: Ладыгинъ (погибъ на „Петропавловскѣ"), Трухачевъ и еще третій, фамилію котораго я забылъ.

Принялъ насъ адмиралъ очень привѣтливо, усадилъ въ своемъ дорожномъ кабинетѣ и вмѣстѣ съ другими своими спутниками сталъ угощать насъ хорошей ветчиной, жареной индѣйкой, голландскимъ сыромъ и т. п.

— Вотъ только водки у насъ нѣтъ, ласково, какъ бы извиняясь, сказалъ онъ. Не думайте, что я не пью. Нѣтъ, пью, и даже съ удовольствіемъ. Да только время теперь не такое: нужно, чтобы голова всегда свѣжа была.

Но милые моряки раздобыли гдѣ-то бутылку смирновки, угостили гостей, да и сами выпили по одной. Адмиралъ не пилъ.

Послѣ завтрака подали чай, папиросы, а патріархальный хозяинъ закурилъ хорошую сигару. Опять зашелъ разговоръ о корреспондентахъ, подъ конецъ немного испортившій общее настроеніе. Адмиралъ нападалъ на нихъ, я, какъ представитель оныхъ, поневолѣ защищалъ.

Уходя, я сказалъ ему:

— Во всякомъ случаѣ, адмиралъ, разрѣшите не корреспонденту, а художнику Кравченко еще разъ васъ потревожить. Я хотѣлъ бы васъ зарисовать.

— Хорошо, отвѣтилъ онъ,—приходите. Буду очень радъ.

Длинная, однообразная дорога, постоянные толчки вагоновъ очень мало располагаютъ къ работѣ, особенно къ рисованію. Пробовалъ было я пользоваться остановками, но и это выходило неудачно. И я пропустилъ нѣсколько дней прежде, чѣмъ собрался къ адмиралу. Сдѣлалъ это я уже послѣ того, какъ мы перевалили за Байкалъ и адмиралу былъ поданъ прекрасный вагонъ перваго класса Восточно-китайской же-

лѣзной дороги, „Теперь вѣрно будетъ меньше трясти“, подумалъ я, и въ девять часовъ утра, захвативъ съ собой альбомъ, отправился къ нему черезъ весь поѣздъ.

Въ большомъ отдѣленіи, въ глубинѣ котораго стояла широкая кровать, покрытая ватнымъ одѣяломъ, за столомъ у пишущей машинки сидѣлъ капитанъ Васильевъ, а С. О. Макаровъ ходилъ изъ угла въ уголъ и своимъ ровнымъ голосомъ что-то диктовалъ.

— Можно? спросилъ я.

— Конечно. Вы какъ хотите меня изобразить, сидя или стоя? спросилъ адмиралъ.

— Да какъ вамъ удобнѣе. Вѣдь вы работаете!? Я могу примоститься такъ, чтобы вамъ не мѣшать.

— Нѣтъ, ничего. Хотите, я сяду?

Мы устроились. С. О. досталъ изъ кармана гребень и сталъ расчесывать свою роскошную бороду.

— La barbe, сказалъ онъ улыбаясь,—а теперь moustache.

Я началъ работать.

— Когда покажется непріятельская эскадра, началъ отчеканивая каждое слово адмиралъ, очевидно, продолжая прерванное,—то по сигналу...

Пальцы Васильева забѣгали, машинка застучала.

Носилки и стража губернатора г. Мукдена.

Въ продолженіе цѣлаго часа диктовались все новые и новые параграфы инструкцій, которыя вырабатывалъ С. О. Макаровъ для своего флота. Однообразно вздрагивалъ вагонъ, рѣзко стучала машинка, ровно, слово за словомъ выливались изъ устъ С. О. новыя правила. Въ нихъ не было ничего забыто. Каждый параграфъ сопровождался примѣчаніями, на случай, „если“ будетъ такъ-то или такъ-то.

— Мы работаемъ всю дорогу и у насъ этотъ долгій путь пройдетъ съ пользой, проговорилъ адмиралъ во время одного перерыва. — Спасибо машинкѣ. Печатаемъ приказы, распоряженія. Славная выдумка!

Я кончилъ.

С. О. Макаровъ проводилъ меня до дверей, пожалъ руку и на прощаніе, улыбаясь, сказалъ:

— Вы никому не говорите, что̀ слышали. Кромѣ насъ троихъ этого пока еще не знаетъ никто.

— Будьте спокойны, адмиралъ, отвѣтилъ я. — На мнѣ вы можете сдѣлать опытъ, поскольку корреспонденты заслуживаютъ довѣрія.

— Ну, въ васъ-то я увѣренъ, но вѣдь вы не одинъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ С. О. Макарова, кажется, 29 марта, когда отправился на „Петропавлевскъ“ просить разрѣшенія пойти съ эскадрой въ ожидаемый бой. Онъ черезъ полковника Агапѣева передалъ мнѣ отказъ.

Больше я его не видѣлъ.

Дворикъ кумирни въ Лаоянѣ.

Лаоянъ.

ПИСЬМО XX.

Лаоянъ, 15 апрѣля.

Какая пестрая толпа! Сколько въ ней яркаго, оригинальнаго, сильнаго! Какіе костюмы, типы, характеры! Здѣсь все какъ бы перемѣшалось, перепуталось и, какъ въ огромномъ калейдоскопѣ, безъ конца вертится передъ глазами. Все, чѣмъ богата Россія, все, что было въ ней наиболѣе сильнаго, живого, подвижнаго — все рванулось, все пошло сюда. Еще немногіе успѣли придти, еще больше ихъ поневолѣ осталось дома, но и эта маленькая часть, что уже собралась около квартиры командующаго арміей, какъ бы въ уменьшенномъ видѣ представляетъ собой нашу широкую матушку Русь съ ея добродушными русачками, задумчивыми хохлами, пылкими горцами, изнѣженными поляками. Казаки, буряты, финны, лифляндцы, болѣе рѣдкіе татары дополняютъ пестроту картины и невольно, глядя на эту живую, подвижную, вѣчно

кипучую толпу, разбѣгаются глаза и, чувствуя свое безсиліе изобразить все это,—бросаешь перо и карандашъ.

Лаоянъ сталъ сердцемъ и душой нашей арміи. Здѣсь теперь живетъ А. Н. Куропаткинъ, котораго всѣ любятъ и въ котораго всѣ вѣрятъ, здѣсь его штабъ, здѣсь и тѣ люди, что нужны ему и что хотѣли послужить съ нимъ на пользу Россіи. Каждый день сюда прибываютъ все новыя и новыя лица и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ того часа, когда ихъ призовутъ и скажутъ: отправляйтесь туда-то и туда-то, сдѣлайте то-то и то-то.

Ожидаютъ генералы, ожидаютъ офицеры генеральнаго штаба, ожидаютъ и сотни другихъ полковниковъ, капитановъ и прапорщиковъ.

Есть, конечно, такіе, что не хотятъ довольствоваться малымъ и сразу разсчитываютъ на особенное положеніе, на полученіе большой части, на мѣсто начальника штаба дивизіи или корпуса, есть и такіе, которые все ищутъ мѣстечка потеплѣе и поспокойнѣе, напримѣръ: завѣдываніе корреспондентами.

Не знаю почему, но послѣднее соблазняетъ весьма многихъ, и достаточно какому-нибудь капитану или подполковнику генеральнаго штаба умѣть болтать по-французски и вести салонный разговоръ, чтобы онъ считалъ себя уже подготовленнымъ къ „завѣдыванію корреспондентами“.

Въ массѣ офицерства такіе типы не пользуются особеннымъ уваженіемъ да не заслуживаютъ они того и въ глазахъ другихъ. Такихъ очень скоро узнаютъ и относятся къ нимъ съ полускрываемымъ презрѣніемъ, какъ къ офицерамъ, не желающимъ идти въ бой и дѣлать свое настоящее дѣло.

Совсѣмъ другое отношеніе къ людямъ, ищущимъ дѣла, и дѣла живого, рискованнаго, дѣла, въ которомъ можно было бы показать себя хорошимъ, храбрымъ солдатомъ или умнымъ, толковымъ офицеромъ.

Вы, вѣроятно, помните тѣхъ двухъ молодыхъ, совсѣмъ юныхъ моихъ пріятелей — артиллерійскихъ офицеровъ, что пріютили меня въ первый мой пріѣздъ въ Лаоянъ и уложили спать у себя на столѣ. Они все еще здѣсь. Устроились лучше, удобнѣе. Они все такіе же, все также милы и все также ни о комъ не говорятъ худо. Загорѣли, но выглядятъ такъ, точно только что вышли въ Петербургѣ изъ дому. Надняхъ встрѣчаю одного изъ нихъ на площади, около недавно отстроенной здѣсь церкви.

— Ну, какъ дѣла? спрашиваю.

Рубка забайкальскаго казака.
Рис. Н. Кравченко.

— А знаете, хорошо! Право. Получилъ, наконецъ, назначеніе. Долго ждалъ, а всетаки получилъ. Правда, въ пѣхотный полкъ, ну, да что жъ дѣлать!

— Какъ же такъ, говорю,—вы вѣдь изъ конной артиллеріи и такъ ее любите, а тутъ вдругъ въ пѣхотный полкъ!

— Ничего! Зато на-дняхъ буду на мѣстѣ, у дѣла, а вотъ товарищъ, бѣдняга, все еще сидитъ безъ назначенія. Ну, да ничего, ничего. Все, Богъ дастъ, образуется.

Проскакавшій забайкальскій казакъ обдалъ насъ тучей пыли. Мы замолчали, пожали другъ другу руки и разошлись.

Китайская пыль — удивительная. Она не только можетъ заставить васъ прекратить разговоръ на улицѣ, но даже по цѣлымъ днямъ держать васъ дома. Когда задуетъ вѣтеръ, все разомъ покрывается ею и все сразу пріобрѣтаетъ какой-то особенный мутно-желтый колоритъ, не существующій ни на какой палитрѣ. Китаецъ, казакъ, небо, домъ — все желто и все какъ-то неуловимо расплывчато.

Я, выросшій на югѣ Россіи и прожившій болѣе полугода въ Китаѣ, уже привыкъ къ ней, но для многихъ, явившихся сюда впервые, она кажется чѣмъ-то ужаснымъ и приводитъ въ трепетъ.

— Что же дальше будетъ? нервно вскрикнулъ одинъ мой знакомый подполковникъ, которому я сказалъ, что вѣдь лѣто пока только начинается.— Вѣдь она лѣзетъ мнѣ въ ротъ, глаза, уши. Нельзя ничего ѣсть, нельзя смотрѣть.

— Привыкнете, батенька, ей-Богу, привыкнете, утѣшалъ я его.

И, конечно, привыкнетъ! Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Здѣсь всѣ и ко всему очень скоро привыкаютъ. Ничего не подѣлаешь! Сначала раздражаются, клянутъ, иногда даже сожалѣютъ о томъ, что пріѣхали, а потомъ, смотришь, и замолчатъ. Дома онъ спалъ на широченной кровати съ бронзовыми украшеніями, по утрамъ бралъ ванну, кушалъ свѣжія булочки съ прекраснымъ сливочнымъ масломъ, а здѣсь осторожненько ложится на трепещущую походную кровать, моется изъ чайника, который держитъ вѣстовой, пьетъ мутно-бурый чай съ сѣроватымъ плохимъ хлѣбомъ или все съ тѣми же алиберовскими печеніями. И ничего! Терпитъ и молчитъ. Дома навѣрное накричалъ бы, разнесъ, а здѣсь—нѣтъ.

Сейчасъ, напримѣръ, я слышу за перегородкой голосъ моего сосѣда полковника В. М. Д.

— Ты сахаръ купилъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе.

— Отчего? Вѣдь я сказалъ еще съ утра.

— Такъ что сахару нѣтъ настоящаго. Есть который здѣся — такъ песокъ.

— Какъ нѣтъ? Сахару нѣтъ?

— Такъ точно. Сахару, значитъ, настоящаго нѣтъ. Увесь вышолъ. Може въ городи, говорятъ, есть, а здѣсь нѣту.

Нѣтъ сахара колотаго, пиленаго — будутъ пить съ пескомъ. Выйдетъ песокъ—станутъ пить и безъ него! И ничего-то въ этомъ нѣтъ ужаснаго, невозможнаго. Офицеры генеральнаго штаба постоянно и повсюду посылаются на рекогносцировки въ такія дебри, гдѣ еще никогда и никто изъ европейцевъ не бывалъ и гдѣ о какихъ бы то ни было

Уличный сапожникъ.

удобствахъ и говорить нечего. Часто съ двумя-тремя казаками, съ переводчикомъ и вьючной лошадью они отправляются за шестьдесятъ, сто и больше верстъ куда-нибудь въ горы, по неизвѣстнымъ, неизслѣдованнымъ тропамъ, по болотамъ, зарослямъ. Вьючныя сумы заполняются консервами, перемѣной бѣлья, чайникомъ, одѣяломъ, буркой, надувной подушкой и еще чѣмъ-нибудь подобнымъ. Вотъ вамъ и все, что беретъ съ собой въ дальній путь избалованный офицеръ, привыкшій дома къ полному комфорту, хорошему столу, теплу и ласкѣ.

Не такъ давно встрѣтилъ я одного знакомаго, который въ теченіе двухъ недѣль не только жилъ въ китайскихъ де-

ревняхъ, питался чѣмъ Богъ послалъ, но даже еще и своимъ казакамъ помогалъ устраиваться. Онъ былъ въ институтѣ восточныхъ языковъ во Владивостокѣ, участвовалъ въ прошлой кампаніи, жилъ въ Пекинѣ, научился хорошо говорить по-китайски, а теперь опять служитъ въ арміи. Въ февралѣ генералъ Леневичъ поручилъ ему взять съ собой нѣсколько казаковъ и какъ можно скорѣе и лучше осмотрѣть довольно большой районъ по теченію Ляохе. И вотъ, безъ всякихъ вьючныхъ коней, которые могутъ только стѣснять разъѣздъ своимъ тихимъ ходомъ, онъ отправился въ путь. Небольшой запасъ провизіи, взятый въ притороченныя къ сѣдлу сумки, очень скоро истощился. Купить было негдѣ, да и нечего.

— И питались мы, какъ и китайцы. Пили скверный чай изъ грязныхъ чашекъ, ѣли китайскій полусырой хлѣбъ съ лукомъ, иногда удавалось полакомиться мясомъ.

— И не тяжело было?

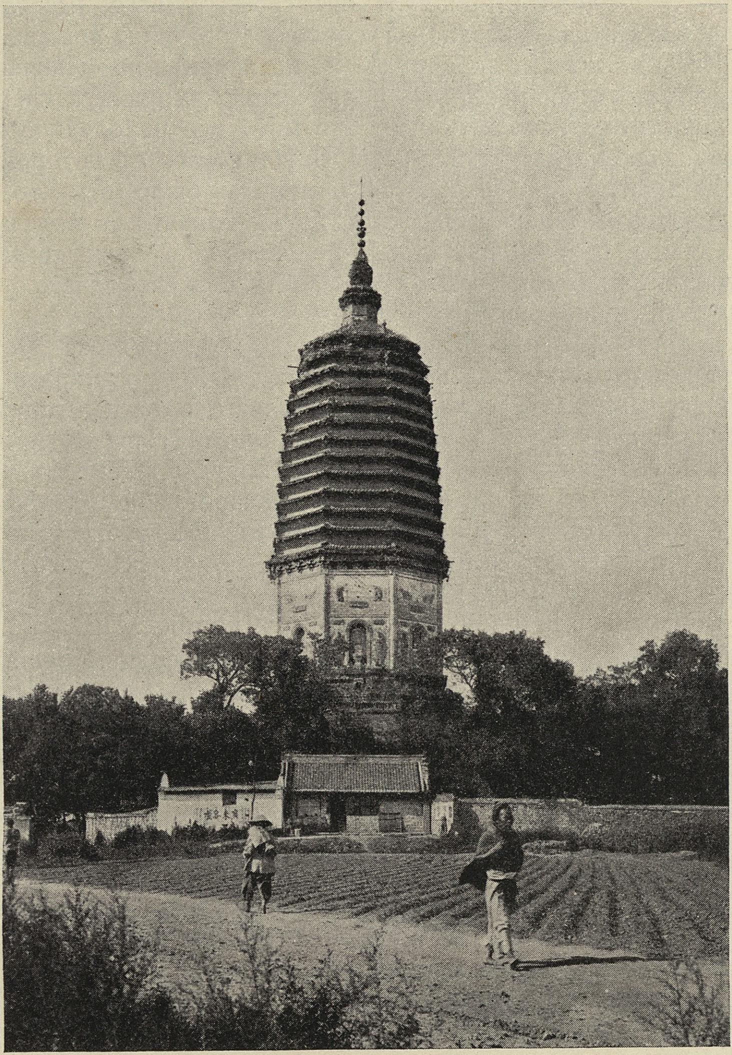
— Нѣтъ! Что вы? Когда сдѣлаешь верстъ восемьдесятъ въ день по чертовской дорогѣ, да проголодаешься какъ слѣдуетъ, такъ и на лукъ и на плохой чай набросишься какъ волкъ. Одно не втерпежъ было—съ казаками возиться. Ничего-то они не знаютъ, добиться сами не могутъ и все ко мнѣ. Въ другое время, будь одни, все бы сдѣлали, а тутъ точно безъ рукъ, безъ глазъ, безъ ногъ.

— Ваше благородіе, спросите, гдѣ у нихъ колодецъ... Ваше благородіе, гдѣ бы у нихъ для коней сѣна достать и т. п. Ты хочешь полежать, отдохнуть, а они тебѣ и минуты покою не даютъ. Не успѣешь сапоги снять, ноги протянуть, а они опять кь тебѣ. А, впрочемъ, что жъ имъ и дѣлать, коли они говорить не умѣютъ, а ихъ офицеръ свободно объясняется по-китайски, закончилъ онъ.

Да, живутъ какъ придется, какъ можно. И все-таки живутъ и дѣло свое дѣлаютъ.

Разскажу вамъ про бивакъ генерала П. К. Ренненкампфа. Вы, конечно, слыхали о немъ много и, вѣроятно, еще больше услышите. Это прекрасный полководецъ и еще лучшій человѣкъ. Умный, простой, удивительно быстро соображающій и также скоро отвѣчающій, онъ всѣхъ очаровываетъ и привязываетъ. Очаровалъ онъ и меня.

Разстались мы съ нимъ въ Читѣ, кажется, еще 17 февраля, а встрѣтились только нѣсколько дней тому назадъ здѣсь.

Старая корейская башня „Бейтасы“.

— Ѣдемъ къ намъ, сказалъ онъ послѣ первыхъ же ласковыхъ словъ привѣтствія.

— Какъ такъ? Мнѣ не на чемъ, да и куда?

— Все равно! На бивакъ, въ деревню. Лошадь будетъ сейчасъ.

— Но... — началъ было я.

— Э... Елкинъ! крикнулъ онъ своего умнаго, всегда его сопровождающаго казака,—господину Кравченко лошадь.

Казакъ молча повернулъ и поскакалъ по Лаоянской улицѣ, заставленной сѣрыми кирпичными домиками, а генералъ соскочилъ съ коня и вошелъ ко мнѣ, въ небольшую комнатку знакомаго полковника С. П. Илинскаго, въ которой послѣднiй меня прiютилъ. Мѣста, правда, было немного, все заставлено чемоданами, саками, двумя кроватями, изъ которыхъ моя, деревянная, стояла почти по дiагонали комнаты, совсѣмъ заграждая входъ. За отсутствiемъ свободнаго стула, генералъ присѣлъ на нее.

Вспомнили мы нашихъ такъ ужасно погибшихъ на „Петропавловскѣ" спутниковъ по сибирскому поѣзду: адмирала Макарова, капитана Васильева, полковника Агапѣева и другихъ. Разсказалъ я ему, что видѣлъ съ Золотой горы въ Артурѣ и какъ, благодаря тому, что считаюсь корреспондентомъ, самъ избѣгъ той же участи (Адмиралъ Макаровъ не разрѣшилъ мнѣ выйти въ море на какомъ-либо суднѣ, точно такъ же, какъ не позволилъ это сдѣлать на миноноскѣ въ началѣ марта и есаулу П. Н. Краснову).

Вошедшiй вѣстовой доложилъ, что пришелъ казакъ. Это былъ Елкинъ, приведшiй мнѣ небольшую горячую лошадку.

Мы поѣхали.

Какъ большинство здѣшнихъ коней, и моя лошадка постоянно пугливо бросалась въ сторону, ускоряла ходъ, вертѣлась. Непривычно большой вѣсъ (вѣшу я все-таки болѣе шести съ половиной пудовъ) ей очень не нравился и мнѣ пришлось держать ухо востро, чтобы, по выраженiю кавалеристовъ, не „закопать рѣдьки".

Проѣхали мы длинную улицу домовъ, знаменитую башню Бейтасы, у основанiя которой въ простомъ шалашѣ стоятъ на полу три огромныхъ бронзовыхъ фигуры боговъ, проѣхали остатки высокаго земляного вала съ еще болѣе высокимъ искусственно насыпаннымъ китайскимъ фортомъ, переѣхали черезъ полотно желѣзной дороги, обогнули огромную усадьбу какого-то китайскаго богача, теперь превращенную въ лазаретъ Краснаго Креста, и, пробираясь по узенькой тропиночкѣ, все время идущей по берегу какой-то канавы, поѣхали въ штабъ Ренненкампфовской дивизiи. Мы проѣзжали мимо небольшихъ китайскихъ деревень, съ аккуратно сложенными изъ мелкихъ камней стѣнами и съ высокими, уже зазеленѣвшими деревьями, которымъ очень много оригинальности придаютъ особые древесные паразиты, точно гнѣзда украшающiе ихъ.

Маленькая кумирня.

Около деревень стояли маленькія каменныя кумирни, горки дѣдовскихъ могилъ, какія-то каменныя плиты съ рѣзьбой и іероглифами.

На всемъ видна рука человѣка культурнаго, вдумчиваго, общительнаго, человѣка, думающаго „не о хлѣбѣ единомъ". Что бы и какъ ни говорили о китайцахъ, объ отсутствіи у нихъ религіозныхъ чувствъ, объ отсутствіи уваженія къ своимъ богамъ, — все это, можно сказать, „невѣрно". Европейцы слишкомъ мало заслужили довѣрія китайцевъ и потому, конечно, не знаютъ тѣхъ тайниковъ, въ которыхъ послѣдніе прячутъ свои самыя дорогія чувства.

Говорятъ, „китаецъ не религіозенъ, китаецъ не уважаетъ своихъ боговъ". Такъ зачѣмъ же онъ удѣляетъ имъ такъ много вниманія, любви; зачѣмъ онъ всюду, даже на поляхъ, далеко-далеко отъ своихъ фанзъ, строитъ маленькія кумирни не больше четырехъ, пяти кубическихъ аршинъ, дѣлаетъ ихъ пустыми внутри и въ небольшія отверстія, оставленныя внизу, постоянно ставитъ чашки, въ которыя втыкаетъ свѣчи, свернутыя изъ особенной тихо тлѣющей пахучей бумаги и еще что-то? Что европейцы рѣдко видятъ молящихся китайцевъ—изъ этого скорѣе всего можно бы заключить только одно, что они не желаютъ свои обряды, свой культъ боговъ выставлять на посмѣяніе „заморскихъ чертей".

По дорогѣ, почти во всѣхъ здѣсь часто разбросанныхъ деревняхъ, стоятъ казачьи сотни „Ренненкампфовской ди-

визіи“. Другого названія эта дивизія не имѣетъ. Даже на полевой почтѣ существуетъ съ подобной надписью особый ящикъ для писемъ. Популяренъ командиръ, популярна и его часть. Всѣ лошади стоятъ на коновязяхъ въ большихъ дворахъ или на ровныхъ мѣстахъ около. Нѣкоторыя даже непривязанныя. Все равно не уйдутъ.

Возлѣ ходятъ, стоятъ или лежатъ казаки въ своихъ барашковыхъ шапкахъ, разноцвѣтныхъ рубахахъ на выпускъ и особыхъ, сибирскаго покроя, сапогахъ, весьма похожихъ на валенки или на огромные кожаные чулки. Говорятъ, что они очень удобны, теплы, практичны.

— Смирно! — заоретъ какой-нибудь казакъ, замѣтившій близко подъѣзжающаго генерала.

Вскочивъ, вся эта пестрая кучка замретъ и смотритъ въ глаза командира.

— Здорово, молодцы! — кричитъ имъ генералъ, зорко приглядываясь къ каждому.

— Здравія желаемъ ваше пре-о-ди-тельству! — нескладно отвѣчаетъ толпа бурятъ, составляющихъ едва ли не половину сибирскаго казачьяго войска.

Ѣдемъ дальше. Опять деревня, опять казаки, опять тропинка, а тамъ въ поляхъ видны горки могилъ, далекія деревни, рощи и одинокія фигуры китайскихъ всадниковъ, плывущихъ мелкой рысцой или иноходью отъ однихъ фанзъ къ другимъ.

Наконецъ передъ нами и штабъ-квартира.

На большомъ дворѣ въ нѣсколько рядовъ стоятъ обозныя двуколки, возлѣ нихъ на кучахъ чумизной соломы, тулупахъ и тюкахъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ лежатъ забайкальцы, а подъ стѣной у деревьевъ привязаны строгія казачьи лошади. Всѣ онѣ небольшого роста, довольны злы и съ правой стороны не подпускаютъ къ себѣ никого. Большинство коней забайкальской породы, но много и китайскихъ и „монголовъ“. Послѣдніе особенно отличаются своей нетерпѣливостью и ненавистью къ европейцамъ. Многія бьютъ задомъ, есть же и такія, что бьютъ и передомъ.

Мы проѣхали этотъ дворъ и очутились въ небольшой улицѣ, передъ открытыми воротами. На дворѣ стоялъ складной столъ, нѣсколько стульевъ, скамейки и, весело поглядывая на насъ, шли два офицера и докторъ.

— А, Николай Ивановичъ, наконецъ-то къ намъ! — сказалъ красивый, розовый штабъ-ротмистръ, тоже одинъ изъ спутниковъ по сибирскому поѣзду.

Входъ въ садъ, окружающій малыя императорскія могилы около Мукдена.

Мы слѣзли и поздоровались, точно старые добрые друзья.

— Что, проголодались? Сейчасъ будемъ ѣсть. Ждали генерала... У насъ, батенька, хорошій поваръ, настоящій. Видите — вонъ онъ уже стряпаетъ.

Я посмотрѣлъ, куда показывалъ мой собесѣдникъ, и увидѣлъ казака, облаченнаго въ длинный бѣлый фартукъ и возившагося у костра, на которомъ стояла кастрюля. Скоро насъ усадили за столъ и накормили на славу. Доморощенный поваръ оказался на своей высотѣ, а верховая ѣзда и чистый деревенскій воздухъ пробудили въ насъ волчій аппетитъ.

Вокругъ насъ ходили китайчата, бѣгали и хрюкали противныя китайскія свиньи съ большими умными глазами, повизгивали поросята. Иногда загорѣлыя дѣтишки начинали игру въ классы, причемъ какъ-то особенно толкали ногами камешки.

Сытно поѣвъ, мы принялись за чай, который не сходилъ

со стола до ночи. Веселыя рѣчи чередовались съ разспросами, докладами и приказаніями. Приходили командиры и офицеры близъ стоящихъ сотенъ, рапортовали о дѣлахъ и затѣмъ получали приглашеніе „выпить стаканъ чаю".

— Чай, батенька, у насъ всегда,— говорилъ мнѣ генералъ.— Это самый здоровый напитокъ, который можно имѣть подъ рукой всюду.

Дивизіонный докторъ, хорошій стрѣлокъ изъ револьвера, такъ же, какъ и самъ генералъ Ренненкампфъ, сталъ говоритъ о томъ, что если бы солдатъ лучше снабжали чаемъ и особенно сахаромъ, то было бы меньше всякихъ желудочныхъ заболѣваній.

Начальникъ дивизіи и его штабъ помѣщается въ одной половинѣ фанзы, другая же, отдѣленная какъ бы большой передней, занята хозяевами-китайцами. На широкихъ нарахъ, покрытыхъ цыновками, разложены войлоки, кое-гдѣ чемоданы, карты, оружіе. Здѣсь генералъ спитъ, окруженный своими близкими помощниками; здѣсь онъ и работаетъ. Огромные китайскіе шкафы, покрытые краснымъ лакомъ и изукрашенные большими мѣдными петлями и замками, напоминаютъ что-то старо-русское.

Уже вечеромъ при лунѣ я поѣхалъ въ городъ.

Было тихо, тепло. Издали доносилось рѣдкое ржанье коней, людскіе голоса...

Мотивы корейской архитектуры.

Разсказъ корнета Базилевича.

ПИСЬМО XXI.

Лаоянъ, 10 апрѣля.

Маленькій и довольно-таки грязненькій вокзалъ Лаояна служитъ постояннымъ мѣстомъ сборища. Это своего рода клубъ, куда въ двѣнадцать часовъ дня собираются всѣ завтракать, а въ семь обѣдать или ужинать. Вѣроятно, сюда всѣхъ привлекаетъ большое помѣщеніе и постоянное появленіе новыхъ лицъ, прибывающихъ съ поѣздами и вносящихъ всегда много оживленія.

Запасы буфетчика, видимо, быстро истощаются и за послѣдніе дни на буфетѣ уже не видно ничего хорошаго, соблазнительнаго. Скверная селедка, разрѣзанная на маленькіе кусочки, скверная сухая квашеная капуста, куски почти оде-

ревенѣлой колбасы, маслины и сибирская кета-рыба—вотъ и все. Неаппетитно, неудобоваримо, но... когда ничего другого нѣтъ, то и этимъ закусываютъ какъ будто съ удовольствіемъ. Цѣна на продукты уже поднялась. Шампанское, которое раньше было по 3—5 р., теперь уже идетъ по 10—12 руб. бутылка, а фунтъ сахару, стоившій прежде 10—12 к., теперь идетъ по 35—40 к., да и то, говорятъ, уже на исходѣ. Многихъ эта дороговизна начинаетъ пугать и уже нѣсколько человѣкъ офицеровъ заявили, что шампанское они не будутъ пить, такъ какъ „не по средствамъ".

Впрочемъ, это все-таки не мѣшаетъ имъ ѣсть, пить и веселиться. Ѣдятъ главнымъ образомъ на вокзалѣ, а пьютъ и веселятся въ мѣстномъ кафе-шантанѣ, въ „Шато де-флеръ" или, какъ нѣкоторые его называютъ, въ „Шато де-кабакъ", что пріютился подальше отъ квартиры командующаго арміей, почти подъ самыми стѣнами Лаояна въ ряду жалкихъ построекъ, выросшихъ теперь тамъ.

Это милое учрежденіе пока служитъ единственнымъ развлеченіемъ той массы офицерства и штатскихъ, что сидитъ въ Лаоянѣ.

Представьте себѣ огромную низкую комнату, въ глубинѣ которой устроена сцена, а все остальное мѣсто занято небольшими столами, всегда покрытыми грязными скатертями. Хоръ дѣвицъ, большей частью красивыхъ и довольно жирныхъ, всѣхъ возрастовъ и всѣхъ національностей, служитъ главной приманкой. Изрѣдка, когда соберется побольше гостей, онъ появляется на сценѣ, пропоетъ нѣсколько пѣсенъ, какая-нибудь мѣстная Груша или Даша пройдется раза два передъ своими товарками, подражая подергиваніемъ плечъ и дрожаніемъ грудей цыганкамъ, и опять всѣ спустятся въ „залъ" и разойдутся по столамъ, гдѣ ихъ уже ждутъ скучающіе зрители, всегда готовые покормить и попоить.

Въ небольшихъ, отдѣльныхъ деревянныхъ коморкахъ, что служатъ спальнями этихъ красавицъ и гдѣ вѣчно пахнетъ накоптившей лампой и виномъ, нерѣдко идетъ игра. Хозяйка уходитъ спать къ подругѣ, а спальня превращается въ отдѣльный кабинетъ, гдѣ люди съ деньгами, не знающіе куда ихъ дѣвать, пьютъ и играютъ, играютъ и пьютъ цѣлую ночь на-пролетъ.

На вокзалѣ тоже сидятъ до поздней ночи, но такихъ любителей поскучать въ этой грустной обстановкѣ все-таки мало. Сюда больше собираются въ часы „пріема пищи", когда мѣста приходится брать съ боя и за стульями нужно

охотиться. Не успѣли вы на минутку встать, какъ уже кто-нибудь тянетъ его изъ-подъ васъ. На вокзалѣ же столуются и иностранные военные агенты, изъ которыхъ, кажется, всѣ, исключая англійскаго генерала, хорошо говорятъ по-русски и все время пользуются имъ для общенія съ сотоварищами, хотя нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ, желая ли блеснуть своимъ знаніемъ языковъ или находя, что русскій языкъ недостаточно богатъ для выраженія ихъ мыслей, прибѣгаютъ къ иностраннымъ. Нужно отдать должное агентамъ, они дер-

Казачій разъѣздъ въ гаолянѣ.

жатъ себя очень корректно. Для жизни имъ приготовленъ цѣлый вагонъ перваго класса, а для завтрака и обѣда на вокзалѣ накрывается отдѣльный столъ.

Описывая лаоянскій вокзалъ, я отвлекся. Хотѣлъ было разсказать вамъ свою встрѣчу съ корнетомъ Аргунскаго полка Анд. Ив. Базилевичемъ, раненымъ за Ялу, а между тѣмъ знакомлю васъ съ жизнью въ Лаоянѣ...

Какъ-то надняхъ, часовъ въ одиннадцать утра, подходя къ вокзалу, я увидѣлъ молодого, стройнаго офицера, подъѣз-

жавшаго къ станцiи верхомъ. Загорѣлое, здоровое лицо дышало жизнью, глаза внимательно и весело смотрѣли по сторонамъ. „Я его гдѣ-то видѣлъ", подумалъ я и сталъ къ нему присматриваться.

Когда онъ остановился у крыльца, слѣдовавшiй за нимъ казакъ съ желтымъ околышомъ на фуражкѣ быстро соскочилъ съ лошади и бросился къ нему. Офицеръ довольно осторожно слѣзъ съ коня и, какъ-то странно отставляя правую ногу, пошелъ въ контору начальника станцiи.

— Положительно, я гдѣ-то съ нимъ встрѣчался и даже мало того, я должно быть хорошо съ нимъ знакомъ, но кто это такой? Не могу узнать! Онъ видимо сильно измѣнился... Эта мысль не давала мнѣ покоя, и я напрасно промучился, стараясь вспомнить, но не могъ. Я ушелъ къ себѣ и вторично пришелъ на вокзалъ только къ семи часамъ вечера.

Было тепло, тихо. Солнце близилось къ закату и быстро скрывалось за легкими сѣрыми облаками, покрывшими почти весь горизонтъ. На широкой выравненной площадкѣ станцiи бродило нѣсколько новыхъ лицъ, проплыла огромныхъ размѣровъ и весьма извѣстная на Дальнемъ Востокѣ миссъ Моодъ съ одной изъ своихъ „подругъ", и тихо и мѣрно шагая, точно измѣряя длину пути, ходило взадъ и впередъ человѣкъ десять офицеровъ.

Прямо на меня шелъ тотъ же корнетъ въ высоко сидящей на головѣ фуражкѣ, съ краснымъ околышемъ.

— Андрей Ивановичъ,—крикнулъ я, теперь сразу узнавши въ немъ стараго знакомаго, корнета Базилевича. — Вы ли это? Вѣдь мнѣ говорили, что вы смертельно ранены, умерли?

— Нѣтъ, какъ видите, нѣтъ,—сказалъ онъ пожимая руку и цѣлуя меня.—Живъ и надѣюсь еще воевать.

— Да какъ же такъ? А впрочемъ знаете, что? Пойдемъ-ка въ залъ и тамъ поговоримъ.

Мы вошли. Всѣ столы были заняты, кромѣ одного. Всюду сидѣло множество офицеровъ, кто въ огромныхъ папахахъ, кто въ фуражкахъ съ околышами: желтаго, краснаго, бѣлаго и синяго цвѣтовъ, въ черкескахъ, буркахъ, шинеляхъ. Все говорило, смѣялось, шутило и пило. Появленiе Базилевича было замѣчено. Со всѣхъ сторонъ раздались радостные возгласы, протянулись десятки рукъ, и мой милый корнетъ сталъ переходить изъ однихъ объятiй въ другiя.

— Ну что? какъ?

— Какъ твоя рана?

— Давно ли прiѣхалъ?

Въѣздъ въ малыя императорскія могилы г. Мукдена.
Этюдъ масл. кр. Н. Кравченко.

— Какъ макаки? Садись разскажи...—и тому подобныя фразы посыпались на него со всѣхъ сторонъ. Его схватили, усадили, поставили передъ нимъ бокалъ... и я на долго утратилъ моего корнета. Только взглядъ его дѣтски чистыхъ, красивыхъ глазъ говорилъ мнѣ, что онъ извиняется и ничего не можетъ подѣлать.

— Я васъ подожду тамъ,—бросилъ я ему и занялъ мѣсто въ углу.

Къ ихъ столу подходили новыя лица. Видно было, что Базилевичъ всѣхъ страшно интересуетъ и каждый изъ присутствующихъ офицеровъ хочетъ что-то узнать, спросить, провѣрить. Да оно и понятно. Вѣдь это былъ первый офицеръ, пріѣхавшій съ Ялу и притомъ человѣкъ, бывшій въ бою, раненый въ животъ и почти выздоровѣвшій.

Первое же донесеніе о боѣ подъ Чонъ-чжю говорило, что Степановъ убитъ, Базилевичъ раненъ смертельно. Не прошло, кажется, и двухъ дней, какъ о немъ говорили какъ о мертвомъ и искренно жалѣли.

Онъ былъ вообще на хорошемъ счету какъ товарищъ, какъ хорошій, смѣлый офицеръ и потому нѣсколько человѣкъ какъ-то раздраженно говорили тогда:

— И чего лѣзъ! Очень нужно было! Это, вѣдь, не китайцы! У японцевъ лучшіе стрѣлки въ частяхъ спеціально охотятся за офицерами. Вѣроятно, стояли на виду, гарцовали, ну, и поплатились.

Сквозь эти грубыя слова сквозило сожалѣніе о погибшемъ человѣкѣ.

Съ Базилевичемъ я познакомился почти два года назадъ въ поѣздѣ, когда возвращался изъ Китая въ Россію. Тогда онъ былъ представителемъ какого-то китайскаго торговаго дома, желавшаго войти въ непосредственное сношеніе съ русскимъ потребителемъ. Съ нимъ ѣхалъ и китаецъ компрадоръ. Оба они направлялись въ Москву.

На другой или третій день нашего знакомства я зналъ уже всю не длинную, но интересную исторію моего спутника. Онъ рано женился, потомъ уѣхалъ на Дальній Востокъ, участвовалъ въ послѣдней китайской кампаніи, по окончаніи ея снялъ съ себя мундиръ и поступилъ директоромъ отдѣленія Русско-Китайскаго банка въ Артурѣ или въ Дальнемъ и въ концѣ концовъ, оставивши и это, взялъ на себя представительство.

Человѣкъ онъ былъ жизнерадостный, добрый, говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, схватывалъ все на лету и всѣмъ

Остановка отряда зимой.

интересовался. Мы весело проѣхали до Иркутска, прожили тамъ вмѣстѣ одинъ день и затѣмъ разстались. Во мнѣ онъ оставилъ какое-то теплое, хорошее воспоминаніе.

Когда я услыхалъ о его ранѣ, я его искренно пожалѣлъ.

— Раны въ животъ—самыя тяжелыя и безусловно смертельныя,—сказалъ одинъ бригадный врачъ.

То же самое говорили и тѣ, кому пришлось уже побывать на войнѣ, видѣть раненыхъ.

— Жаль, жаль Базилевича, славный былъ малый,—говорили всѣ.—И какъ бѣдному не повезло, погибъ въ первомъ же дѣлѣ.

Понемногу о немъ забыли, и когда я вернулся изъ второй моей поѣздки въ Артуръ, я о немъ ничего не слыхалъ.

Наконецъ онъ подошелъ ко мнѣ и усѣлся рядомъ.

— Вы будете ѣсть?—спросилъ я его.

— Да. Послушай,—обратился онъ къ лакею, грязному, неумытому, небритому вокзальному лакею.—Нельзя ли мнѣ хорошій бифштексъ и рюмку водки.

— Ну,—обратился я къ нему,—разсказывайте. Разскажите про ваше дѣло, разскажите, какъ это вы остались въ живыхъ, когда васъ уже давно похоронили, и какъ это черезъ двѣ недѣли послѣ такой раны вы дѣлаете верхомъ болѣе двухсотъ верстъ?

— Хорошо! Разскажу все по порядку, все какъ было— тогда для васъ многое станетъ яснымъ. Жили мы по ту сторону Ялу. По началу забрались было очень далеко и все время нащупывали ихъ. Потомъ пришло приказанiе уйти назадъ. Павелъ Ивановичъ (генералъ Мищенко) отправилъ на эту сторону конную батарею и остался только со своими сотнями. На 14 марта была назначена переправа черезъ Ялу и присоединенiе къ главнымъ пѣхотнымъ силамъ. Но наканунѣ онъ собралъ всѣхъ офицеровъ, сообщилъ о приказанiи опять продвинуться впередъ, сказалъ хорошую рѣчь и указалъ на городъ Чонъ-чжю, гдѣ засѣлъ отрядъ японцевъ, подготовлявшiй намъ засаду. Рано утромъ 14-го мы двинулись изъ Сентчхона и его окрестностей на югъ и остановились на ночлегѣ у Носана. Вечеромъ генералъ объявилъ офицерамъ рекогносцировку съ боемъ. На разсвѣтѣ шесть сотенъ двинулись въ путь. Двѣ сотни въ обходъ, а четыре по южной Императорской дорогѣ. Дороги отвратительны, кругомъ сопкообразныя горы, на вершинахъ которыхъ всегда сидятъ подлецы корейцы. Это сигналисты. Какъ только онъ васъ завидитъ — встаетъ, то же дѣлаетъ другой на слѣдующей, потомъ на третьей и т. д. Вообще, по-моему, это дрянь народъ. Лѣнивый, трусливый, и все-таки, несморя на все, что съ ними ни дѣлаютъ японцы, больше льнущiй къ нимъ, чѣмъ къ намъ. За много лѣтъ постоянной борьбы эти мерзавцы успѣли привыкнуть другъ другу, а мы для нихъ являемся новыми угнетателями. Впрочемъ, чортъ съ ними, буду продолжать. Японцы, ожидая развѣдку одной сотней, устроили въ крѣпости и въ деревнѣ засаду изъ одной роты и одного эскадрона. Когда показалась головная сотня отряда, они открыли огонь. Сотня, согласно приказанiю, разсыпалась и послала извѣщенiе назадъ. Генералъ Мищенко приказалъ всѣмъ сотнямъ карьеромъ развернуться, спѣшиться и огнемъ выбить непрiятеля изъ города и крѣпости. Сотня, зашедшая имъ въ тылъ черезъ сѣверныя ворота, заставила японцевъ отступить изъ крѣпости и занять деревню у самыхъ воротъ. Здѣсь они попали подъ нашъ перекрестный огонь. Третьей сотнѣ 1-го Аргутинскаго полка, въ которой я командовалъ первой полусотней, было приказано придвинуться и начать подъ прикрытiемъ нашего огня перебѣжку частями на деревню. Японцы поддерживали жестокiй огонь. На помощь къ нимъ прискакали четыре эскадрона. Одинъ не выдержалъ нашего огня и удралъ назадъ, другiе три вскочили въ улицу къ своимъ, хотѣли спѣшиться, и тутъ подъ нашимъ

огнемъ ихъ свалилось очень много вмѣстѣ съ лошадьми. Мы придвинулись такъ шаговъ на 250. Разгоряченные молодые казаки моей полусотни быстро разстрѣляли почти всѣ патроны. Послѣ двухъ перебѣжекъ, когда уже не оказалось ни у кого патроновъ, я ихъ поднялъ и мы бросились въ приклады. Погорячились. Японцы встрѣтили насъ сосредоточеннымъ огнемъ и прежде всего, раненый въ животъ, упалъ я, затѣмъ ранили девять казаковъ, убили двоихъ. Урядникъ Хлѣбовъ, подбѣ-

Въ запрещенномъ саду дворца Мукдена.

жавшій ко мнѣ, упалъ съ прострѣленной головой. Второй урядникъ Балагуровъ, тоже хотѣвшій мнѣ помочь, былъ раненъ въ щеку на вылетъ. Мы залегли опять. Въ это время у крайнихъ фанзъ, стоящихъ около самыхъ воротъ, японцы вывѣсили флаги Краснаго Креста. Поручикъ Андріенко, наступавшій съ обходной сотней черезъ крѣпость, прекратилъ огонь и вышелъ впередъ. Въ ту же минуту открытымъ огнемъ онъ былъ раненъ въ грудь. Этой подлости казаки не могутъ имъ простить. Быть можетъ, выкидывая флагъ, они хотѣли показать мѣсто, куда снесли своихъ раненыхъ, только все-таки пріемъ подлый. Во время боя раненые лежатъ всюду и рядомъ съ ними стрѣляющіе. Выкидывать флаги во время боя не годится. Судя по нашимъ потерямъ, стрѣлки они не-

важные. Когда пришло донесеніе, что со стороны Коссана бѣгомъ идутъ четыре роты японцевъ, генералъ приказалъ отходить.

— Скажите теперь, какимъ образомъ вы были такъ тяжело ранены и теперь уже ѣздите?

— Право, не знаю. Вѣрно, ихъ пульки такія чистыя. Маленькія, онѣ либо убиваютъ сразу, либо легко ранятъ. Онѣ даже не свистятъ, какъ наши, а только цмокаютъ. Раны удивительно чистыя. Одному казаку пуля пробила два пальца въ сочлененіяхъ и оба пальца остались цѣлы, только врачи говорятъ, что не будетъ ими хорошо владѣть. Адъютанту 1-го Читинскаго полка пуля пробила лопатку, и онъ могъ остаться въ строю. Меня, вѣрно, спасло то, что я съ вечера ничего не ѣлъ и кишечникъ былъ пустъ. Пуля не тронула его, только скользнула и пробила подвздошную кость. Вотъ знаете, что плохо? Нервы стали скверные. Дорогой сюда бывало какъ не въ мочь ужъ ѣхать, слѣзу съ коня и заплачу. Право! Тяжело было лежать со Степановымъ. Мучился очень. Такъ стоналъ, такъ кричалъ! Слушая его, легче было переносить свою боль. Помните его? Онъ тогда въ Мукденѣ вмѣстѣ съ Мирскимъ въ одной фанзѣ жилъ. Онъ долго мучился. Потомъ онъ замолчалъ. Мнѣ докторъ сказалъ, что онъ умеръ, но отъ товарища почему-то скрывали. А тотъ все бывало спрашиваетъ: почему Степановъ молчитъ, отчего онъ пересталъ кричать? Отчего не стонетъ? Заснулъ онъ, усталъ, успокаивалъ я его. Сначала, можетъ быть, и вѣрилъ, а потомъ, вѣрно, понялъ и пересталъ спрашивать. Насъ въ фанзѣ лежало трое.

— Ну, а теперь же вы куда? Отчего не лежите?

— Не могу! Тяжела мнѣ эта больничная обстановка, режимъ, діета. Я хочу ѣсть—мнѣ не даютъ; чувствую себя великолѣпно, а мнѣ приказываютъ лежать! Хочу отдохнуть въ покоѣ, хочу задремать, а меня безпокоятъ съ термометромъ. Въ Фынхуанченѣ меня совсѣмъ было замучили діетой. Ну, я и не выдержалъ и какъ-то, какъ былъ въ больничномъ халатѣ, взялъ да и пошелъ въ ресторанъ. Поѣлъ тамъ какъ слѣдуетъ и вернулся, чувствуя себя великолѣпно и какъ видите, безъ скверныхъ результатовъ. Нѣтъ, лежать въ госпиталѣ я больше не могу. Я лучше поѣду въ Дальній къ пріятелю доктору, и тамъ буду на свободѣ поправляться. Вылечусь совсѣмъ, окрѣпну и опять къ Мищенкѣ.

Намъ принесли поѣсть. Мой собсѣдникъ чокнулся, выпилъ двѣ рюмки водки и началъ съ аппетитомъ поглощать бифштексъ.

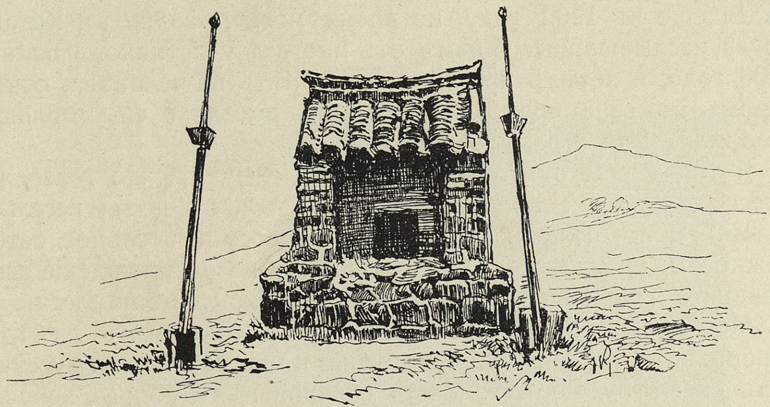
Передъ дверьми суда.

— У васъ теперь ничего не болитъ? — спросилъ я его, подливая ему краснаго вина.

— Нѣтъ, болитъ, когда лежу.

Съ сѣвера пришелъ поѣздъ. Мѣстъ не было. Отправлявшійся вмѣстѣ съ нимъ до Ташичао офицеръ сталъ было просить прицѣпить для больного какой-нибудь служебный вагончикъ, — любезность, которую оказываютъ здѣсь почти всѣмъ, даже здоровымъ полковникамъ, но... для больного этого не сдѣлали. Хлопотливый и крикливый капитанъ, комендантъ станціи, очень долго доказывалъ ничего не просившему Базилевичу, что онъ ничего не можетъ сдѣлать, а полковникъ Нечволодовъ предлагалъ „подвезти“ его до ст. Ташичао въ своемъ вагонѣ. Бѣдный Базилевичъ напрасно старался убѣдить коменданта, что онъ ничего не хочетъ и ни о чемъ не проситъ, а любезнаго полковника поблагодарилъ и отказался. До Ташичао всего три переѣзда и ему не хотѣлось безпокоить новаго „корейскаго военнаго агента“, какъ называли полковника.

Кстати: коменданты станцій здѣсь очень большія особы. Они по военному положенію пользуются огромными правами и часто всѣмъ говорятъ объ этомъ.

Маленькая божница въ полѣ около Артура.

ВОСПОМИНАНІЯ.

У генерала Стесселя.

На сѣверъ отъ Восточнаго бассейна, за старымъ городомъ, далеко за одинокой бѣдной церковью, на одномъ изъ большихъ холмовъ, которыми покрыто все мѣсто въ кольцѣ портъ-артурскихъ укрѣпленій, живетъ генералъ Стессель.

Его большой одноэтажный домъ стоитъ какъ-то совсѣмъ особнякомъ, и за широкимъ садомъ, окруженнымъ каменной стѣною, почти ничего нѣтъ. Только вдали, рисуясь краснымъ высокимъ силуэтомъ, видны голыя скалы Золотой горы, часть заставленной судами гавани да ворота городской стѣны, которая когда-то окружала теперешній „старый“ городъ. Кругомъ же пусто, голо. Въ саду нѣсколько десятковъ чахлыхъ деревьевъ, а ближе къ огромной стеклянной террасѣ—клумбы съ запыленными цвѣтами.

Съ Анатоліемъ Михайловичемъ Стесселемъ я познакомился еще въ 1902 году, во время моей поѣздки въ Китай. Тогда, наслышавшись о немъ отъ многихъ участниковъ войны 1900 года, я хотѣлъ поближе посмотрѣть на человѣка, о которомъ въ свое время очень много писали и еще больше говорили, хотя и разнорѣчиво.

Я тогда еще отъ очень многихъ слыхалъ, что генералъ Стессель хорошій полководецъ, храбрый офицеръ, веселый человѣкъ, но были люди, которые его осмотрительное, осторожное и, правда, медленное движеніе на освобожденіе осажденнаго Тяньцзиня толковали недостаткомъ рѣшимости.

Моя первая встрѣча съ генераломъ была тамъ же, гдѣ теперь не смолкая грохочутъ пушки и гдѣ небольшая русская рать своей грудью отстаиваетъ славное имя русскаго войска.

Тогда тамъ было такъ тихо, мирно. Артуръ жилъ своей спокойной жизнью и юркія фигурки японцевъ шныряли по его извилистымъ улицамъ и гавани такъ же, какъ теперь въ нашихъ южныхъ городахъ бѣгаютъ различные портные, маклера и коммиссіонеры въ видѣ тощихъ, всегда суетливыхъ евреевъ.

Китайскія двухмачтовыя джонки цѣлой флотиліей стояли въ серединѣ гавани прямо противъ выхода на рейдъ, съ моря постоянно приходили или, наоборотъ, уходили въ море большія и малыя коммерческія суда и всюду сновали утлыя одновесельныя шампуньки съ полуголыми китайцами на кормѣ.

Тогда тамъ ничто не говорило о войнѣ и длинная цѣпь фортовъ съ ихъ многочисленными орудіями казалась совсѣмъ ненужнымъ ожерельемъ города, не имѣвшаго никакой претензіи на красоту.

Да, казалось, что не только мирные граждане, погруженные въ мелочи своей жизни, но даже и военныя власти не думали о врагѣ, и всевозможнаго рода сапожники, поставщики и прачки-японцы имѣли совершенно свободный доступъ въ портъ и на военныя суда. Наши моряки относились къ нимъ съ удивительнымъ довѣріемъ и рѣдкимъ добродушіемъ.

— А вѣдь ты, братъ, навѣрное офицеръ генеральнаго штаба, скажетъ какой-нибудь морякъ, обращаясь къ своей прачкѣ, вспоминая осаду посольствъ, когда 40 человѣкъ японцевъ, проживавшихъ въ Пекинѣ въ роли всякаго рода коммерсантовъ, начиная отъ фотографовъ и кончая содержателями различныхъ притоновъ, въ трудную минуту сорвали свои маски и неожиданно превратились въ прекрасно обученныхъ саперъ и инженеровъ японскаго генеральнаго штаба.

Монголы.

— Ну, какъ тебѣ не стыдно съ чужимъ грязнымъ бѣльемъ возиться? Развѣ это офицерское дѣло?

Маленькій желтолицый, съ живыми черными глазами японецъ быстро поставитъ свою корзину на палубу и, подобострастно улыбаясь и весело заглядывая въ глаза офицеру, скажетъ:

— Мой прачка, каптанъ, право, прачка. Я даже солдатъ не былъ. Я шибко маленька, моя слабый есть, моя солдатъ не годисса.

И затѣмъ, низко кланяясь и также умильно поглядывая на окружавшихъ его довольныхъ матросовъ, онъ быстро исчезнетъ за бортомъ судна.

Тогда въ японцѣ не видѣли опаснаго врага и его не пускали только на форты, куда, впрочемъ, вообще мало кого пускали.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Артуръ (это было въ началѣ мая 1900 г.) я взялъ извозчика и поѣхалъ къ „коменданту крѣпости", какъ величался тогда генералъ Стессель.

Было часовъ 11 дня. Горячее манчжурское солнце съ высоты темносѣраго неба обливало все своими неумолимыми лучами. По улицамъ бѣгали рикши, везя на своихъ легкихъ колясочкахъ моряковъ и штатскихъ, иногда, треща колесами, лихо проносился извозчикъ, поднимая столбъ пыли, которая долго стояла въ воздухѣ и подергивала все окружающее легкой дымкой.

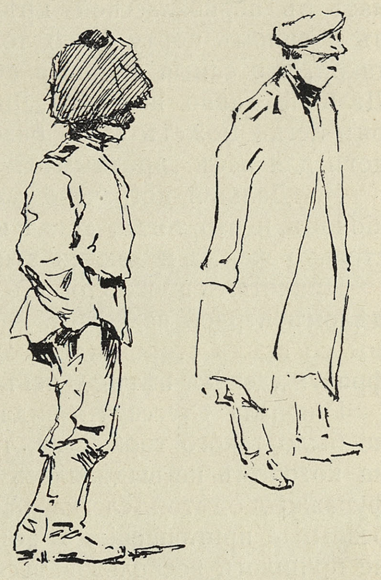
Проѣхавъ весь городъ мимо морского штаба, небольшого террасообразнаго бульвара, мимо дока, откуда несся несмолкаемый звонъ желѣза, и выѣхавъ за ворота, я наконецъ, почти шагомъ, добрался до дома генерала. Не найдя его тамъ, я по указанію вѣстового поѣхалъ къ какимъ-то казармамъ, у которыхъ стоялъ выстроившись батальонъ крѣпостного полка въ бѣлыхъ рубахахъ и грязнобуро-красныхъ штанахъ.

Передъ фронтомъ въ кучкѣ офицеровъ стоялъ выше средняго роста генералъ и о чемъ-то весело говорилъ своимъ громкимъ, слегка скрипящимъ голосомъ. Я представился и сейчасъ же получилъ приглашеніе отправиться съ генераломъ къ нему позавтракать.

За большимъ столомъ собралось много народа, который болталъ безъ умолку до конца завтрака, но всѣхъ громче раздавался веселый, жизнерадостный голосъ генерала.

Въ то время, еще полное воспоминаніями о трудномъ походѣ на Пекинъ, о будущемъ почти никто не говорилъ. Вспоминали больше прошлое. Между прочимъ немало раз-

сказовъ было о томъ, какъ генералъ Стессель дѣлился съ лейтенантомъ Пекарскимъ, бывшимъ при немъ офиціальнымъ переводчикомъ, своими немногими кителями, захваченными на скорую руку. У генерала ихъ было всего нѣсколько штукъ, а у Пекарскаго къ концу похода оказался только одинъ, да и тотъ съ продранными локтями. Сложность отношеній начальниковъ международныхъ отрядовъ требовала постоянныхъ переговоровъ, и неутомимый лейтенантъ, свободно владѣвшій языками, постоянно долженъ былъ отправляться то къ „японцу", то къ „нѣмцу", то къ „англичанину".

Изъ альбома Н. Кравченко.

— Частенько, говорилъ лейтенантъ,—сижу я у себя по утрамъ въ палаткѣ и, прихлебывая мутный чай, жду своего одѣянія, какъ вдругъ по близости раздастся голосъ генерала:

— „Георгій Петровичъ!

— „Есть, отвѣчаю я.

— „Пожалуйте сюда.

— „Не могу, китель моется.

„И вотъ генералъ присылаетъ мнѣ китель со своей богатырской фигуры а я, запахнувшись въ него на подобіе халата, являюсь въ палатку для выслушиванія приказаній".

Въ 1902 году я былъ нѣсколько разъ въ Артурѣ, и всегда онъ производилъ впечатлѣніе мирнаго городка, гдѣ вся жизнь идетъ своимъ чередомъ и гдѣ люди живутъ, мало думая о завтрашнемъ днѣ. Планъ укрѣпленія крѣпости исполнялся не спѣша, многіе форты были, такъ сказать, только намѣчены и на мои разспросы, почему дѣло подвигается такъ медленно, всегда почти былъ одинъ отвѣтъ:

— Денегъ нѣтъ, денегъ не даютъ. Всѣ деньги идутъ на постройку никому не нужнаго Дальняго. Тамъ, на пустынномъ берегу, на мелкомъ мѣстѣ бухты строятъ „лишній" городъ, роютъ каналъ, заканчиваютъ докъ, тогда какъ у насъ въ первоклассной крѣпости незакончены укрѣпленія, въ военномъ порту всего только одинъ докъ, да и тотъ такой, что самыя крупныя суда не могутъ въ него войти. Дальній давно названъ „Лишнимъ", но въ случаѣ войны онъ легко можетъ стать базой непріятеля и тогда онъ будетъ для насъ „вреднымъ".

На Дальній истрачено уже около двадцати восьми милліоновъ, и это тогда, когда на укрѣпленіе Артура дано почти столько же, да и даются эти милліоны по частямъ!

Прихотямъ прожекторовъ оказываютъ предпочтеніе передъ дѣломъ первой важности. А между тѣмъ на всѣ требованія мы со всѣхъ сторонъ только и слышимъ все одну и ту же фразу: „денегъ нѣтъ, денегъ нѣтъ".

Генерала Стесселя я видалъ въ Артурѣ часто, такъ какъ не было такого торжества, такого смотра или такого парада, на которомъ не выдѣлялась бы его плотная фигура въ бѣлой фуражкѣ, одѣтой слегка набекрень. Къ сожалѣнію, его любезнымъ приглашеніемъ „бывать почаще и запросто" мнѣ не пришлось воспользоваться.

Слишкомъ много было новыхъ знакомствъ, новыхъ встрѣчъ, да и притомъ же меня, какъ говорится, засосала жизнь на военныхъ судахъ, гдѣ все такъ своеобразно и интересно.

Вторично я побывалъ у теперешняго начальника обороны Портъ-Артура, у генерала Стесселя, только почти черезъ два года, а именно: въ началѣ войны въ мартѣ мѣсяцѣ, когда послѣ долгихъ настояній мнѣ, наконецъ, было разрѣшено въ Мукденѣ съѣздить въ Артуръ.

Съ Анатоліемъ Михайловичемъ мы встрѣтились какъ старые знакомые. Послѣ первыхъ словъ привѣтствія онъ забросалъ меня кучей вопросовъ о томъ, что дѣлается въ Россіи, что тамъ новаго, какъ смотрятъ на Артуръ, чего ждутъ отъ крѣпости.

Я сказалъ.

— Ну, а вы, генералъ, что вы думаете о будущемъ. Какъ Артуръ? Долго ли выдержитъ?

— Выдержитъ, все выдержитъ. За насъ не безпокойтесь. Были, конечно, у насъ кое-какіе недочеты, недостатки, да ничего, успѣли многое пополнить. И сейчасъ мы не сидимъ сложа руки. Видѣли вѣрно и сами, какъ всюду кипитъ работа.

Я, дѣйствительно, уже успѣлъ замѣтить тысячи китайцевъ, точно муравьи копошившихся на вершинахъ многихъ хол-

Китаянки.

мовъ, которые раньше были мертвыми и голыми. Всюду додѣлывали то, что не было сдѣлано раньше; за городомъ устраивали проволочныя загражденія, закапывали фугасы,

рыли рвы, ставили различнаго рода знаки, опредѣляющіе дистанціи и т. п.

— А какъ вы тутъ эти бомбардировки переживаете? Тяжело вѣдь? Вы, положимъ, живете довольно далеко и къ вамъ снаряды вѣрно не долетаютъ.

— Какое тамъ не долетаютъ! Вонъ, тамъ, — генералъ ткнулъ пальцемъ въ окно по направленію въ уголъ сада,— эти подлецы убили моего пѣтуха. Чортъ знаетъ что такое, на одного пѣтуха тратятъ двѣнадцатидюймовый снарядъ! Самое непріятное то, что стрѣляютъ черти, засыпаютъ городъ снарядами, а откуда стрѣляютъ, не видишь.

— Да, генералъ, это должно быть очень обидно. Такимъ образомъ они и въ серьезъ смогутъ вамъ не мало бѣдъ надѣлать и все безнаказанно.

— Да что подѣлаешь? Все это наши инженеры. Строили, строили, а этого вотъ и не сообразили. Ну, да ничего, теперь мы кое-что придумали и Богъ дастъ, они еще заплатятъ намъ и за это. Я просилъ было Макарова дать намъ большія орудія съ чинящагося „Ретвизана", чтобы устроить скрытую батарею на Ляотешанѣ, да адмиралъ не согласился. А жаль! Мы бы дали возможность этимъ подлецамъ стать, какъ всегда, тамъ на якорь, и когда они начали бы насъ бомбардировать—пустили бы нѣсколькихъ изъ нихъ къ черту. Стрѣлять можно было бы навѣрняка.

— Почему же объ этомъ не подумали раньше.

— Что подѣлаешь? Это все инженеры! съ нѣкоторой горечью сказалъ онъ.—Они все знаютъ, все предвидятъ и не любятъ, когда вмѣшиваются въ ихъ дѣло.

Во время нашего разговора открылась дверь и въ комнату вошелъ средняго роста симпатичный инженерный генералъ.

— Вотъ познакомьтесь, сказалъ А. М.,—это нашъ новый защитникъ генералъ Кондратенко, а это—художникъ Кравченко. Мы на него надѣемся, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, онъ-то насъ не подведетъ и приготовитъ японцамъ много неожиданнаго. Ничего, продолжалъ комендантъ, улыбаясь и показывая при этомъ свои крѣпкіе, здоровые зубы—ничего, отстоимся. А вы гдѣ остановились?

Я сказалъ.

— Приходите къ намъ почаще. Въ часъ мы завтракаемъ, въ шесть обѣдаемъ. Приходите запросто: мы вѣдь на военномъ положеніи.

На мою просьбу дать возможность посмотрѣть укрѣпленія

Мукденъ. Холмъ, подъ которымъ, говорятъ, находится гробница манчжурскихъ императоровъ.

генералъ написалъ карандашомъ записку въ штабъ, благодаря которой мнѣ былъ открытъ не только свободный доступъ во всякое время и на всѣ форты, но даже дано было право дѣлать тамъ снимки и писать этюды.

Ежедневно рано утромъ генералъ дѣлалъ объѣздъ почти всѣхъ позицій и фортовъ, что, конечно, было не легко, такъ какъ подъемъ на многіе изъ нихъ отнималъ по получасу времени.

Любимымъ мѣстомъ генерала для наблюденія за бомбардирущими судами и отраженіемъ брандеровъ была батарея на Электрическомъ утесѣ.

— Отчего не на Золотую гору?—спросилъ я его.

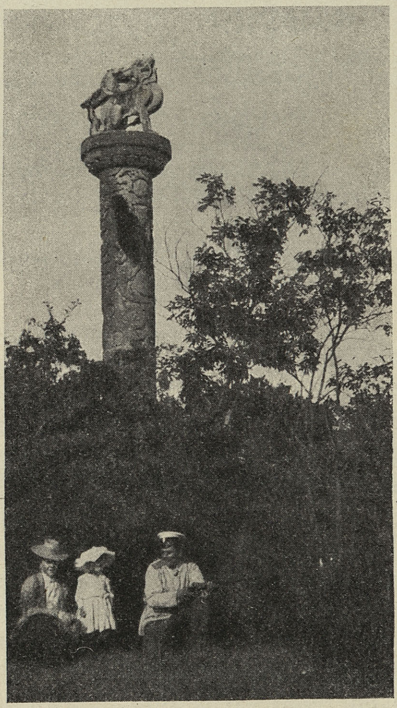
— Долго подниматься,—сказалъ онъ.—А здѣсь и близко и скоро.

Объ А. М. въ Артурѣ ходитъ много анекдотовъ, довольно вѣрно характеризующихъ его грубоватость и прямолинейность. Такъ, напримѣръ, осматривая Цинчжоускую позицію, онъ сдѣлалъ недовольную гримасу и сказалъ инженерамъ, что они

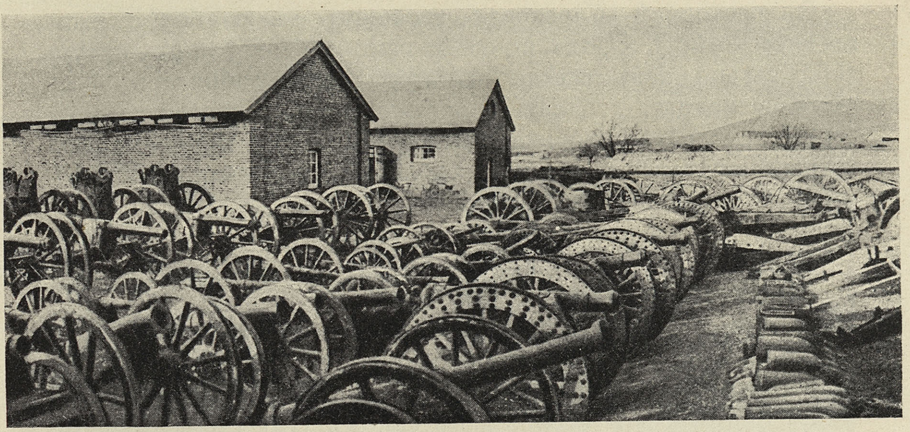
ничего за свою работу не получатъ, причемъ, конечно, выразился довольно рѣзко.

— Почему же это? обидчиво спросили инженеры.

— Да очень просто. Японцы сюда не пойдутъ. Что они дураки, что ли? Понастроили вы здѣсь Богъ знаетъ что, да еще все на виду. Они и направятся въ обходъ. Нѣтъ, нужно такъ сдѣлать, чтобы имъ и въ голову не приходило то, что ихъ здѣсь ожидаетъ.

Одна изъ колоннъ, съ изображенiемъ крылатаго льва, украшающихъ садъ малыхъ могилъ.

Портъ-Артурскій арсеналъ. Китайскія орудія, взятыя въ 1900 году.

Въ Портъ-Артурѣ.

Было жарко и душно. Ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка, ни капли прохлады. Полуденный, почти тропическій зной точно усыпилъ все и вмѣстѣ съ воздухомъ, напоеннымъ тепломъ, запахомъ моря, угольной пылью, дымомъ и еще чѣмъ-то, задремали и гордыя горы, и городъ, и люди.

Понуря головы и лишь изрѣдка помахивая хвостомъ, стояли неподвижные кони задремавшихъ на козлахъ извозчиковъ; въ самыхъ невозможныхъ позахъ спали около огромной угольной кучи полуголые китайцы; спали рѣдкія здѣсь собаки; спала слегка подернутая синевой Золотая гора со своей мортирной батареей и сигнальной мачтой.

Все, что могло, все, что еще жило, попряталось въ тѣнь. Только неотложное дѣло да неволя выгоняли людей на улицу.

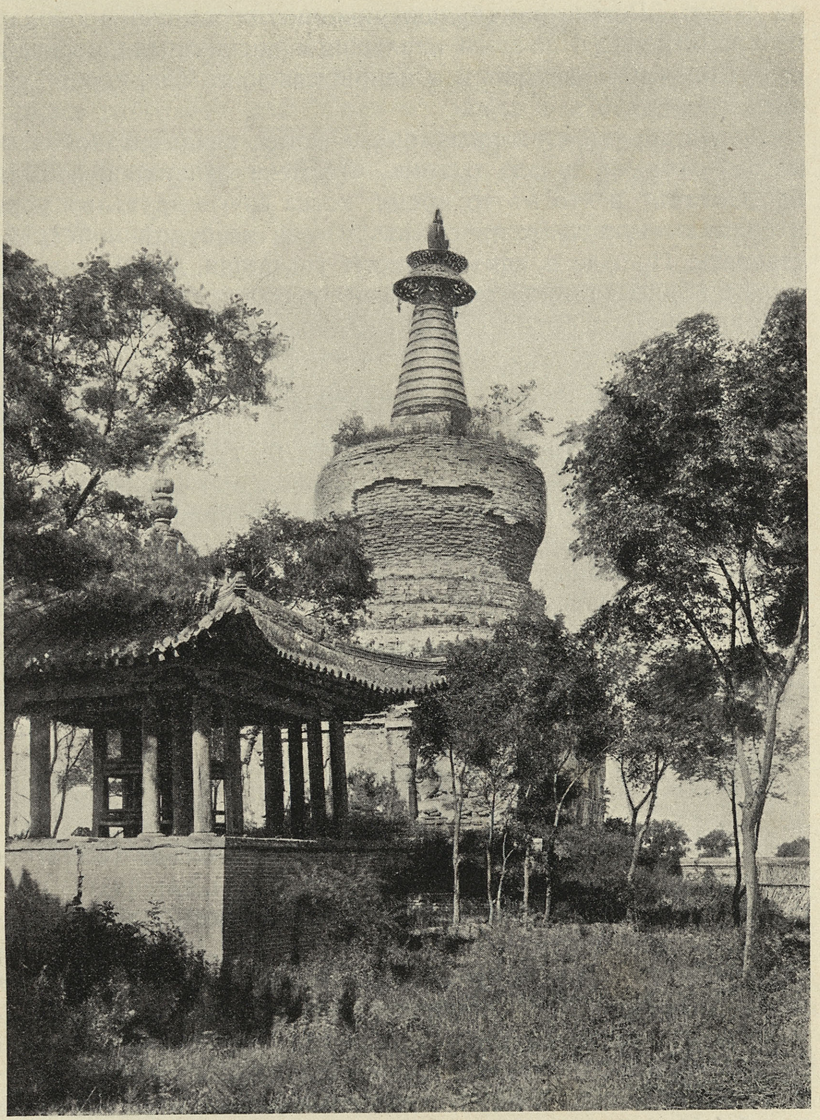
Въ ресторанѣ „Саратовъ“, стоящемъ въ наиболѣе оживленномъ мѣстѣ города, почти на самомъ берегу портъ-артурской гавани, какъ всегда въ этотъ часъ, собралось человѣкъ пятнадцать-двадцать холостяковъ. Здѣсь были коммерсанты, портовые чиновники, инженеры, корреспонденты, пѣхотные офицеры и какіе-то никому невѣдомые типы, профессія которыхъ была извѣстна развѣ только мѣстной полиціи.

Всѣ эти холостяки или соломенные вдовцы, поторопившіеся послѣ первыхъ же бомбардировокъ выслать своихъ женъ и дѣтей изъ крѣпости, питались здѣсь и съ рѣдкой довѣрчивостью поглощали тѣ блюда, которыми въ изобиліи угощалъ ихъ ресторанъ.

За однимъ изъ столовъ въ самомъ углу стеклянной галереи присѣлъ и я съ моимъ старымъ пріятелемъ, лихимъ морякомъ, котораго по справедливости многіе называли морскимъ волкомъ.

Сильная фигура лейтенанта Балка, его огромная черная борода, громкій голосъ и мощный, большой кулакъ давно сдѣлали его самымъ популярнымъ человѣкомъ на всемъ Квантунскомъ полуостровѣ. Это былъ незамѣнимый командиръ небольшого водоотливнаго портоваго судна „Силачъ“, всегда готоваго идти на помощь любому изъ своихъ боевыхъ товарищей, нерѣдко терпѣвшихъ аварію даже въ самой гавани, какъ это, напримѣръ, было съ „Енисеемъ“, котораго во время тайфуна, несмотря на якорь, страшнымъ вѣтромъ потянуло на берегъ и почти посадило на мель. Только своевременная помощь „Силача“ и распорядительность Балка спасли судно отъ большихъ непріятностей. „Силачъ“ со своей бравой командой, точно набранной изъ самыхъ сильныхъ матросовъ Тихаго океана, справлялъ любую службу и одинаково хорошо дѣлалъ все. Онъ ловко во время бури подавалъ конецъ и стаскивалъ съ мели неповоротливыя большія суда, откачивалъ воду у тѣхъ изъ нихъ, которыя успѣли получить пробоину, возилъ важные пакеты и почту на эскадру, ушедшую далеко въ море на практическую стрѣльбу или на эскадренныя эволюціи, которыми въ свое время любилъ заниматься адмиралъ Скрыдловъ.

Я люблю этого хорошаго, добраго и толковаго человѣка и послѣ долгой разлуки радъ былъ поболтать съ нимъ. За бутылкой недурного вина и дружеской бесѣдой мы не замѣчали, какъ летѣло время. Переживъ весь ужасъ первыхъ бомбардировокъ и отраженія брандеровъ, онъ охотно раз-

Одна изъ четырехъ башенъ, стоящихъ вокругъ Мукдена.

сказывалъ мнѣ все то, что, ему казалось, прекрасно знаютъ всѣ артурцы и что могло еще интересовать меня.

Особенно сильное впечатлѣніе на него произвела одна ночь, когда, стоя бортъ о бортъ съ сѣвшимъ на мель у входа

въ гавань „Ретвизаномъ“, получившимъ огромную пробоину во время перваго ночного нападенія японскихъ миноносцевъ, его „Силачъ“ подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ дѣлалъ свое дѣло.

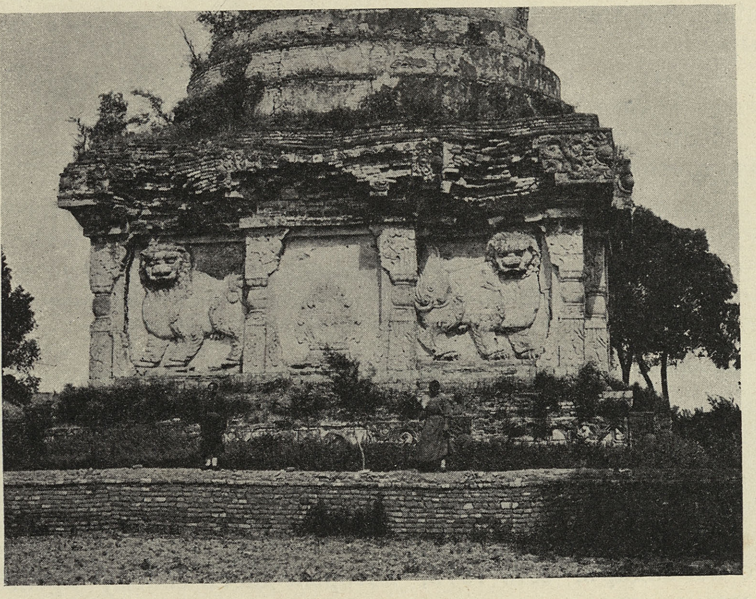
— Да, братъ, говорилъ онъ, — когда началась война, я не безъ горечи думалъ о томъ, что меня заперли и забыли на „Силачѣ“ и что въ то время, когда другіе идутъ въ море и сражаются, я долженъ сидѣть у себя на суднѣ и бездѣйствовать. Прежде я, какъ и многіе товарищи, думалъ, что въ случаѣ войны я вмѣстѣ съ другими буду командовать какимъ-нибудь миноносцемъ и сдѣлаю что-нибудь. А между тѣмъ я и до сей поры только командиръ портоваго судна. Но теперь я не жалѣю. Я понялъ, что, управляя „Силачемъ“ съ его огромными шлангами, я тоже дѣлаю дѣло и подчасъ большое дѣло. Если бы ты былъ съ нами въ ту ночь, ты понялъ бы меня. Мы стояли съ лѣваго борта „Ретвизана“, почти погрузившагося носомъ въ воду, и моя машина работала во всю, откачивая цѣлое море воды. Но пробоина была очень велика и подводные пластыри не могли какъ слѣдуетъ закрыть эту громадную дыру. Кругомъ было темно, ничего не видно. Всѣ огни потушены, все молчитъ и только пыхтитъ моя машина, да дрожатъ шланги. Вдругъ началась стрѣльба. Сердито рявкнули крупныя орудія броненосца, затрещали скорострѣлки, съ адскимъ трескомъ стали рваться вокругъ насъ непріятельскіе снаряды, а мои молодцы работаютъ какъ ни въ чемъ не бывало. Все также однообразно стучитъ водоотливная машина, все также черезъ десятокъ шланговъ цѣлымъ водопадомъ льется за бортъ вода. Иногда раздастся чей-нибудь стонъ, послышатся слова команды, шлёпнется гдѣ-нибудь близко въ воду снарядъ, а они безъ устали работаютъ да работаютъ, и кажется, что нашъ „Ретвизанъ“ начинаетъ всплывать. Вдругъ что-то блеснуло около меня и нѣсколько человѣкъ со стономъ опрокинулись на палубу. Я даже не помню взрыва. Видѣлъ только упавшихъ, видѣлъ блѣдныя лица раненыхъ и подскочившихъ къ нимъ товарищей, видѣлъ темныя пятна крови, которыми сразу покрылась палуба. Потомъ... потомъ опять пошло все своимъ чередомъ. Механикъ не отходилъ отъ машины, а я шагалъ отъ бака на ютъ и обратно, да покрикивалъ на людей, которые и безъ того прекрасно дѣлали свое дѣло.

— Да, братъ, сказалъ онъ, немного помолчавъ, — кто, кто, а эти не выдадутъ и сдѣлаютъ что надо.

„Иногда и во мнѣ просыпалось сожалѣніе о томъ, что я

не на миноносцѣ, что не могу гаркнуть: „полный ходъ“, и, подойдя вплотную, не пустить, а ткнуть его, подлеца, миной, но потомъ, когда посмотришь, какъ спокойно подъ этимъ огнемъ работаетъ мой „Силачъ“, когда подумаешь, что быть можетъ благодаря нашей работѣ спасается лучшій броненосецъ, одна изъ крупнѣйшихъ нашихъ боевыхъ единицъ,—становилось легче.

„Помнишь, былъ у меня юнга Миша? Какимъ молодцомъ

Украшенія на нижней части башни.

онъ себя тогда показалъ! Даже старые матросы его хвалили, и одинъ изъ георгіевъ, данныхъ на мое судно, я присудилъ ему“.

Не безъ легкой зависти онъ сообщилъ мнѣ, что его бывшій помощникъ мичманъ Малѣевъ назначенъ на миноносецъ „Страшный“ и вѣроятно сумѣетъ отличиться.

Онъ долго еще разсказывалъ мнѣ о томъ, что было. Говорилъ о результатахъ бомбардировокъ, о томъ, куда попадали снаряды, какъ одинъ изъ нихъ, попавшій въ минный транспортъ „Амуръ“, по счастію, не разорвался, какъ китайцы систематически занимаются сигнализаціей, какъ ихъ ловятъ и т. п.

Вдругъ онъ почти привскочилъ и, схвативъ меня за руку, потянулъ къ окну.

— Смотри! Вотъ онъ идетъ.

По улицѣ довольно скоро проходилъ какой-то морякъ средняго роста въ бѣломъ кителѣ, такихъ же брюкахъ и съ кортикомъ на поясѣ.

— Кто онъ? — спросилъ я. — Я его не знаю.

— Это Виренъ, командиръ „Баяна". Знаешь?

Я взглянулъ на пріятеля и не узналъ его. Онъ сталъ совсѣмъ другимъ. Лицо покраснѣло, глаза горѣли, самъ точно выросъ.

— Ты еще не видалъ его въ дѣлѣ? Увидишь, тогда поймешь. Такихъ людей немного.

И онъ разсказалъ мнѣ то, что видѣлъ самъ и слышалъ отъ другихъ.

Передо мной вдругъ точно выросъ тотъ самый „Баянъ", который еще наканунѣ я видѣлъ въ гавани какъ разъ противъ выхода на рейдъ. Я вспомнилъ, какъ, проѣзжая мимо, былъ удивленъ безчисленными дырками, покрывавшими весь остовъ, борта, трубы и мачты „Баяна". Я пробовалъ было сосчитать ихъ на грязночерномъ тѣлѣ этого молодца-крейсера и не могъ: ихъ было очень много, а мой китаецъ, ловко правившій своей шампунькой, видя строгое лицо часового, стоящаго на кормѣ судна, усиленно налегалъ на свое весло и старался поскорѣе пройти дальше.

Да, къ стыду своему, я, подобно многимъ, зналъ о существованіи „Баяна" и точно не подозрѣвалъ того, что есть его командиръ, есть тотъ, который даетъ своему крейсеру и умъ и отвагу.

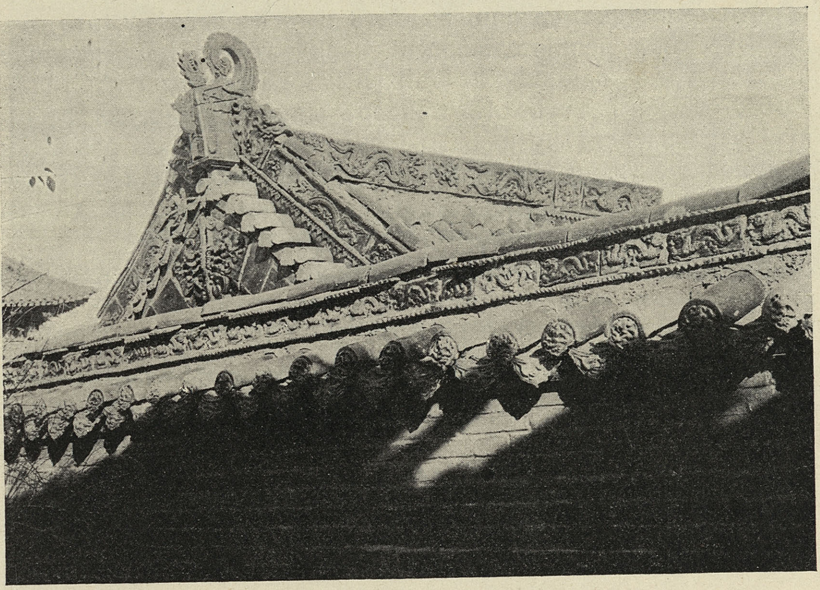
Мы знаемъ названія судовъ, часто въ тысячахъ тоннъ, знаемъ ихъ водоизмѣщеніе, помнимъ, сколько и какія на нихъ орудія, и не знаемъ тѣхъ, кто ими управляетъ.

„Севастополь", „Побѣда", „Пересвѣтъ", „Діана", „Полтава„ и т. д. Мы знаемъ, что они вышли, дрались, вернулись, опять вышли, и мы представляемъ себѣ эти огромные черные утюги, что могутъ далеко отъ себя посылать смерть и въ то же время еще легче гибнуть отъ малѣйшей случайности, но... мы не думаемъ о тѣхъ людяхъ, что, стоя на каждомъ изъ нихъ въ боевой рубкѣ, управляютъ ими.

Мы почти совсѣмъ забываемъ о ъ живыхъ существахъ, что находятся на этихъ судахъ и которые дѣлаютъ эти тяжелыя, молчаливыя и неподвижныя громады легкими, быстрыми и страшными.

Да, мы не думаемъ о сотняхъ матросовъ, о десяткахъ офицеровъ и механиковъ, что даютъ судну жизнь, движеніе и заставляютъ жерла пушекъ чуть ли не на десятки верстъ посылать тяжелые снаряды! Но вѣдь и эти люди не что иное, какъ умныя машины, которыми управляетъ только одинъ человѣкъ — командиръ судна.

Онъ — его голова, его глаза, его сердце. Это онъ, а не „Баянъ" идетъ полнымъ ходомъ, это онъ открываетъ огонь,

Маіоликовыя украшенія желтаго и зеленаго цвѣта на крышахъ императорскаго дворца въ Мукденѣ.

это онъ приказываетъ стрѣлять разрывными или бронебойными снарядами!

И когда вы читаете, что вышелъ въ море „Баянъ", знайте, что это вышелъ его командиръ, теперь контръ-адмиралъ, Виренъ.

31-е марта тяжелый и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошій день для русскихъ моряковъ. Начался онъ, какъ вѣроятно помнятъ читатели, славнымъ боемъ миноносца „Страшный" — одного противъ четырехъ, и закончился гибелью „Петропавловска" съ Макаровымъ, Верещагинымъ и многими-многими другими. Но въ этотъ день было еще одно славное дѣло, почти про-

шедшее незамѣтно — это бой одного „Баяна“ съ шестью японскими крейсерами.

Я видѣлъ это и никогда не забуду. Никогда мое сердце не было такъ полно радости и гордаго сознанія, что я русскій, какъ въ тотъ день, въ тотъ часъ, когда я видѣлъ эту чудную картину. Она всегда передо мной, всегда на яву, и я помню ее со всѣми мелочами, во всѣхъ ея чудныхъ моментахъ.

И героемъ ея былъ Виренъ!

Это онъ такъ славно вышелъ имъ на встрѣчу, это онъ подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ спустилъ шлюпку и спасъ трехъ оставшихся въ живыхъ матросовъ со „Страшнаго“, это онъ замѣтилъ маневръ двухъ крейсеровъ, двинувшихся на встрѣчу нашимъ возвращавшимся съ развѣдки миноносцамъ и, пустившись въ догонку за ними и сосредоточивъ на этихъ крейсерахъ весь свой огонь, заставилъ ихъ повернуть обратно и пропустить миноносцы.

Да, будь во главѣ нашей эскадры 28 іюля Виренъ, а не другой, наши суда не были бы теперь разсѣяны по всѣмъ нейтральнымъ портамъ и на помощь къ немногочисленнымъ, но лихимъ крейсерамъ Владивостока уже давно пришли бы болѣе могучіе товарищи изъ Артура.

Ворота императорскаго дворца въ Мукденѣ.

Жизнь. Концертъ.

На „Рюрикѣ“.

Это было въ 1902 г.

Я только что пріѣхалъ въ Артуръ, разсчитывая прожить тамъ нѣсколько дней и затѣмъ двинуться дальше въ самый Китай, въ Печилійскую провинцію, на поля бывшихъ сраженій, гдѣ отличалась наша желѣзная бригада, гдѣ прославили свои имена Леневичъ, Анисимовъ, Стессель...

Жизнь въ Портъ-Артурѣ поражала своимъ однообразіемъ и скукой. До обѣда всѣ были на службѣ, занимались въ конторахъ, на судахъ, въ порту, на фортахъ или на элингѣ, гдѣ собирались по частямъ привезенные изъ Петербурга миноносцы, бѣгали по разнымъ дѣламъ, а потомъ, когда кончалась обязательная работа, не знали куда себя дѣвать. Въ видѣ развлеченія ходили слушать музыку на бульваръ, гдѣ

почти каждый день встрѣчали однихъ и тѣхъ же лицъ; нѣсколько разъ въ лѣто ѣздили на Казачье поле на скачки— смотрѣть, какъ мѣстные наѣздники нерѣдко кубаремъ летѣли черезъ головы своихъ не во-время заупрямившихся скакуновъ, иногда обѣдали на судахъ, а по вечерамъ, чаще всего, сидѣли въ дощатомъ циркѣ Боровскаго или по разнымъ кабакамъ, гдѣ пѣли хоры милыхъ дѣвицъ, всегда готовыхъ „играть въ любовь“ съ гостями.

Семейныхъ домовъ было мало, да и ходили туда не особенно охотно. Людей, привыкшихъ вѣчно быть въ ресторанахъ, среди мужской компаніи, среди матросовъ, солдатъ и сомнительныхъ женщинъ, семейная обстановка стѣсняла. Бывали же только въ тѣхъ домахъ, гдѣ можно было хорошо выпить, гдѣ былъ карточный столъ.

И ужъ если начинали пить, то пили много, долго, пили до скандаловъ, до разгромовъ заведеній, до сворачиванія скулъ. А играли?.. По цѣлымъ суткамъ. Да какъ играли!

Помню я одну игру. Забравшись какъ-то во время своихъ скитаній по окрестностямъ Артура на одинъ изъ фортовъ, я остался ночевать у начальника батареи. Мѣста въ казематѣ было немного, но мы кое-какъ расположились и часовъ въ 11 я задремалъ. Сколько я проспалъ и что дѣлалось вокругъ меня, не знаю, но когда я открылъ глаза, меня поразила странная картина. У небольшого стола, заставленнаго бутылками и остатками закусокъ, сидѣли пять человѣкъ офицеровъ, Небольшая лампа освѣщала ихъ возбужденныя лица, кучу бумажныхъ денегъ; она отражалась на пуговицахъ и погонахъ ихъ мундировъ и бросала уродливыя, почти неподвижныя тѣни на низкія сѣрыя стѣны.

Металъ пожилой инженерный полковникъ въ разстегнутомъ мундирѣ... металъ съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ, металъ дрожащими руками, съ какой-то ненавистью поглядывая на своихъ партнеровъ. Онъ поминутно вытаскивалъ свой большой кожаный бумажникъ, выбрасывалъ на столъ нѣсколько крупныхъ кредитокъ, металъ опять, проигрывалъ, опять металъ, опять проигрывалъ, вновь доставалъ деньги, хлопалъ по нимъ рукой, швырялъ карты, бралъ новыя колоды...

А его товарищи, не спуская глазъ съ его рукъ, точно собаки на стойкѣ, терпѣливо ждали картъ и почти послѣ каждой сдачи привычнымъ движеніемъ тянули его деньги къ себѣ.

— Довольно, полковникъ, сказалъ хозяинъ, — вы зарываетесь, бросьте!

— Не ваше дѣло. Вѣдь я не на мѣлокъ играю. Да наконецъ мнѣ нужно отыграться.

Самый молодой изъ игроковъ, не трогая лежавшихъ передъ нимъ бумажекъ, всталъ и вышелъ. Банкометъ злобно изъ-подъ бровей посмотрѣлъ ему вслѣдъ, потомъ перевелъ взглядъ на деньги и опять заметалъ.

Я долго наблюдалъ за ними и наконецъ заснулъ.

Когда проснулся, было 9 ч. утра. Въ одинокое окно врывались яркіе лучи солнца и освѣщали картину, которая днемъ казалась еще хуже, еще грязнѣе.

На столѣ стояли стаканы съ чаемъ, пустыя бутылки, большая коробка съ папиросами, а вокругъ весь полъ былъ покрытъ окурками, плевками, разорванными и цѣлыми картами. Игра продолжалась...

Китаянка.

По телефону изъ города былъ вызванъ для меня извозчикъ и я уѣхалъ, пожавъ руку милому хозяину, торопившемуся къ игорному столу.

Дня черезъ два на бульварѣ я встрѣтилъ одного изъ партнеровъ, молоденькаго офицера.

— Ну, какъ? спросилъ я его.—Чѣмъ кончили?

— Да ничего. Я почти вернулъ все, что этотъ проклятый полковникъ успѣлъ съ меня выиграть раньше. Ему вѣдь ничего — у него тамъ всякіе поставщики, подряды, а мнѣ, знаете, было очень тяжело. Чортъ бы его побралъ! А знаете, когда мы кончили? Только на другой день вечеромъ. Да и то

капитанъ Х. настоялъ, сослался на то, что можетъ заглянуть начальство, да и на „мѣлокъ“ играть не соглашался, а тотъ вѣдь все продулъ.

Кто не играетъ и не научился пить, того однообразіе жизни въ Портъ-Артурѣ убивало и они высчитывали мѣсяцы и дни, которые еще оставалось прожить въ крѣпости. Всякое новое развлеченіе здѣсь встрѣчалось съ особенной радостью, и когда пронесся слухъ о томъ, что въ Артуръ со своимъ хоромъ пріѣдетъ Славянскій, всѣ точно повеселѣли. Пошли толки, споры, воспоминанія, стали говорить, кто, гдѣ и когда его слушалъ и т. п.

Наконецъ въ одинъ прекрасный день появились повсюду раскленныя разноцвѣтныя афиши, объявлявшія день концерта. Городъ какъ будто ожилъ. Забѣгали матросы - вѣстовые, прачки, сапожники, портные, а въ парикмахерскихъ, утопая въ облакахъ табачнаго дыма, сидѣлъ длинный рядъ моряковъ и штатскихъ, терпѣливо ожидавшихъ очереди.

Въ назначенный день, въ восемь часовъ вечера, зрительный залъ матросской столовой, единственный театральный залъ Портъ-Артура, гдѣ иногда наѣзжающая опереточная труппа давала спектакли, былъ полонъ. Партеръ и ложи обоихъ ярусовъ—все было занято.

Когда появился Славянскій, его встрѣтили громкими аплодисментами. Одѣтый въ красивое боярское платье, онъ, встряхнувъ кудрями, взмахнулъ своей шапкой и... концертъ начался.

Тому, кто слыхалъ этотъ хоръ въ былое время, въ періодъ его процвѣтанія, теперь онъ не понравился бы. Но вѣдь ничего лучшаго въ Артурѣ не было и всѣ съ удовольствіемъ слушали стройное пѣніе, разсматривая новыхъ женщинъ, такъ ласкавшихъ глаза своими нагримированными красивыми лицами и яркими костюмами.

Впрочемъ это очарованіе длилось не долго и уже послѣ перваго же отдѣленія многіе начали поговаривать о томъ, куда отправиться ужинать. Въ антрактѣ толпа моряковъ и разодѣтыхъ дамъ запрудила всѣ проходы и небольшую комнату, гдѣ за прилавкомъ стояла некрасивая женщина и продавала фрукты, лимонадъ, конфеты. Въ буфетѣ же, отдѣленномъ отъ зрительнаго зала грязнымъ коридоромъ съ каменнымъ поломъ, толпа стояла почти вплотную. Тамъ поминутно хлопали пробки, звенѣли стаканы, раздавались рѣзкіе, привык-

Тріумфальныя ворота у Императорскихъ могилъ.

шіе отдавать приказанія, хриплые голоса и все тонуло въ туманѣ табачнаго дыма.

Я вернулся обратно въ залъ. Въ проходѣ среди нѣсколькихъ морскихъ офицеровъ выдѣлялась стройная фигура контръ-адмирала съ длинными рыжеватыми усами.

— Скажите, кто это? обратился я къ одному знакомому.

— Это? Контръ-адміралъ Кузмичъ, начальникъ крейсерской эскадры. Вы незнакомы? Пойдемте—представлю. Очень симпатичный морякъ.

Мы познакомились. Когда звонокъ возвѣстилъ начало второго отдѣленія, адмиралъ, протягивая мнѣ руку, пригласилъ пріѣхать позавтракать на „Рюрикъ", на которомъ онъ держалъ свой флагъ.

— Пріѣзжайте, пріѣзжайте. Посмотрите нашего красавца. Завтра у насъ какъ разъ будетъ боевая тревога. Пріѣзжайте въ 10½ ч. Катеръ будетъ васъ ждать на пристани.

Мы разстались. Концертъ кончился и всѣ разошлись.

Въ компаніи добрыхъ пріятелей мы кончили вечеръ въ „Hôtel de France", небольшой одиноко стоящей гостиницѣ, пріютившейся у подножія Перепелиной горы. Изъ окна ея стеклянной террасы, на которую вела каменная лѣстница, была прекрасно видна гавань, Золотая гора, выходъ на рейдъ и силуэты стоявшихъ вдали судовъ.

Гостиница выглядѣла лучше, чѣмъ прочіе портъ-артурскіе меблированные номера, и отличалась отъ послѣднихъ еще тѣмъ, что сюда допускались только „жильцы" и то по выбору хозяйки, сильно пожившей француженки m-me S., умѣвшей зазывать къ себѣ довѣрчивыхъ моряковъ и брать съ нихъ за скверныя блюда и неважныя вина огромныя деньги.

На другой, вѣрнѣе,—въ тотъ же день я былъ на пристани. Было свѣжо и порывистый южный вѣтеръ развелъ сильное волненіе.

У лѣстницы, спускавшейся къ самой водѣ, стоялъ паровой катеръ.

Два матроса, поддерживая меня подъ мышки, бережно опустили на покрытое ковромъ, сидѣніе, рулевой сталъ на свое мѣсто и катеръ запыхтѣлъ и запрыгалъ по волнамъ, направляясь черезъ проходъ въ море, мимо низкаго Тигроваго хвоста съ элингомъ и остатками китайской крѣпостной стѣны, мимо кинжальной батареи, установленной длиннымъ рядомъ скорострѣльныхъ пушекъ Гочкиса, защищающихъ входъ въ гавань, мимо скалъ Золотой горы, маяка и т. п.

Огромные темные валы медленно бѣжали намъ навстрѣчу,

Портъ-Артуръ.—Выходъ на рейдъ.

готовые, казалось, поглотить нашъ маленькій катеръ и, обдавая насъ брызгами, то поднимали на свои высокіе гребни, то бросали въ пропасть, закрывая собою отъ нашихъ глазъ и далекіе силуэты судовъ, и одинокій маякъ, и высокія горы...

Стаи чаекъ, разбившись на маленькія кучки, плача носились въ воздухѣ, иногда какъ бы нехотя взмахивая своими длинными острыми крыльями, иногда опускаясь на воду и безжизненно покачиваясь на волнахъ.

По мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ города, крейсера и броненосцы выростали. На нихъ были видны поминутно взвивавшіеся разноцвѣтные сигнальные флаги, фигуры матросовъ, вахтенныхъ офицеровъ. Навстрѣчу намъ, сильно зарываясь своимъ тупымъ носомъ въ волнахъ, быстро двигались съ виду неуклюжія, двухмачтовыя джонки и, пыхтя и какъ бы ныряя, несся паровой катеръ.

Наше приближеніе на крейсерѣ замѣтили. Раздался свистокъ, забѣгали вахтенные и скоро у трапа стояло нѣсколько человѣкъ матросовъ, а на верхней площадкѣ офицеръ.

— Стопъ! Задній ходъ! скомандовалъ нашъ рулевой.

Уцѣпившись баграми, матросы подтянулись ближе къ трапу, стараясь все-таки держать его такъ, чтобы пляшущій по вол-

намъ катеръ не ударился, а два матроса съ крейсера, стоя на нижней площадкѣ, ждали удобнаго момента и, наконецъ, уловивъ его, подхватили меня подъ руки и втащили къ себѣ. Набѣжавшая огромная волна облила всѣхъ насъ съ ногъ до головы и далеко отбросила катеръ...

Я вступилъ на палубу и отрекомендовался. Вахтенный офицеръ сдѣлалъ то же и предложилъ мнѣ слѣдовать за нимъ.

Крейсеръ тихо покачивало. Огромныя волны съ шумомъ ударялись въ высокіе борта корабля и обдавали дождемъ брызгъ судовую команду, которая стояла на своихъ мѣстахъ у орудій. Коренастые матросы съ загорѣлыми лицами и такими же руками методично подносили болванки, замѣняющіе собой на ученіи снаряды, вкладывали ихъ въ орудія, закрывали замки, наводчикъ какъ бы прицѣливался, потомъ щелкали ударникомъ, опять открывали замокъ, вынимали якобы разряженную гильзу, вмѣсто нея подносился и вставлялся другой снарядъ, опять провѣряли прицѣлъ, опять щелкали и такъ безъ конца...

Меня проводили къ спуску въ адмиральское помѣщеніе къ довольно широкой лѣстницѣ и, очутившись подъ палубой, я скоро увидѣлъ самаго адмирала, неторопливой походкой шедшаго мнѣ навстрѣчу изъ кормовой каюты.

— А, ну, вотъ хорошо! Еще успѣете посмотрѣть, пойдемъ же! сказалъ онъ и повернулъ обратно.

Въ большой каютѣ у широкихъ отверстій, въ которыя иногда почти заглядывали волны, стояли два орудія. Слышалась не торопливая команда, щелкали замки, почти безшумно двигались матросы, то поднося снаряды, то уходя съ ними. Въ глубинѣ каюты наверху висѣли два огромныхъ циферблата, раскрашенные въ черный и красные цвѣта, по которымъ поминутно бѣгали большія стрѣлки.

— А это что? спросилъ я.

— Это? Это вотъ показатель скорости хода судна,—видите цифры? онѣ отмѣчаютъ, сколько узловъ дѣлаетъ крейсеръ въ данное время, а этотъ—передаетъ приказаніе командира стрѣлять бронебойными или разрывными снарядами. Въ морскомъ бою для мѣткости стрѣльбы необходимо знать ходъ своего судна. У насъ вѣдь и прицѣлы на орудіяхъ особенные...

— Командоръ раненъ!—вдругъ закричалъ кто-то и сейчасъ же командовать началъ другой, а упавшаго подхватили неизвѣстно откуда появившіеся матросы съ носилками и унесли.

Я замѣтилъ на потолкѣ нѣсколько паръ извивающихся и подходящихъ къ самымъ орудіямъ рельсовъ.

— Что это такое?

— А это для подачи снарядовъ. Видите вонъ тамъ виситъ такая коробка? Въ каждой помѣщается ихъ по восьми штукъ. Такую пачку въ пороховыхъ камерахъ кладутъ въ особыя трубы, ихъ тамъ быстро поднимаютъ на верхъ, потомъ прицѣпляютъ къ небольшимъ вагончикамъ, движущимся по этимъ рельсамъ и развозятъ по всему судну. На случай если

Торжественная китайская процессія.

бы испортилась электрическая подача снарядовъ, есть приспособленія для подачи вручную.

— Теперь пройдите съ лейтенантомъ по всему крейсеру и тамъ на мѣстѣ вы увидите все это, а потомъ опять ко мнѣ—позавтракаемъ, сказалъ адмиралъ.

Выбравшись на широкую ровную палубу, растянувшуюся отъ кормы до носа, мы прошли длинный рядъ ничѣмъ незакрытыхъ и стоявшихъ у бортовъ небольшихъ орудій, поднялись въ рубку, гдѣ на различныхъ циферблатахъ отражается вся работа судна во время боя и гдѣ, не сходя съ мѣста, командиръ можетъ отдавать свои приказанія въ самые далекіе тайники крейсера и знать, что тамъ дѣлается;

потомъ спустились въ огромное машинное помѣщеніе, въ погреба, гдѣ, точно огромныя бутылки тѣсно въ рядъ стоятъ снаряды, прошли въ минное отдѣленіе и т. д. Всюду на своихъ мѣстахъ далеко въ подводной части крейсера стоятъ офицеры и матросы и каждый изъ нихъ, какъ машина, во время боя, будетъ дѣлать свое дѣло, не зная совсѣмъ о томъ, что творится тамъ, наверху.

Теперь, когда я вспоминаю это, я понимаю одно изъ приказаній покойнаго адмирала Макарова, говорившаго, что каждая удача, каждый счастливый выстрѣлъ съ нашей эскадры долженъ сопровождаться крикомъ „ура", чтобы и тѣ люди, что работаютъ гдѣ-то тамъ далеко, чуть ли не на днѣ судна, знали объ этомъ.

Когда мы поднялись наверхъ — ученіе уже было кончено. Одинокія орудія неподвижно стояли на своихъ мѣстахъ и, блестя подъ солнечнымъ свѣтомъ всѣми своими металлическими частями, какъ-то задумчиво смотрѣли въ даль. Мы прошли въ уютную каюту адмирала съ удобными мягкими креслами и большимъ столомъ, заставленнымъ фотографіями, бумагами и рукописями.

Не успѣлъ я присѣсть, какъ появившійся въ дверяхъ матросъ доложилъ, что завтракъ поданъ.

Большую кормовую каюту въ которой мы были раньше я совсѣмъ не узналъ. Сдвинутыя немного въ сторону ,стояли все тѣ же орудія, повсюду уже висѣли драпировки, стояло много мягкой мебели, а посрединѣ—большой, прекрасно сервированный столъ.

Ласковый и добродушный хозяинъ все время весело говорилъ и время завтрака прошло незамѣтно.

Китайская деревенька около Артура.

Комендантъ и переводчикъ.

— Вамъ нуженъ переводчикъ?

Я обернулся. Передо мною стоялъ комендантъ станціи капитанъ М.

Сухощавый, небритый, средняго роста, съ безпокойно бѣгающими глазами и всегда хрипящимъ голосомъ, онъ былъ хорошо знакомъ всѣмъ. Всегда суетливый, всегда нервничающій, всегда и всѣмъ недовольный, онъ въ то же время былъ готовъ оказать услугу каждому, кто только обратился бы къ нему. Всѣ рады были его позлить и въ то же время въ одинъ голосъ говорили, что онъ добрый и хорошій человѣкъ.

Онъ южанинъ, родомъ, кажется, изъ Кіева и постоянно увлекается всѣмъ. Когда недавно пріѣхалъ сюда В. И. Немировичъ-Данченко и мы вмѣстѣ отправились на квартиру капитана его радости не было границъ. Онъ съ обожаніемъ

глядѣлъ на своего талантливаго гостя, заводилъ для него грамофонъ, показывалъ карточки своихъ знакомыхъ, Японіи, японокъ, самъ заваривалъ чай, разливалъ его по дорогимъ китайскимъ чашкамъ и проливалъ мимо, предлагалъ зачерствѣлую, недавно полученную изъ Россіи, бабу, наконецъ вытащилъ все имѣющееся у него оружіе и торжественно демонстрировалъ употребленіе каждаго револьвера.

Онъ всегда на станціи, всегда о чемъ-то хлопочетъ, кого-то зоветъ, что-то приказываетъ и очень часто его можно искать цѣлый день по всему Лаояну и нигдѣ не найти. Сгинетъ, точно въ воду канетъ. Онъ любитъ разсказывать длинные анекдоты, которые очень часто, не кончивши, бросалъ на полусловѣ и начиналъ другой. Когда его не слушаютъ, онъ сердится и часто самъ, не выслушавши кого-нибудь, бросается въ сторону и начинаетъ говорить съ другимъ. Разговаривая, онъ интонируетъ такъ, что со стороны трудно рѣшить, приказываетъ онъ или молитъ, сердится или играетъ.

— Вамъ нуженъ переводчикъ?—еще разъ спросилъ онъ меня.

— Пожалуй, а что?—спросилъ я.

— Приходите сегодня ко мнѣ. Познакомитесь. Чудная женщина, прекрасный человѣкъ. Великолѣпно говоритъ по-китайски, лучше китайцевъ; знаетъ по-монгольски, по-корейски, по... ну, э... однимъ словомъ, э... незамѣнимый человѣкъ. Для васъ это прямо находка, ей-Богу. Приходите, пожалуйста, приходите. Вотъ увидите, рады будете. Ее бы Василію Ивановичу, а его нѣтъ! И чего онъ уѣхалъ, ей-Богу! — уже почти плача сказалъ онъ.—Этакое сокровище здѣсь, а онъ уѣзжаетъ. Типъ, прекрасный типъ, цѣлый разсказъ. Говорю вамъ—незамѣнимый человѣкъ. А его тамъ, въ Артурѣ, пожалуй еще отрѣжутъ, вотъ и будетъ тогда сидѣть. И чего тамъ ѣздить?!

„Ну, пошелъ!—подумалъ я. Какая тамъ женщина, что за переводчикъ? Ничего не понимаю“.

— Капитанъ, скажите тол... — началъ было я, но мой, уже разсердившійся, капитанъ хватилъ кого-то за пуговицу и, строго сдвинувъ брови, отчитывалъ.

— Э-э! Это нельзя, господа, нельзя,—сказалъ онъ, опять срываясь съ мѣста и хватая со стола стоявшій передъ нѣсколькими проѣзжими офицерами графинчикъ водки— рюмочками сколько хотите, а такъ нельзя. Не могу, ей-Богу не могу. Не я—приказъ! А впрочемъ допивайте скорѣе, только впредь нельзя, такъ и знайте.

— Скажите обратился я къ одному манчжурскому коммерсанту съ великолѣпными свѣтлыми баками, Карлу Карловичу, проживающему у капитана,—что это тамъ у васъ за переводчикъ проявился, что за женщина?

— Приходите, увидите. Интересно. Увидите, не раскаетесь—рѣдкій типъ.

— А вы когда будете дома? спросилъ я.

— Да приходите часовъ въ пять. Чаю напьемся, поболтаемъ, познакомитесь.

Въ пять часовъ я былъ у него.

Открывши дверь безъ ручки, вмѣсто которой висѣла веревка съ узломъ, я вошелъ въ маленькую грязную переднюю.

Китайцы-каменщики

Налѣво въ крохотной кухнѣ на доскахъ, положенныхъ на какіе-то ящики, лежалъ поджавши ноги и спалъ вѣстовой, направо была открытая дверь, а за ней—большая, расшитая шелками японская ширма.

Сладкимъ запахомъ сирени
Напоенъ тѣнистый садъ
И прозрачной ночи тѣни
Дымкой свѣтлою лежатъ...

слышался чей-то сдавленный голосъ въ ґрамофонѣ.

Отчего же, дорогая,
Отчего ты не-е со...мно...о...о...о...

Грамофонъ захрипѣлъ, заскрипѣлъ...

— Капитанъ дома?—крикнулъ я.

— А кто тамъ? А это вы? Пожалуйте, входите, входите!— И вслѣдъ за этими словами передо мною появился нашъ милый комендантъ въ чесунчовомъ кителѣ, синихъ рейтузахъ и въ туфляхъ на босую ногу. Въ рукахъ у него было нѣсколько пластинокъ.

Грамофонъ продолжалъ хрипѣть.

— Да остановите же его, чортъ возьми! — вдругъ крикнулъ онъ, оборачиваясь въ комнату.— Ну, что за человѣкъ, ну, что за человѣкъ! А-а-ахъ! Я не могу понять, ну, какъ можно! Вѣдь портится машина.

И, говоря это, онъ бросился назадъ.

Грамофонъ замолчалъ.

Откормленный, холеный Карлъ Карловичъ, котораго я зналъ еще въ Одессѣ приказчикомъ въ музыкальномъ магазинѣ, привѣтливо встрѣтилъ меня. Это тоже типъ, и типъ хорошій, положительный типъ, типъ, создавшійся въ Манчжуріи.

— Ну, какая жалость, чуть не плача началъ комендантъ,— какая обида! Вѣдь вотъ только-только что вышла! Ну понимаете, а? Вѣдь говорилъ ей: подождите — нѣтъ, пошла. Да, ничего, она скоро, она молодецъ. То-есть, понимаете, прямо на удивленіе, ей-Богу. По-китайски такъ чешетъ, что никто съ ней не тягайся. Ѣздитъ верхомъ великолѣпно, знаете, такъ просто, по-мужски. Ничего не боится. Всюду одна. Была и въ прошлую кампанію, имѣетъ орденъ. Чичаговъ ей даже шашку подарилъ. Да! да!

Онъ ненадолго замолчалъ, усадилъ меня въ качалку, завелъ грамофонъ и, вѣроятно, желая доставить мнѣ удовольствіе, поставилъ „Віютъ вітры“ въ еврейскомъ исполненіи.

— Вотъ бы вамъ взять ее съ собой на Ялу!

— Что вы, милый капитанъ, что вы! Куда мнѣ съ ней! Я и одинъ не знаю, какъ проѣду, какъ тамъ прокормлюсь, а вы вдругъ женщину мнѣ.

— Да позвольте, какая же она женщина? Вы посмотрите только на нее. Молодецъ, а не женщина. Она и верхомъ, она и готовитъ. Что вы, да она за вами будетъ смотрѣть, а не вы за нею. И чего это она пропала? вдругъ почти закричалъ онъ и бросился изъ комнаты.

— Послушайте, Карлъ Карловичъ, что это все значитъ, что за переводчикъ и чего это вамъ хочется, чтобы я ее увезъ?

— Совсѣмъ нѣтъ! Напрасно вы что-то подозрѣваете. Капитанъ говоритъ правду. Хорошій и дорогой она человѣкъ,

Передъ отправленіемъ на казнь.

вотъ и все. Хочетъ попасть на Ялу, на войну, и, какъ всегда, капитанъ принялъ все близко къ сердцу и старается облегчить ей это, да и вамъ помочь. Вѣдь вы и Василій Ивановичъ нѣсколько разъ говорили, что вамъ нуженъ переводчикъ. Человѣкъ она честный, открытый, прямой, держитъ себя хорошо; она не корыстолюбива и если нужно, купитъ сама себѣ лошадь. У нея есть немного денегъ.

— Ага, ага! Ну, наконецъ-то, раздался хрипящій, надтреснутый голосъ коменданта,—пріѣхала!—торжественно сказалъ онъ, показываясь изъ-за ширмъ.

— Да, только сейчасъ уѣзжаю, проговорилъ чей-то пріятный грудной женскій голосъ.

— Ну, куда тамъ уѣзжаю! Посидите съ нами. Вотъ у насъ Николай Ивановичъ, поѣдете съ нимъ; ему нуженъ переводчикъ.

— Поздно, не могу, сейчасъ выступаемъ въ походъ,—и къ намъ, ступая по-утиному, вошла немного сутуловатая, довольно высокаго роста женщина, съ остриженными, вьющи-

мися волосами, красивыми добрыми глазами и большимъ, немного открытымъ, ртомъ. Ровный, правильный носъ придавалъ въ общемъ ея красивому лицу что-то особенно хорошее, породистое.

Насъ познакомили.

— Я уже слыхала. Комендантъ разсказывалъ. Жаль, что не познакомились раньше, сказала она, крѣпко пожимая руку,—поѣхали бы вмѣстѣ.

— Э-э. Какой тамъ у чорта походъ, началъ было нашъ капитанъ...

— Сейчасъ выступаемъ съ казаками. Идемъ на Ялу. Уже все готово. Только вотъ переодѣнусь. Надо спѣшить: на ночь выходимъ, говорила она, неуклюже ступая съ ноги на ногу и бѣгая по двумъ маленькимъ комнатамъ, гдѣ въ разныхъ мѣстахъ лежали ея вещи.

— Какой у меня командиръ красивый, просто прелесть, да и всѣ офицеры такіе хорошіе, славные. Вотъ весело будетъ! И не замѣтимъ, какъ будемъ на мѣстѣ. А тамъ въ бой, тараторила Елена Михайловна, точно разсуждая сама съ собой.

— Поѣдемъ съ нами, вдругъ сказала она, обращаясь ко мнѣ.

— Нѣтъ, не могу, еще не все удалось оборудовать.

— Поѣдемъ. Вы меня нарисуете. Жаль вотъ, что раньше не познакомились, ну, да Богъ дастъ, увидимся. А я теперь переодѣнусь.

Она ушла въ другую комнату и заперла за собой дверь.

— Ну, что, ну, какъ? набросился на меня комендантъ, умильно глядя въ глаза. Вѣдь хорошій человѣкъ, правда? Вотъ всего два дня прожила у насъ, а разставаться съ ней жалко. Хорошій человѣкъ, рѣдкій.

И, понизивши голосъ и наклоняясь ко мнѣ, онъ продолжалъ:

— Знаете, она вѣдь еврейка, только выкрестъ. По убѣжденію сдѣлала это, ей-Богу! Ушла отъ родныхъ и выкрестилась. Мы ее пріютили здѣсь у насъ и намъ веселѣе стало, а теперь вдругъ уѣзжаетъ! Чортъ знаетъ, что такое! И чего ей ѣхать сейчасъ. Да еще съ казаками! А, впрочемъ, она лихо ѣздитъ, молодецъ.

Вошла Елена Михайловна. Въ сѣрой черкескѣ, въ папахѣ, она смотрѣла молодымъ красивымъ казакомъ. Вѣстовой тащилъ за ней какой-то небольшой тючекъ.

— Клади на рикшу и подожди меня.

Казакъ вышелъ.

Казнь въ Манчжуріи.

— Прощайте, господа, не поминайте лихомъ. Можетъ, еще встрѣтимся, а можетъ и убьютъ, съ легкой грустью закончила она.

— Да бросьте вы, оставайтесь. Отдохните немного у насъ, а тамъ съ Богомъ. Пріѣдетъ Василій Ивановичъ и поѣдете всѣ вмѣстѣ. Знаете, обратился онъ ко мнѣ,—вѣдь она сюда въ дровяномъ ящикѣ пріѣхала. Да, ее на станціи гдѣ-то не хотѣли пускать сюда, а она забралась въ вагонъ, да и залегла въ ящикъ. Такъ тамъ и пролежала, пока не отъѣхали. Проводникъ чуть-было съ ума не сошелъ, какъ она стала вылѣзать, хотѣлъ-было кричать, да она его успѣла упросить и десятью рублями соблазнить.

— Ну, хорошо, хорошо! Ладно. Прощайте.

Она по-мужски крѣпко поцѣловала капитана, Карла Карловича и меня.

— Прощайте! Всего хорошаго.

Мы пошли ее проводить. Въ передней капитанъ вдругъ спохватился.

— Э-э... такъ нельзя. Надо по-русски, надо присѣсть.

Мы вернулись и присѣли. Потомъ встали, еще разъ пожали ей руки и вышли на улицу. Казакъ помогъ ей сѣсть на рикшу, сѣлъ на другого самъ, и они поѣхали.

— Вы не расходитесь, кричала она обернувшись. — Если, можетъ, не уйдемъ—я вернусь. Подождите же.

Порывистый вѣтеръ сыпнулъ намъ тучу пыли въ глаза и мы вернулись къ себѣ. Комендантъ и Карлъ Карловичъ еще долго говорили мнѣ о ней.

СОДЕРЖАНІЕ.

		стр
I.	На войну.—Съ дороги	1
II.	Запасные	5
III.	Черезъ Байкалъ	9
IV	По Манчжуркѣ	13
V.	Въ снѣгу	17
VI.	Въ тылу	21
VII.	Около войны	25
VIII.	Отъ Мукдена до Инкоу	33
IX.	Тревожная ночь	41
X.	Шпіонъ	47
XI.	Инкоу. „Сивучъ“	51
XII.	Въ Артуръ! Жизнь въ Мукденѣ	59
XIII.	Портъ-Артуръ	67
XIV.	Геройская смерть	75
XV.	Бой „Баяна“. Гибель „Петропавловска“	81
XVI.	Портъ-Артуръ	87
XVII.	Разсказъ сигнальщика Бочкова	97
XVIII.	Разговоры	99
XIX.	В. В. Верещагинъ	107
XX.	Вице-адміралъ С. О. Макаровъ	113
XXI.	Лаоянъ	121
XXII.	Разсказъ корнета Базилевича	133
XXIII.	Воспоминанія. У генерала Стесселя	145
XXIV.	„ Въ Портъ-Артурѣ	155
XXV.	„ Жизнь. Концертъ. На „Рюрикѣ“	163
XXVI.	Комендантъ и переводчикъ	173

Рисунки на отдѣльныхъ листахъ:

1) На обложкѣ.—Стрѣльба изъ пулеметовъ съ мачты „Гиляка“.
2) Видъ внѣшняго рейда съ Золотой горы.
3) Охотникъ Сибирскаго полка.
4) Гибель „Петропавловска“—фототипія съ фотографіи.

Н. КРАВЧЕНКО.

ВЪ КИТАЙ!

ПУТЕВЫЕ НАБРОСКИ ХУДОЖНИКА.

Роскошное изданіе съ 4-мя репродукціями въ красках на отдѣльныхъ листахъ и многими рисунками въ текстѣ.

Портъ-Артуръ, Чифу, Таку, Тяньцзинь, Пекинъ, Тунджоу, Шанхай-Гуань, Инкоу, Лаоянъ и т. п.

Цѣна 4 руб. На мѣловой бумагѣ—7 руб.

Продается во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Н. КРАВЧЕНКО.

ВЪ КИТАЙ!

ПУТЕВЫЕ НАБРОСКИ ХУДОЖНИКА

Роскошное изданіе съ 4-мя репродукціями в
кахъ на отдѣльныхъ листахъ и многими ри
въ текстѣ.

Портъ-Артуръ, Чифу, Таку, Тяньцзинь, Пеки
джоу, Шанхай-Гуань, Инкоу, Лаоянъ и

Цѣна 4 руб. На мѣловой бумагѣ—7 руб

Продается во всѣхъ большихъ книжныхъ маг

АКАДЕМКНИГА
25 r. —
4 1139/4

2007241119